

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ

ГБУ «ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК им. Ч. Э. АХРИЕВА»

Б.А. Хайров

Шумеро-ингушские лексические связи

(К постановке проблемы)

Издательство ООО «КЕП»

**Магас
2020**

УДК 94(34)/81(811.341.1)

ББК 63.5

X 12

Рецензенты:

кандидат исторических наук **М.Б. Долгиева**

кандидат исторических наук **Т.Х. Матиев**

Хайров Б.А.

X12 Шумеро-ингушские лексические связи. (К постановке проблемы). / Магас, ООО «КЕП», 2020 – 308 с.

ISBN 978-5-4482-0082-3

Сборник научных статей Байали Абукаровича Хайрова представляет собой этимологическое исследование лексики шумерского языка на основе нахских языков (в основном ингушского). Этимологическому анализу подвергается более сотни лексических единиц шумерского языка, которые предположительно относятся к так называемому до-шумерскому языку, и не поддаются этимологии на основе самого шумерского.

Исследования основаны на данных нескольких наук: истории, лингвистики, археологии и т. д. При этом автор опирается на работы большого числа специалистов в указанных областях науки.

Работы могут представлять интерес как для филологов – специалистов по Древнему Востоку, так и для лингвистов различной специализации, историков, этнографов, студентов, аспирантов, а также всех интересующихся нахскими языками.

УДК 94(34)/81(811.341.1)

ББК 63.5

ISBN 978-5-4482-0082-3

© ГБУ «ИнгНИИ», 2020.

© Хайров Б.А., 2020.

Содержание

К читателям.....	4
К вопросу исторической этимологии наименований некоторых шумерских городов.....	9
К вопросу шумеро-ингушских лексических соответствий и этнической атрибуции дошумерских населенников Месопотамии.....	62
К проблеме происхождения и распространения шумерских терминов письма.....	110
Шумерские названия некоторых звезд (созвездий и иных светил) и их лексические соответствия в ингушском языке.....	157
К вопросу о названиях музыкальных инструментов из «царских гробниц» Ура.....	198
Историко-этимологический аспект термина «буру // бурув».....	219
ГалгГай исторен цхайола оагЮнаш.....	225

К читателям

Данная книга представляет собой сборник статей, посвященных анализу лексических и фонетических соответствий некоторых слов шумерского языка словам нахских языков (в основном, ингушского). Все статьи (а их в сборнике семь: шесть статей на русском языке, и одна на ингушском) объединены одним предметом исследования – лексикой шумерского языка.

Шумерский язык является древнейшим и наиболее архаичным языком из всех известных письменных языков.

До нашего времени дошло огромное количество письменных памятников на шумерском языке. Корпус письменных памятников включает в себя самые различные тексты. Наиболее древними из них являются хозяйственные и учебные тексты, строительные надписи правителей, юридические документы, затем появляются надписи исторического содержания, тексты религиозного содержания в стихотворной форме, и наконец, записи литературных текстов – эпических песен, гимнов, заклинаний, поучений, басен, пословиц, и т. п.

Лингвисты установили, что в шумерском языке имеются слова, не поддающиеся этимологии на основе самого шумерского. В результате исследования топонимики и ономастики, содержащихся в шумерских текстах, известный специалист И. Т. Канева выдвинула предположение «о существовании двух языковых пластов, преществовавших шумерскому» (Канева И. Т. Шумерский язык. СПб, 2006, с. 6). Один из ведущих шумерологов М. И. Дьяконов склонялся к мнению, что

фонетика шумерского языка может быть результатом «какого-то значительного изменения более раннего фонологического строя» [Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 51].

Как показывают работы Б. А. Хайрова, эти лексические единицы сравнительно легко этимологизируются на основе нахских языков. Среди рассматриваемых им терминов – наименования шумерских городов и поселений (топонимы), имена божеств (теонимы), названия созвездий и звезд (астронимы), имена собственные (антропонимы), названия музыкальных инструментов и песенных жанров, культурная лексика, и т. п. – всего более сотни слов. Читатель заметит, что практически все сопоставляемые автором статей лексические единицы (шумерские и ингушские) отмечены взаимно-однозначным семантическим соответствием, у них обнаруживается поразительное сходство фонетического рисунка и практически полное тождество семантики. Будто ингушский народ через несколько тысячелетий пронес эти слова без существенных изменений.

Необходимо пояснить, что Б. А. Хайров ставит перед собой довольно узкую задачу, которая заключается, как уже указывалось, в сопоставлении шумерских слов со словами нахских языков с целью выявления этимологических связей между определенными словами шумерского языка и соответствующими словами из лексики современных нахских языков. Точнее, в статьях исследуется субстратный пласт шумерского языка. При таком ограниченном подходе естественно, что за пределами изысканий остается большое количество вопросов, в том числе и вопрос о генетическом родстве рассматриваемых языков. И это при том, что шумерский язык обнаруживает структурную близость с кавказскими, и в

первую очередь с нахскими, языками, которая проявляется на различных уровнях.

Например, шумерский язык принадлежит к языкам агглютинативного типа. Ингушский язык¹ тоже.

Шумерский относится к языкам эргативного строя. Ингушский – тоже.

В шумерском языке нет родов, а есть классы. То же самое и в ингушском.

В шумерском языке различие пола достигается применением различных слов, либо добавлением слова, характеризующего пол. В ингушском языке сохранились подобные моменты: «саг ва» (человек есть – о мужчине) и «саг я» (человек есть – о женщине); «maI-саг» (букв. мужчина-человек) и «кхал-саг» (букв. женщина-человек).

В шумерском языке вообще нет относительных прилагательных как таковых, т. е. от существительного нельзя образовать прилагательного, и оно заменяется существительным в родительном падеже. В ингушском языке то же самое.

У шумеров был особый «женский» язык, получивший в науке имя «эмесаль». В ингушском языке до сих пор сохраняются модальные высказывания, которые произносятся *только* женщинами (для мужчин их произношение в некотором смысле табуировано, как слишком экспрессивное и потому недостойное): «иппIали» (возглас, выражающий удивление, изумление); «ва-да-дай» (возглас, выражающий испуг, а также неодобрение и даже презрение); обращение к Богу «*ва*, са Дабла» (выражающее отчаяние), и т. д.

¹Здесь и далее все сказанное об ингушском языке в подавляющем большинстве случаев в равной степени справедливо и в отношении бацбийского и чеченского языков.

В синтаксическом строе этих языков тоже наблюдаются сходства. Например, в шумерском языке «предложения делятся на две основные части – именную в начале и предикативную в конце» (там же, с. 82). То же самое и в ингушском.

Еще пример: в шумерском языке встречаются выражения, в которых определение (приложение) стоит перед определяемым. Для ингушского же языка это обычный порядок: «Халкъа Гуллам» – «Народа Собрание» (в значении «Народное Собрание»).

Эти примеры соответствий можно продолжить.

Наверное, именно эти сходжения и не позволяют И. М. Дьяконову «отрицать большой структурной близости шумерского языка с рядом кавказских» (там же, с. 84).

Б. А. Хайров считает, что указанных сближений все-таки недостаточно для однозначного решения вопроса о генетическом родстве этих языков. Эта позиция автора свидетельствует о его научной добросовестности и ответственном отношении к своим выводам, что, в свою очередь, повышает достоверность его исследований.

Но с другой стороны, Б. А. Хайров уверен, что установление и исследование (этимологизация) дошумерского субстрата в шумерском языке посредством не только ингушского, но и нахско-дагестанских языков в целом – возможное и перспективное направление в сравнительно-историческом языкознании иберийско-кавказских языков.

Специфичность исследований Б. Хайрова заключается в том, что они основываются на данных нескольких различных наук: лингвистики, истории, археологии, культурологии и т. д. Именно этим объясняется и то, что автор опирается на работы более сотни специалистов в различных областях науки. Он пытается отследить за-

рождение понятия и установление фонетического облика (звукового выражения) каждого исследуемого слова, а также выявить изменения, которые происходят с этим словом в дальнейшем.

Автор сборника является сотрудником Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева.

Хаваш Накостоев

К вопросу исторической этимологии наименований некоторых шумерских городов

Одна из книг известного популяризатора шумерской культуры С. Крамера называется «История начинается в Шумере». По мнению отечественного шумеролога В. Афанасьевой, «именно благодаря его работам восстановилась память о шумерах, определена роль их культуры в истории человеческой цивилизации» [1, с. 5]. Приведенное название книги С. Крамера так или иначе созвучно теме, которую мы собираемся затронуть в этой статье. И если по определению С. Крамера письменная история человечества начинается в Шумере, то история самого Шумера начинается с возникновения городов и городской культуры. В связи с исследуемой темой нас в первую очередь интересуют наименования некоторых шумерских городов, таких как Лагаш (=Ширпурла), Ларса, Ур(им), Урук (Эрех; шум. Uru-ku), Эриду (Эридук), Сиппар, Арбела, Гирсу, Киш, Нанше, поселение Бас (община Дур-Сина), Ниппур (рис. 1, 2).

В современной лингвистической науке утвердилось мнение, что наименования шумерских поселений не этимологизируются в связи с тем, что они дошумерского происхождения и относятся к так называемому прототигридскому языку. Но выясняется, что эти наименования поддаются этимологии на основе нахских языков: ингушского, бацбийского, чеченского. Вопрос этимологического исследования наименования города Ниппур, в связи с тем, что это имя составное и требует более подробного анализа, мы рассмотрим отдельно.

Необходимо пояснить, что проблема топонимии

Южного Междуречья несколько усложнена тем, что некоторые самостоятельные населенные пункты при их слиянии становились частью (кварталами) возникающих на их основе городов или составляли целые городские комплексы как, например, Лагаш. При этом в письменных текстах по традиции их продолжали упоминать в прежнем качестве. Более того, немало и одноименных поселений, которые расположены иногда довольно близко друг к другу. По сведениям И. М. Дьяконова, на территории Лагаша имелось около десятка более или менее крупных, по всей вероятности, обнесенных стенами, поселений: Гирсу и собственно Лагаш или Урукуга, составляющие вместе центр государства; далее Нанше или Нина, Кинунир, Уру, Гуаба, Киэш (Киш), Э-Нинмар и ряд более мелких [2, с. 79; 3, с. 38].

Лагаш. Считается, что название шумерского города Лагаш (совр. Телло, или Тель-Лух) не этимологизируется, но, по всей видимости, оно имеет непосредственную связь со своеобразной ступенчатой архитектурой огромных пирамид из необожженных кирпичей, так называемых зиккуратов, на вершинах которых возводились храмы.

Зиккурат представлял собой поставленные ступенями друг на друга высокие, наподобие усеченной пирамиды или параллелепипеда террасы (от трех до семи) с храмом наверху. Они были сложены из сырцового кирпича и яркоокрашенные в черный, красный, белый и синий цвета. Наверх вели марши лестниц или пандусов: по ним поднимались ритуальные процессии [4, с. 161; Рис. 3, 4, 5].

Нам представляется, что элемент Лагаш передает не только аспект сакрализации возвышенностей, но и актуализирует космогоническую идею шумеров в целом, связанную с мировой горой и семью (или тремя) сферами небес.

Бросается в глаза фонетическая близость этого имени (ЛагIаш) и ингушского слова *лагIаш* – «ступени» (лестницы).

На чеберлоевском диалекте чеченского языка *ла* «шаг» (ср. инг., чеч. ла-р «след (ноги)», где [-р] словообразовательный суффикс); в ингушском (и бацб.) же *гIа* «шаг», а *ло* «мерка», «выкройка». По всей видимости, данный термин ранее состоял из двух односложных слов-синонимов (*ла+гIа*), из которых сложилось новое, ныне существующее *лагIа* «ступень».

Данное слово, скорее всего, относится к типу архаического словообразования в нахских языках. В связи с изложенным интересно отметить, что в чеченском языке слово *гIулч* «шаг» одновременно выступает в роли нумератива и обозначает меру длины [5, с. 25]. Чеч. форма *гIулч*, по всей видимости, является производной от *гIа*. Производными от *гIа* «шаг» в ингушском являются следующие слова: *гIо*, *гIуо* (вода, вахар, вахав, Гюргва) *гIаг*. *однократ. действ.* «сходить, пойти, съездить»; *гIаш* *нареч.* «пешком»; *гIашло* *сущ.* «пешеход, ходок»; *гIашъюкъ* «пах» (где -юкъ – середина); *гIаш-никъ* «тропинка» – из *гIа* «шаг». Бацбийское *гIоб* «иди» относится к этому же ряду [6, с. 303]. Ср. шум. *ġin* (гIин; ġ=гI) «ходить», «идти», «пойти»; *ġig* (гIир; ġ=гI) «нога, путь»; *gid* «протяженность», «длина» (быть длинным) [7, с. 81, 83, 116, 181]. Из этих слов первые два, по сообщению И. Т. Каневой, читаются не через смычный заднеязычный звонкий [ɟ], а через гортанный, щелевой звонкий [ɟI] [8, с. 235]. Интересные параллели имеются и в некоторых дагестанских языках: рутул. гъили «нога» [9, с. 128]; чам.-гак. гъаб, чим.-гиг. гъабу «нога» [10, с. 210] (где гъ = инг. гI). Заслуживает внимания сравнение шум. *gub* «стоять»; «ставить», «быть поставленным» [11, с. 63], с бацб. гIоб «забор». По сведениям Ф. М. Костоевой «в

горной части Ингушетии для обозначения каменного забора и стены было употребительно исконное слово *gIov* (букв. «человеческий стан»), которое относится к разряду соматических названий, образованных в результате переноса значения путем метафоризации» [12, с. 232, 233]. По всей видимости, таким же способом сложилось и идентичное ингушскому бацбийское *gIob* «забор».

По нашему предположению, и третье слово из этого ряда (шум. *gid*), по всей видимости, должно обладать такой же фонологией, так как, по сути, все перечисленные слова являются однокоренными. Следовательно, во всех приведенных сравнительных примерах, взятых из нахских и шумерского языков, мы можем наблюдать полное генетическое тождество корневого согласного *gI* (арабск. графика *gIayn*), стоящего в начале слова перед гласным.

Ширпурла. В связи с изложенными примерами, заслуживает внимания сообщение И. М. Дьяконова о том, что «имеются уже, однако, очень рано и смешанные идеографическо-фонетические написания, например, для неэтимологизируемого имени общины *Lagaša*: оно пишется знаками *ŠIR, BUR*, где *ŠIR*, возможно, священный значок светового божества *šir*, а *BUR* – видимо изображение каменного сосуда *bur*; *ŠIR.BUR*. было одновременно составной идеограммой с чтением *buṛu*⁴ для лагашской священной птицы ворона; к этой комбинации знаков прибавляется знак со слоговым значением *LA* (комплекс *ŠIR.BUR.+LA = Lagaša*)» [13, с. 41]. Первый компонент *ŠIR*, названный И. М. Дьяконовым знаком светового божества *šir*, мы можем сопоставить с инг. *сердал*, чеч. *серло* «свет», «освещение», «заревое», производными от *ca* «свет», а также с именем урартской бо-

гини Sardi. Г. А. Меликишвили полагает, что царское имя Sarduri (sardiuri>sarduri) образовано от имени этого божества, и так как оно изображается с помощью ассирийской идеограммы «богини Иштар», то Sardi в урартском пантеоне соответствовала Иштар у ассирийцев [14, с. 249], символом которой (как и у шумерской Инанны) была светоносная планета Венера. [См.: ХУ *seI-: урарт. sel-arde «луна, божество луны» <ПВК *sVINV дарг. salī (диалект. sala) «свет»; цез. resa (<sera) «луч» (солнца); чеч. са «свет».

Соответствия регулярны. Ср. греч. σελας «свет», σεληνη «луна» (по всей видимости, субстратные слова) [15, с. 180].

Аналогично шумерскому *šir* звучит и хурритское *širi* «блеск, сияние» [16, с. 750].

Второй компонент BUR возможно сопоставить с инг. *буру(о)* «крепость», «укрепленное поселение», «город» (такой же компонент мы находим в составе названия Ниппур, но вернемся к нему попозже). [Ср. хуррит. *purlī*, урарт. *pur(u)li* «дом». Авторы замечают, что хуррит. *-p̄-*, который должен был соответствовать ПВК **p̄-*, очень редкая и, видимо, вторичная фонема; исконный **p̄-*, вероятно, перешел в **b* во всех позициях [17, с. 171]. Приведенная хуррито-урартская форма близка к инг. *баьр-че* «верхняя часть помещения», «почетное место»; *бар-че* «алтарь», где *-че* производное от послелого *чу* «в», «внутри»]. Следовательно, идея названия *ŠIR.BUR* может быть выражена средствами ингушских лексем в форме *сийрда* (светлый, ясный, яркий; *прилаг.* от *са* «свет») и *буру(о)*, этимологически тождественными указанным шумерским компонентам и должно, по нашим предположениям, означать «светлый город, светлоград».

[Ср.: ХУ *sel-: урарт. *sel-arde* «луна, божество луны» <ПВК *sVIHV дарг. *sali* (диалект. *sala*) «свет»; чез. *resa* (<*sera*) «луч» (солнца); чеч. *са* «свет».

Ср. греч. *σελας* «свет», *σεληνη* «луна» (по всей видимости субстратные слова) [18, с. 180].

Различие фонем [š] и [s] в сравниваемых словах объясняется отсутствием данных о реальном фонетическом облике шумерских слов и проистекающим отсюда искажением их облика. По мнению И. Т. Каневой, в староаккадской орфографии знак [š] передавал палатализованный или межзубный сибилант [tʃ], [š]. В более поздней орфографии (с начала II тыс. до н. э.) š применялся для сибилантов /s/, /š?/, /š/ и для межзубного /tʃ/. Отсюда следует, что и при передаче шумерских фонем аккадские знаки серии [š] должны были передавать шумерские глухие сибилантные фонемы [19, с. 7, 19].

Наши доводы косвенно подкрепляются и этимологией шумерского имени Нинсиана – «Госпожа Небесного Света». Этим эпитетом в Исине называлась богиня Инанна. Первый элемент имени *нин-* соответствует слову «госпожа», третий – *-ана* – «небо». Средний компонент *-си-* означает «свет» [20, с. 268, 269]. Относительно этимологии данного имени Г. Е. Куртик также отмечает, что наиболее известный эпитет Инанны (Иштар) как планеты Венера конца III – начала II тыс. до н.э. – *Nin-(an)-si4-an-na* (Сияющая (?) владычица небес» [21, с. 98. *Здесь шум. -si4- стоит в значении «сияющая».* В тексте шумерской песни «Священный брак Идин-Дагана и Инанны» о Инанне говорится «...Факел священный, наполняющий Небо, Свет Инанны, сияющий словно Солнце...» [22, с. 100, 277]. [Ср. близкие к шум. по звучанию и смыслу нахск. *са* «свет»; инг. *сий(г)*, чеч. *суй* «искра», бацб. *суй* «горящий уголь, жар»].

Нанше. Имя города Нанше или Нина (Нина Сирара;

район в округе Лагаш) связано с культом одноименной богини Нанше. Нанше («оракул богов», «ясноглазая вещунья») в шумерской мифологии – богиня предсказаний, толковательница снов [23, с. 198].

Этимология этого топонима, вероятно, восходит к имени лунного бога Нанна. Подробнее об этимологии имени этого божества мы писали ранее [24, с. 178].

Киш. Что же касается этимологии имени Киш, то нам известно, что его первый компонент *ки* на шумерском языке означает «место», «земля» [25, с. 18, 32]. Появление второго компонента – аффикса *-ш*, можно объяснить посредством общешумерского титула *lugal Kiši(k)ki* «лугаль Киша». По сведению И. М. Дьяконова, это был первоначально кишский титул, но потом он получил более широкое значение с использованием игры слов: *lugal Kiši(k)ki* «лугаль вселенной» [26, с. 20]. В связи с изложенным Оппенгейм А. Лео также отмечает, что в аккадский период владение Кишем давало царям Нижней Месопотамии право называть себя «царями Киша», и истолковывалось как «царь (всего) света»: титул, который с тех пор носили все цари Месопотамии и окружающих земель, претендовавших на гегемонию во всем регионе [27, с. 377].

Нам кажется, что этот пример наглядно иллюстрирует, что имя Киш является формой мн. числа от *ки* «место», «земля» и в этом качестве приобретает значение «все земли (поселения)». Следовательно, второй элемент имени *[-ш]* можно считать суффиксом мн. числа в шумерском (как было изложено выше *[-ш]* – суффикс множественности в ингушском языке). Однокоренные слова ингушского языка *кIал* «вниз, внизу» (нареч.); *кIал* «под», *кIалхе* «низ, основание, подножие»; *кIийле* «дно, пол глиняный; основание, ложе», где усматривается корнеоснова, состоящая из согласного *[кI-]*, лексически

и семантически близки к шумерскому термину *ki*. Более близкую к шумерскому словоформу выдает цова-тушинский (бацбийский) язык в форме *kluklcl* «под» [28, с.177]. [Ср. удин. *кIел* «земля, почва» [29, с. 29].

Ур // Ур (им). Название Ур(им), города бога луны Нанны, тождественно инг. и чеч. *урам* «улица». Корне-основы слов шумерского *уру* (*uru*) «город» («поселение»), «община», «пахать» совпадают, с одной стороны, с инг., чеч. *урам* «улица»; с другой стороны, с инг. *урд* «надел, участок пахотной земли» (*мн. ч. ардаш*) и, как видим, эти слова бесспорно имеют сходное значение с шумерскими. От этой основы образовалось новое слово *урду(в)* (появление последнего звука объясняется тем, что в ингушском слове после долгой фонемы [y] принято писать [e/]) в значении выкупа за невесту. Возможно, в отдаленные времена это слово имело несколько отличное значение, а именно, это был земельный надел *урд*, который выделялся дочери при ее выходе замуж. Наша мысль подтверждается и обычаем (а в более позднюю эпоху и законом) шумеров выделять дочери при ее замужестве земельный надел, который отныне становился ее неотчуждаемой собственностью, передаваемой ею по наследству своим детям [30, с. 158]. В шумерском языке имеется близкое к *ур* слово в форме *ураш* «земля», имеющее одинаковое значение с шум. *ки* «земля». В шумерской мифологии богиня Ураш, видимо, является персонификацией земли. Ее мужское соответствие – бог Ур [31, с. 138].

Хуррито-урартское *ard-*, по всей видимости, результат множественного числа от инг. *урд* «надел, земельный участок». Ср.: ХУ: *ard- : хуррит. *ardə* «город»; урарт. *ardi-нə* «Город» =Муцацир <ПВК *ʔVrdwV > ПН * ʔurd чеч., инг. *урд* «надел, участок земли» [32, с. 175]. И.М. Дьяконов замечает, что до середины I тыс. до н.э. в

Передней Азии не было терминологического различения «города» и «деревни». По мнению автора, шумерский термин *uru-bar(a)* обозначал тогда еще не «деревню», а «временное становище пастухов и охотников» [33, с. 32]. Представляется возможным, что этот термин изначально обозначал надел, земельный участок, то есть был понятием чисто территориальным. Впоследствии, с усложнением социальной структуры общества, он развился до статуса социального понятия и стал обозначать общину, город. Более того, в шумерском языке рядом с термином «арад» для обозначения раба употреблялся также и другой, менее определенный термин «уру», иногда в соединении со словом «саг» – «голова». Термин «уру» имел скорее значение «амелу» – «человек», нежели «арду» – «раб», хотя изображался чаще той же идеограммой, как и «арад» [34, с. 12; 35, с. 33]. По сведению акад. А.И. Тюменева, шумерский термин «ур» – человек и указание имени божества образуют составные части этих имен. Таковы производные от «ур»: «ур дин-гир» (человек, раб бога), «ур-э» (человек, раб дома-храма; шум. [e] «дом», «храм»= инг. *le* «обитель») и шумерские мужские имена, как, например, Ур-э-Уту, Ур-э-Нанше, Ур-Намму и др. [36, с. 21].

В этой связи немаловажна и информация следующего характера. Для фамилий горных районов Восточной Грузии – Пшавии, Тушети, Хевсурети и некоторых других характерно окончание *-ури*, *-ули*. Данный антропонимический формант указывает на территориальную или родовую принадлежность [37, с. 109]. Учитывая родство иберийско-кавказских языков и особую культурную и языковую близость искони проживавших по соседству пшавов, тушинов и хевсуров с одной стороны, ингушей и чеченцев с другой стороны, нам представляется, что мы имеем полное основание заявлять, что ан-

тропонимические форманты *-ури*, *-ули* имеют непосредственное отношение к шумерскому *ур(у)*. Немаловажным в данном случае представляется и этимология этнонима тушин, которая, по нашему глубокому убеждению, восходит к шумерскому *tuš* – «находиться», «обитать»; *tuš-а* «обиталище», т.е. «то место, где обитают» [38, с. 185; 39, с. 202, 203]; *ga-an-tuš* («да поселюсь я»; *ga* – показатель желательного наклонения, I л.) – «жилец» [40, с. 67]. Древность происхождения этого этнонима подтверждается и более поздними письменными памятниками Урарту. Так в фрагменте текста летописи урартского царя Менуа (конец IX – начало VIII в. до н.э.), обнаруженного в кладке стены в церкви Сурб Погос в Ване, упоминается «*город Хулмеруни, страны племени Тушури(ехи), (который находился) с той стороны страны Мармани*» [41, с. 307, 308-311, 313, 316, 317].

Следовательно, название города Ур(им) является производным от термина, изначально обозначавшего земельный надел, и имеет как в шумерском, так и в ингушском языке, ясно выраженную корнеоснову *иг*. Опять же, по сведению Джандиери М.И., обычно знак URU предшествует названию города или общины, а после названия часто ставят знак KI – «земля». В классических шумерских текстах с названием городов гораздо чаще употребляется знак-детерминатив KI – «земля». Это служит указанием на то, что значение «город» было придано знаку URU позже [42, с. 123].

Следовательно, у нас имеется достаточно оснований отнести этот термин к древним заимствованиям шумерского языка.

Урук. Сюда же, по всей видимости, мы можем отнести и первый элемент имени города Урук, который ясно определяется в одном из его шумерских написаний *Ugu-ku(g)*, библейского Эреха, современного арабского Вар-

ка. И.М. Дьяконов предполагает, что Урукуга («священный город») есть эпитет Лагаша, а не название отдельного поселения [43, с. 79]. Не отрицая предположения автора, мы констатируем тот факт, что в Южном Междуречье на Евфрате имелось и другое городское поселение с тождественным названием.

Эридук // Эриду. Эридук – «Священный холм» – один из древнейших городов и культовых центров Шумера, существование которого восходит, видимо, к VI тысячелетию до н.э. [44, с. 447; 45, с. 3-5].

В шумерском мифе о сотворении человека, тексты которого сохранились в записях, восходящих к III тысячелетию до н.э., о происхождении названия Эриду говорится, что «священный город, жилище, радующее сердце, назвали боги высоким именем» [46, с. 15, 16].

В древности город Эриду находился на берегу моря. Шумеры называли его матерью городов. Археологи называют городом-символом начала шумерской истории. Современное арабское название Абу-Шахрейн (Тель-Абу-Шахрейн) – «Отец-городов» – как нельзя точно подчеркивает его глубокую древность и былую значимость среди прочих шумерских городов, а также, правда в чуть переименованном виде, через тысячелетия доносит до нас эпитет этого города в виде нового имени. В шумерских текстах ERI.DUG=ERE.DUG – первый выступ суши посреди воды. Согласно мифу «Энки и Эреду(г)» бог Энки создает город Эреду(г) и поднимает его из водной пучины Абзу, а затем плывет в Ниппур, к Энлилю, чтобы тот освятил его [47, с. 622].

Эреду был культовым центром шумеров, главным богом которого был Энки (бог подземных вод и мудрости). Словом «эреду» обозначались также культовые места этого бога в других городах (...*великое святилище*

«эреду», «ганнун» пусть для меня построит...) [48, с. 206, 217].

Весьма вероятно, что этимология ингушского термина «*ерд(a)*» – «божество», «святилище» восходит к шумерскому «эреду». Ерда считался богом атмосферы в языческом пантеоне ингушей. Этот термин стоит в постпозиции в обозначении культовых мест многих божеств у ингушей, например: Алби-Ерда «святилище [божества] Алби», Ткъо-бIаь-ерда (в русской транскрипции Тхаба-Ерды) – дослов. «двадцати сотен [божеств] святилище», Маги-Ерда (МагИи-Ерда) и т. д. Кроме того, мы встречаем это слово в космогонических представлениях ингушей: солнце имеет двенадцать домов «*ерда-цIа*» (где второй компонент буквально означает «дом»), что соответствует общепринятым двенадцати знакам Зодиака.

«Не был построен дом. Не был построен город. Вся земля была – море. Потом был создан Эриду» – так гласит надпись о постройке этого города, запечатленная на древней табличке [49, с. 74]. Этот текст с удивительной точностью подтверждается и данными современной археологии.

Так, Чайлд Г., выдающийся археолог XX века, пишет, что первые земледельцы, поселившиеся в Эриду, воздвигли для Энки недалеко от моря на песчаном холме среди лагун квадратное святилище площадью всего лишь 3 кв.м., выстроенное из длинных призматической формы сырцовых кирпичей. И это святилище, отмечает он, является древнейшим известным нам сооружением на территории Шумера [50, с. 180]. Храм этот носил название Е.ДУКУ, «дом Священного Холма», и описывался в гимне как «высокая святыня, поднимающаяся к небесам».

Вполне допустимо, что раскопанный археологами

первобытный песчаный холм лег в основу названия поселения. С другой стороны, нам нельзя исключать возможность этимологической связи имени города с горной географией исторической родины первых поселенцев Южного Междуречья. Отсюда и присущее новым поселенцам устойчивое стремление к сакрализации гор и возвышенностей. Примечателен и тот факт, что Эриду в списке царей назван первой до «потопа» резиденцией царей после того, как «царская власть низошла с небес».

Ингушское соответствие этого топонима – *Эри дукъ* (*эри «пустынный (необхожденный, заброшенный), вольный, дикий» + дукъ «хребет, гряда, вытянутая возвышенность»*), которое следует перевести как пустынный, отдаленный хребет (возвышенность), вполне согласуется с изложенным в тексте упомянутой древнешумерской надписи. Как известно, первые поселения на заболоченной территории Шумера возникли на небольших островах суши или на насыпных холмах. Нельзя обойти стороной и то обстоятельство, что в древние времена племена, обитавшие в горных местностях, обычно приносили богам жертвы на вершинах гор – на так называемых высотах – и такие места для них были символом храмов под открытым небом. Этот немаловажный исторический факт, и все другие приведенные примеры, вместе взятые, предоставляют нам возможность более основательно уяснить характер имени Эридук в соответствии с изложением текстов письменных памятников и интерпретировать (истолковывать) имя города на ингушском языке и в конечном итоге позволяет установить лексическое и семантическое тождество шумерского названия с ингушским.

Сиппар. Город Сиппар – самый северный из городов Шумера. Название его, вероятно, связано с наличием в этой области обширной мелиоративной сети для

осушения заболоченных земель, которая сооружалась, кстати, из керамических труб, или множества оросительных каналов (в том числе, весьма возможно, и лотковых). Инг. сиппа – трубочка для стока мочи (в нац. детской люльке) тождественно шумерскому Сиппар. Представляется, что в отдаленной древности область применения этого слова была намного шире, хотя в современном языке оно малоупотребительно и причисляется к устаревшим словам. Аффикс [-p] в этом слове, видимо, является масдарным суффиксом [-p], посредством которого от глагольных основ образуются отглагольные имена существительные, и восходящим к нахскому языку-основе. Он имеет широкое употребление во всех нахских языках [51, с. 400; 52, с. 31-32]. Мы вовсе не считаем изложенную выше этимологическую версию единственно приемлемой и потому постараемся выстроить и другую, не менее правдоподобную, на наш взгляд, чем первая. К этой мысли нас подводит существование в старошумерском термина *sipar «медь» (шум. *zabar*), позже «бронза». И.М. Дьяконов, ссылаясь на мнение А. Фалькенштейна, в свою очередь, относит это слово к характерным заимствованиям из неизвестного языка-субстрата [53, с. 54]. Отсюда вытекает, что этимология топонима Сиппар вполне может восходить к старошумерскому *sipar. Определенно ответить на вопрос, каким образом название города может быть увязано с обозначением меди, довольно сложно. Вопрос о добыче здесь медьсодержащей руды, вероятно, должен быть исключен, так как мы достоверно знаем, что Месопотамия была крайне бедна полезными ископаемыми. Но в Сиппар могла доставляться по реке руда и крупные партии медных слитков и существовать медеплавильные мастерские. Этому способствовало наличие в Сиппаре привилегированной гавани (карум), где существовала

организация купцов, торговавших с северными пастушескими областями. Отсюда направлялись вверх по Тигру и Евфрату шерсть и ткани, а в обратном направлении, вероятно, лес и металлы.

О торговле большими партиями меди и наличии солидных медных мастерских в Шумере повествуют тексты шумерских табличек. Так, например, в городе Уре археологами был найден домашний архив некоего Эанацира времен династии Ларса. Он занимался скупкой меди на о. Дильмун (Бахрейн) и был хозяином крупной медеплавильной и медеочистительной мастерской [54, с. 40].

Как известно, шумерская лексика в основном состояла из односложных слов и в процессе усложнения языка появлялись новые понятия, состоящие из сочетаний односложных слов. При этом позиция слога в двусложных словах не была твердо закрепленной и его местоположение в слове менялось в зависимости от пожелания говорящего или пишущего. С этой точки зрения вполне допустимо сравнение инг. *борза* «бронза» с шум. *zabar*. Более того, это одно и то же слово, подвергнувшее за столь продолжительное время лишь незначительному фонетическому изменению.

Гирсу. В названии другого города Гирсу усматривается как лексическое, так и семантическое соответствие ингушскому *гирс* – «имущество (в том числе и дом, постройки), принадлежность, состояние; орудие, средство, приспособление; «снаряжение»; например, тема *гирс* «воинское снаряжение», кога *гирс* (дослов. «снаряжение ног») – «обувь». Слово *гишло* «здание, постройка, строение, стройка» в его современном звучании, по всей видимости, результат процесса фонетического упрощения языка и само слово суть производное от «*гирс*» – «*гирс*»> «*гирсло*»>*гиришло*>*гишло*. Процесс образова-

ния из *ɣlɪrc* в сущности нового слова, как мы видим из примера, сопровождался заменой согласного звука [c] на [ʃ], выпадением корневого согласного [p], и появлением аффикса *л-о*. Как бы убедительным не казалось установленное нами тождество, тем не менее, наличие в бацбийском созвучного термина *ɣlɪrc* уже в другом значении, а именно «достойный», «заслуживающий» (Гирсеб «достоинство») дает нам повод усомниться в верности наших выкладок. Обе версии заслуживают пристального внимания, так как бацбийское *ɣlɪrc* «достойный», «заслуживающий», по всей видимости, является производным от более архаического понятия [55].

В этом отношении переходными от ингушского к бацбийскому, по нашему мнению, служат такие понятия в ингушском, отмечающие состояние человека: «*ɣlɪrcax тоавенна ва*», «*тайна ɣlɪrc болаш ва*» (понятие, оценивающее человека по его снаряжению, будь то дорогая одежда, воинские доспехи и оружие, боевой конь и т.п.).

Далее речь пойдет о тех городах, наименования которых мы условно причислили ко второму порядку.

Ларса. Города Ларса на юге и Сиппар на севере были местами традиционного культа солнечного божества Уту.

В Дарьяльском ущелье расположен населенный пункт Ларс (вар. Лаьрс), который сравнительно недавно был населен ингушами, и название которого тождественно шумерскому Ларса. Лексическое тождество этих двух топонимов столь очевидно, что даже исключает саму возможность его отрицания. Более того, сюда же мы можем присовокупить и тот факт, что у ингушей имеется созвучное этому наименованию мужское имя Лорс (вар. Лорсан, Лорснакъа). Имя Ларс было широко распространено и у этрусков, народа с твердыми переднеазиатскими корнями [56, с. 105, 106; 57, с. 177].

Исторические предания Рима донесли до нас имена этрусков Ларса Порсены, лукумона города Клузий (Кьюзий) (конец VI в. до н.э.) и Ларса Толумния, лукумона г. Вейи (Вей) в Этрурии, которые воевали с Римом. [58, с. 293, 296-300, 354-355; 59, с. 59-61].

Относительно этимологии шумерского наименования Ларса ничего определенного в отечественных источниках не приводится, кроме единственного высказывания Б.А. Тураева, что имя это означает «*место бога солнца*» [60, с.75]. Культ солнечного божества в Ларсе был здесь главенствующим и потому эта этимология кажется нам убедительной. Положив в основу данное значение имени, можно попытаться возвести его этимологию к ингушскому *лир* «сияние, нимб, аура» и *са* «свет» (ср. шум. *si*: «луч(и)»; «свет»). Попробуем также найти объяснение несоответствию гласных в лексемах шум. «лар-» и инг. «лир». В мелхинском говоре чеченского языка это же самое слово зафиксировано в форме *лур* «луч, сияние», тогда как в самом чеченском оно звучит как «нур». Замена [а] на [у] объясняется ассимиляцией гласных, возникшей в результате фонетических процессов, имевших место в истории нахских языков. Различие в звукосоответствиях в словах инг. «лир», мелх. «лур» с одной стороны и чеч. «нур» с другой, связанное с меной [л] на [н], относится к спорадическим соответствиям согласных [61, с. 96].

Хотя данная этимология кажется несколько натянутой, и не вполне убедительной, однако, такая точка зрения заслуживает пристального внимания (сомнение может вызвать и наличие термина «нур» в арабском с тем же значением).

Арбела. Шумерскому Арбела (совр. Эрбаиль; по Б.А. Тураеву – Арбаилу – «град четырех божеств») [62,

с. 72] тождественен топоним Аьрбала, засвидетельствованный в горной Чечне. Относительно происхождения этого наименования немаловажное значение имеет исторический факт, который свидетельствует, что постоянными обитателями Арбелы были хурриты, язык которых относится к восточнокавказским и родственен нахским языкам. Поначалу достоверность этимологии Б. Тураева не вызывала сомнений, и думалось, что она действительно восходит к чисто семитскому (конкретно арабс.) числительному *Iarba*лату «четыре» (инг. графема *I* соответствует арабс. *Iayn*) и семитскому Эл (Элу, Илу) «Бог». Но при более тщательном анализе некоторых фонетических несоответствий в вариантах семитского и чеченского топонима, надежность этимологии, приводимой Б.А. Тураевым, вызывает некоторые сомнения. Действительно, если допустить, что топоним имеет семитское происхождение, и чеченское Аьрбала является заимствованием, то бесспорным препятствием для такого рода заключения служит то обстоятельство, что фарингальная фонема *I* не является чуждой для нахских языков и потому трудно допустить возможность его двойственной утери в процессе заимствования слова. Нам кажется, что вышеприведенные факты в совокупности с морфологией слова, где усматривается характерный для нахских языков формант *[-л]*, создают препятствия для установления этимологии в пользу ассирийского (в целом семитского). В этой связи, интересно отметить свидетельство ассирийских источников о том, что в одной из центральных областей Урарту, в Армарили, Саргон II во время своего похода встречает город Арбу//Арба – «город отцовского дома (рода)» урартского царя Русы I [63, с. 35]. В названиях городов Арбела и Арбу//Арба без сомнения улавливается этимологическая связь. В этой истории для нас примечателен факт место-

положения города Арбу//Арба именно в центре государства Урарту, где маловероятно, а то и вовсе невозможно, какое-либо влияние семитского языка на происхождение названия этого топонима. Вероятно, и название хурритского города и одноименной области Аррапхи (Аррапху, Арбаха), соврем. Керкук, принадлежит к топониму с таким же корнем [64, с. 285].

Все это, вместе взятое, наводит нас на мысль о вероятности нахского или хурритского происхождения данного топонима. По нашему мнению, как в шумерском, так и в нахских языках, этимология этого наименования остается неясной, затемненной.

Бас. Имени шумерского поселения Бас тождественны топонимы *Баса-Гала* (ст. Ильинская), *Басхой* (*Басха*) и гидроним *Бас* на территории Чеченской Республики [65, с. 53; 66: Схематическая карта горной территории Чечено-Ингушетии]. Этимология обоих имен остается для нас неясной, и мы пока в состоянии лишь констатировать факт наличия аналогичного имени в нескольких вариациях на территории нынешнего обитания ингушей и чеченцев.

Нибуру // Ниппур. Из списка перечисленных наименований городов мы нарочно выделили город Ниппур – по той причине, что имя это требует более детального разбирательства всех его слагающих и попутного исследования нескольких терминов с целью подкрепления наших заключений.

Нибуру, Нибру, Ниппур, современный Ниффер – древний шумерский город, главный религиозно-духовный центр Шумера (нач. III – нач. II тыс. до н.э.), иначе «центр вселенной» в духовной и политической жизни Шумера, который со временем уступил свое первенство Вавилону. В этом качестве Ниппур играл большую роль в жизни шумерских городов-государств.

Многочисленные шумерские тексты говорят, что все цари Шумера жертвовали в Ниппур «огромные богатства» (документы из Дрехема времен III династии Ура и др.) и ни один царь не признавался в Шумере, если его право на звание «царя Страны» не признавали ниппурские жрецы [67, с. 109]. При Ниппурском храме была создана библиотека (в 3-м тыс. до н.э.), собравшая исторические, географические, астрономические, ботанические, зоологические, филологические и другие трактаты шумеров вместе с богословскими, астролого-магическими (многие из них были переписаны учеными библиотек Ашшурнасирпала и Ашшурбанипала, I тыс. до н.э.). В нач. II тыс. до н.э. библиотека была сожжена эламитами. Во втором и первом тыс. до н.э. Ниппур, как «вольный город» Вавилонии, имел права внутренней автономии.

Обычно встречающееся в печати написание Ниппур, по-всей видимости, является искаженной аккадизированной формой шумерского имени *Niburu*, еще в древности утвердившееся в письменных памятниках. И.М. Дьяконов в своем труде «Шумерский язык» говорит о вероятном характере заимствования этого названия шумерским языком и отмечает следующий грамматический признак, сопутствующий этому процессу: «сочетание разных гласных в одной основе указывает либо на словосложение, либо на заимствование. *Niburu* «(город) Ниппур»; Буранун «Евфрат» (аккад. Пуранну – Х.Б.) – словосложение *bur-a+nun*, вероятно, «бездна (букв. «выкопанная») великая»] [68, с. 50].

Из приведенного текста выясняется, что название Ниппур состоит из двух компонентов и каждый из них имеет отдельное значение.

В первом компоненте шумерского термина *ní-* угадывается укороченная форма *nin*, одна из составных ча-

стей наименований таких шумерских божеств, как Нинту, Нинмах, Нинхурсаг, Нингирсу и т.д., которая традиционно переводится как «госпожа», «владычица», «владыка». В ингушском языке этой лексеме соответствует нана «мать», которая применима как уважительная, форма обращения к лицам обоего пола (отдельно, или применительно в виде приставки к имени), к настоящему времени почти вышедшая из обихода. Существование такой формулы как нельзя согласуется с высказыванием И.М. Дьяконова, о том, что в историческое время *nin* означает только «госпожа», «царица», но эта форма часто встречается в составе имен также и мужских божеств [69, с. 430]. В цова-тушинском слово *nan* «мать» несколько ближе к шумерской форме *nin* из-за отпадения конечной гласной [70, с. 202]. В некоторых восточнокавказских языках сохранились точные соответствия шумерскому *nin*, например, в лакском *ninu*; рутульских языках *nin* «мать» [71, с. 347; 72, с. 409].

Шумерская форма первого компонента *Niburu* на какой-то период развития этого языка, как нам кажется, была более полной и на момент заимствования из дошумерского, вероятно, могла соответствовать как самой шумерской, так и лакской и рутульской форме *nin*. Отсутствие в шумерских текстах конечного [-n] в первом компоненте названия *Niburu* можно объяснить тем, что названный компонент некогда рассматривался как отдельное слово. В этом случае отпадение конечного согласного в слове при наличии гласного после него – закономерный процесс, отмеченный в грамматике шумерского языка. Мы можем предполагать наличие в дошумерском субстрате полной формы *nan(a)* «мать», так как будучи изначально термином родства, это слово должно было устойчиво сохранять свою первоначальную форму и значение. Кстати, наиболее архаическую, первобытную

форму этого термина выдает табасаранский язык, где слово *нана* означает женскую грудь. В шумерском языке это слово не относилось к терминам родства, и, вероятно, будучи заимствованием, утеряло свое первоначальное значение или было просто воспринято в уже готовой формуле титула. Отсюда вполне возможный вывод, что пранахская словоформа *нан(a)* по отношению к шумерскому *nin* «господин», «владыка» является более архаической как по лексике, так и по семантике, и что первый элемент *ni-* в названии *Niburu* звучал именно как *нан(a)* «мать». Косвенным доказательством приемлемости наших предположений должно послужит и имя главного божества Ниппура – Энлиля. Этимология имени «Эн-лиль» («Эн-лиль») определяет его как бога ветров и воздуха; ему приписывается разделение неба и земли [73, с. 109]; оно может толковаться и как «владыка-ветер (воздух, дуновение воздуха)» [74, с. 228], иначе Энлиль – это персонификация воздуха и ветра. Такое определение наводит нас на мысль о возможности интерпретации этого имени с применением ингушского языка. На архаическом ингушском *ан (a)* «небо», отголоски о существовании в далеком прошлом в ингушском пантеоне божества Ана (Ана-че) мы встречаем в ингушской мифологии (ср. шум. *ан* «небо»; Ан бог, «отец богов» в шумерском пантеоне; отсюда, вероятно, вторичное шум. *ан* «владыка»). Нам остается только выразить свое мнение об утвердившемся в русском языке правописание шумерского слова *эн*. Традиция замены звука [a] на [э], как нам представляется, может быть связана с долгим [a], звуком, который занимает промежуточное состояние между ними. Второй компонент этого имени «-лель» как-будто соответствует инг. *лела* «двигаться, идти, ходить, бродить» (*лела (причастие)* двигающийся, идущий, ходящий, бродящий). Исходя из этого, нам ка-

жется, что имя шумерского божества Энлиля в целом соответствует ингушскому «Ан-лел», которое в этом языке можно толковать как «двигающийся, ходящий по небу»; дословно «небо ходящий». К тому же зиккурат Энлиля в Ниппуре носил название Е.КУР – «дом-горы», «дом, высокий как гора»).

Соответствие шумерского слова кур «гора», «горная страна», «чужеземная, враждебная страна» и ингушского кур «квартал» более полувека назад было отмечено Д.Д. Мальсаговым. «“Кур” во всех диалектах вайнахского языка означает квартал, территориально обособленный участок населенного места, где живут преимущественно представители одного рода. «Тха кура тIара саг» – с нашего кура человек, разумеется, не только человек с данной территории, но и член данного рода. Вайнахское слово «кур» и по звуковому составу и по значению близко к шумерскому кур «страна», – писал он [75, с. 150].

В целом же, наши предположения по данному вопросу определенно согласуются с далеко идущими выводами И.М. Дьяконова о фонетике шумерского языка: «Вероятность субстратного происхождения шумерского фонетического состава и весьма обычные в шумерском отпадение конечных согласных и ассимиляция гласных внутри основы показывают, что фонетика шумерского языка – результат какого-то значительного изменения более раннего фонологического строя... Реконструируемая схема согласного состава старошумерского языка первой половины – середины III тысячелетия до н.э. очень близка... к согласному составу хурритского языка II тысячелетия, по-видимому, не первичному, а являющемуся результатом развития. Возможно, что это следствие наличия древнейшего субстрата, общего для хурритского и шумерского языков...» [76, с. 51].

О втором компоненте шумерского Niburu.

На территории Ингушетии имеются несколько топонимов с корнем буро(у): Буро(у)Кал (букв. под крепостью); БуромаГла (букв. верхняя оконечность крепости; поселение, расположенное выше крепости); Буруче – названия ингушских сел; Буру гАла, Шахьар Буру, Буру – ингушское название города Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Буру гАла и Шахьар Буру – термины-дуплеты, означающие «город-крепость», «город-укрепление» [77, с. 215, 234]; Ир-Буру Корт – топоним в Ассинском ущелье; в средневековых источниках упоминается укрепленное поселение Бури-Берд, уничтоженное войсками Тимура. Добавим к перечисленным топонимам близкие им по смыслу слово буру «укрепление»; буру-боарз (букв. крепость-курган) – «укрепленное поселение», «земляное городище», имеющее несколько другое значение.

В ингушском языке обозначения поселений довольно многообразны и известны в таких формах, как *гАла* (вариант *кхала*), *гАпп*, *буру*, *туп* «база, стан», *карт*, *ков* >*коашке*), *мата*, *пхъа* (*пхъе*, *пхъеда*), *овла* (*айла*), *хьокхараи*, *отараи*, *шахьар*, *туш*, *цIенге*, *йист*, *юрт*. Некоторые из них, вероятно, восходят к самой ранней стадии не только нахских, но и всей нахско-дагестанской общности языков. В этой работе мы будем вкратце рассматривать только первые три из перечисленных терминов, что должно способствовать установлению этимологии имени города Niburu.

Среди укрепленных поселений Центрального Кавказа, в том числе и Ингушетии, исследователи выделяют две группы.

К первой относятся так называемые «каменные городища» – расположенные в предгорьях и горных районах поселения с оборонительными стенами из камня,

ингушское название которых двояко – *ɟIann*, *ɟIala*. *ɟIann* («крепостная стена», «крепость») – это поселение с каменными оборонительными стенами по окружности. [Ср. шум. «гипар» – святилище, в котором живет богиня Инанна; в «гипаре» жили также и жрецы [78, с. 205]; аккад. *karḡum*; др.-ев. *kārāg* в древнейший период «временное становище пастухов и охотников», позднее ими стали обозначать поселения [79, с. 32]; хетто-несийская *arpiras* «поселение, город», термин хеттских законов XVI-XIV в.в. до н.э. [80, с. 37].

ɟIala («башня», «замок», «крепость», «город») – изначально каменное жилище в несколько ярусов (неотъемлемый признак данного жилища), название которого со временем перешло на укрепленное поселение, в том числе и на город. Об этимологии этого термина более подробно мы писали ранее [81, с. 197-198]. В сущности, каждое жилище такого типа в поселении представляло собой отдельную крепость.

Башенная архитектура исторически засвидетельствована у хурритов – наличие многоярусных общесемейных каменных жилищ у этого народа на Иранском нагорье известно с IV тыс. до н.э.

В этой связи нелишне еще раз подчеркнуть родство хурритского с восточнокавказскими языками, что в свою очередь должно предполагать и родство культур. Многочисленные циклопические каменные постройки башенного типа, которые отмечены в Горной Ингушетии, датируются II тыс. до н.э., что говорит о большой древности навыков возведения таких построек у древних ингушей [82, с. 22-23; 83, с. 182]. Однако, каменные постройки такого рода на своей территории, идентичные ингушским, грузинские специалисты склонны датировать III тысячелетием до н.э. Разумеется, речь идет о самых древних из этих построек. По утверждению М.И.

Джандиери и других авторов, многочисленные указания древних источников на широкое распространение комплексов башенного жилища на территории Закавказья и Кавказа позволяют отнести этот район к одному из очагов зарождения этой формы [84, с. 136; 85, с. 196-215; 86, с. 68-70; 87, с. 187].

Ко второй группе оборонительных сооружений относятся так называемые *буро(у)* «земляные городища», «укрепленные поселения», на равнинах с оборонительными сооружениями, включающими рвы и валы, при возведении которых использовалась земля, глина и сырцевой кирпич, в чем состоит их основное отличие от таких типов оборонительных сооружений как *гIала* и *гIанп*.

Эти древние укрепления буквально выкопаны. Обратим внимание на то, что шумерское *buru* у И.М. Дьяконова имеет значение «выкопанная(ый)». Конструктивные особенности укреплений вызваны по преимуществу геоморфологией Северного Кавказа и, очевидно, временем их сооружения, отмечает В.Б. Ковалевская [88, с. 146]. Правда, автор склонен отрицать влияние историко-культурных и этнических отличий оставившего их населения, с чем мы в корне не можем согласиться, так как считаем, что архитектура этих укреплений традиционно сложилась еще в глубокой древности в среде этноса, постоянно обитавшего в гористой местности и широких межгорных долинах и обладавшего тенденцией цепкого наследования на протяжении многих тысячелетий, вплоть до начала XIX века.

Мнение В.Б. Ковалевской о принадлежности укреплений кочевым племенам довольно легко оспаривается одним лишь только общеизвестным фактом, что кочевые племена не оставляют о себе архитектурных свидетельств.

Следует также отметить, что в шумерском языке, впрочем, как и в современном ингушском, термин *bûgu* имеет несколько значений и эти значения в обоих языках довольно близки между собой:

1) Шум. *bûgu*, *buḡ*: резец гравера; нитка, нить (глагол: просверлить, прокалывать; проникать). Ср. инг. *буро*, *буру(в)* резец гравера, сверло; *бурувтохар* – бурение.

2) Шум. *bûru(-d)*, *bûr*: дыра, начало; рудник; копь; шахта; глубина.

Ср. инг. *бур(о)у* – названия земляных укреплений [89; 90].

Отсюда, на наш взгляд, напрашивается довольно однозначный вывод о том, что первичным в этой терминологии в обоих языках являются названия некоего шанцевого инструмента или процесса, связанного с землестроительными работами, и по отношению к ним *buḡu*, как имя города, следует рассматривать как вторичное явление.

На основании приведенных примеров мы пришли к заключению, что название города *Nibuḡi* восходит к праинахскому (или праингушскому) *Нан(а)-буру(о)* (букв. «мать-крепость», «мать-город»), в значении основной, главный или стольный град (тождественно греч. «метрополия»). Семантика установленного нами названия согласуется с духовно-религиозным главенством *Ниппура* среди прочих шумерских городов. Созвучен с таким понятием и термин «*нана-Гала*» (букв. «мать-город») в ингушском языке. Кроме того, в шумерских текстах имя *EN-LILki* (место бога *Энлиля*) = *Niburuki* [91, с. 44]. Лексическое и семантическое тождество инг. *Ан-лел* и шум. *Энлиль* мы рассматривали ранее [92, с. 173-174]. Попутно нам представилась возможность установить этимологию шумерского названия реки *Буранин* (*Ефврат*). И. М. Дьяконов трактует имя *bur-a+nun*

как «бездна (букв. «выкопанная») великая». Первый элемент имени нами уже исследован, что же касается второго элемента *nun*, он, по сведениям того же И.М. Дьяконова, имеет значение «великая», «громко». В лексике ингушского языка имеется созвучное слово *нун*. Производным от которого, вероятно, является *нонагIа нареч.* «вдоволь, вполне, впрок». Следовательно, мы можем предположить, что инг. *нун* по значению сравнительно близко к шум. *nun*. Обратим внимание на хронологическое изменение основы компонента *buḡu* в термине *Niburu*: *buḡu*>ппур>ффер, где наблюдается взаимозамена согласных в корнеоснове: *b*>п>ф. Замену фонемы [б] на [п] в этом слове можно объяснить шумерским или, скорее всего, последующим аккадским влиянием. Появление фонемы [ф] объясняется влиянием арабского языка, в языке которого звук [п] вообще отсутствует. На этом примере мы можем наблюдать как в процессе двойного, тройного заимствования морфология компонента изменилась до неузнаваемости.

При исследовании этого термина мы не можем обойти стороной и то обстоятельство, что шумерское *buru* было заимствовано в другие языки и встречается даже в ядре основной санскритской лексики. Ср.: санскрит.: *ṛiḡ f.* – «город»; (в ведийском «крепость»); [ср. *ṛiḡa*: *ṛolṣ*] *пуруша* – «горожанин» [93, с. 241]. Эту же словоформу мы можем найти и в составе имени некоторых городов Индии, например, Нишапур, Пури (вблизи г. Каттака в Ориссе); Хастинапур, Джайпур. Необходимо учесть и другое обстоятельство, где наряду с этим термином, в санскрите существует синоним этого слова *paḡara* – «город». С меньшей или большей долей вероятности можно предложить несколько возможных путей заимствования этой лексемы в санскрит.

Заимствования многих терминов древнеиранского

языка санскритом относится к ахеменидскому времени (VII – IV в.в. до н.э.) [94, с. 284-285]. Надо заметить, что сам древнеиранский язык к этому времени успел вобрать в себя обширную лексику переднеазиатских языков и мог прослужить в основном лишь в роли передаточного звена. Великое множество слов из других языков и сложный характер санскритской лексики отмечает и Барроу. Источник их следует искать, пишет он, главным образом в доарийских языках Индии, в частности, в языке бурушаски, распространенном на крайнем северо-западе Индии и до сих пор стоящем особняком. Есть предположение о связи между бурушаски и некоторыми кавказскими языками и ряд ученых гипотетически относят его к нахско-дагестанским.

До арийского вторжения в этом районе могла существовать какая-то древняя форма этого языка, и возможно, что он занимал территорию более обширную и значит не мог не повлиять на формирование санскрита, отмечает этот автор [95, с. 350]. Опять же, по сведению М.И. Джандиери, литературные источники древней Индии, начиная с XI–X в.в. до н.э., сообщают о существовании на ее территории укрепленных поселений. Тексты «Ригведы», составленные из разрозненных гимнов ведийских ариев, повествуют о том, что при их переселении в Индию они вступили в длительные конфликты с народами, жившими в укрепленных поселениях («пуры» или «дурги»). Главного ведического бога Индру, разрушившего множество «городов», сражаясь с врагами ариев, называют также «Пурандара» или «Пурундара», что означает «сокрушитель укрепленных поселений». [Ср. устаревшее мужское имя ингушского происхождения Индар-къа, вариант Андар-къа (вариант Яндар), в котором конечный элемент –къа является наращением и обо-

значает «сын» [96, с. 198-199]; ср. также хуррит.: Antare, Antarati ; урарт.: Andaria (имя правителя при ассирийском царе Ашшурбанипале) [97, с. 249]. Сведения гимнов «Ригведы» об укрепленных селениях, принадлежащих аборигенам, с несомненностью указывают на то, что этот тип селений получил развитие на местной почве задолго до появления в Индии ариев [98, с.129].

В. Вс. Иванов полагает, что к началу I тыс. до н.э. относится упоминание похожего названия «замка, крепости» *burgan* в урартском языке и уже отсюда оно, вероятно, заимствуется древнеармянским в форме названия «городской башни» *burgn* [99; 100, с. 264;]. Тот же автор считает, что урартское *burgana* соотносится с индоевропейским именем города в форме **bherg'h-*. Он считает, что от этой основы были образованы новые названия «крепости, города»; готск. *baurgs* «город» с соответствиями в других германских языках.

Согласно И.М. Дьяконову, урартское *burg-ana* «крепость», которое В.Вс. Ивановым и Гамкрелидзе производится от и.-е. *bhr̥g* «быть высоким», является общехуррито-урартским (ср., по Н. Адовцу, субстратное греческое *πύργος*: «башня») (в хурритском оно, как он выражается, не засвидетельствовано). Для сравнения автор приводит как пример урартское *burg-ala* «союзник»; он полагает, что этот урартский корень несомненно имеет северо-восточнокавказское происхождение [101, с. 28].

Ингушское бур(о)у, по всей вероятности, имеет этимологическую связь с урартским *burgana*. [См. также : ХУ: **borg-*: урарт. *b/ru/org-ana* «крепость, башня» < ПВК **porqwV* (возможно, также, **b-*, **w-*, **-G-*) [102, с. 171].

Наконец, наличие этого термина в германских, тюркских и арабском языках (араб. *бурдж* – «башня»,

«крепость»; укрепленный военный пост, форт), правда в несколько отличном значении, говорит нам о сложном характере путешествия этого слова во времени и в языках.

Так, М. Фасмер термину «бур» дает следующую этимологию: бур «сверильное устройство», бурить «сверлить». Заимствовано из стар.-нем. *bohrg* «сверло» или голл. *boor*, шв. *borr*, диалек. *bor* [103].

А. Преображенский, помимо отнесения данного слова к заимствованию из германских языков [бурав: старое заимствование из герм.: др. шв. *borro*, др. в. нем. *boron*, исл. *bor*, н.нем. *bohreg*. Позднейшее заимствование бур, бурить, бурение или из стар.нем. *bohrg*, или ндл. *boog*, шв. *borr*], отмечает, что Корш предполагает заимствование из тюркского: бур «сверлить»; или: бура тж. Отсюда *бураге*, который в сев.-тюркс. превращается в бурав [104].

Конечно, нельзя отрицать, что этот термин в германские и тюркские языки мог быть, в свою очередь, заимствованным. Когда и из каких именно языков – этот вопрос на сегодняшний день остается открытым.

При попытке углубленного исследования морфологии и семантики подобных слов, так или иначе, мы часто будем упираться в дошумерский субстрат ввиду того, что эпоха эта в истории человечества была весьма значимой и она, несомненно, наложила свой неизгладимый отпечаток не только на всю последующую культуру человечества, но и на лексику многих современных и ныне мертвых языков (и не только родственных) мира. Подчеркивая значимость исследования дошумерского субстрата для современной лингвистики, мы приводим обширную цитату ученого-шумеролога С. Крамера: «...Вполне доказано, что первые поселенцы в Шумере были не шумеры. Убедительное доказательство кроется не в археологии и не в антропологии, которые предлагают весьма

неоднозначные и неокончательные результаты по этому вопросу, а в лингвистике. Название двух жизненно важных рек, Тигр и Евфрат, или идиглат (по другим сведениям Идилбат; ср. инг., чеч. Идал – название реки Волги) и буранун, как они читаются в клинописи, не шумерские слова. И названия самых значительных городских центров – Эриду, Ур, Ларса, Исин, Адаб, Куллаб, Лагаш, Ниппур, Киш – также не имеют удовлетворительной шумерской этимологии. И реки, и города, вернее, деревни, которые позже выросли в города, получили названия от людей, которые не говорили на шумерском языке...

Название этих дошумерских поселенцев Шумера, конечно, неизвестно. Они жили задолго до изобретения письменности и не оставили никаких контрольных записей. Ничего не говорят о них и шумерские документы более позднего времени, хотя есть убеждение, что некоторые из них были известны в III тысячелетии как субары (субарийцы). Об этом мы знаем почти наверняка: они были первой важной цивилизующей силой в древнем Шумере – первыми земледельцами, скотоводами, рыбаками, ткачами, кожежиками, плотниками, кузнецами, гончарами и каменщиками. И снова догадку подтвердила лингвистика. В 1944 г. Б. Ландсбергер, один из самых проницательных умов в исследованиях клинописи, опубликовал статью в журнале под патронажем университета Анкары. В ней он провел анализ несколько культурно значимых «шумерских» слов, то есть слов, взятых из шумерских документов 3-го тысячелетия до н.э. и потому считавшихся шумерскими, и показал, что свидетельствует об их нешумерском происхождении. Все эти слова состоят из двух и более слогов – в шумерском языке большинство корней односложны, – их модель сходна со словами Тигр, Евфрат и нешумерскими названиями городов....

Отсюда следует, что базовые земледельческие техники и промышленные ремесла впервые были привнесены в Шумер не шумерами, а их безымянными предшественниками...» [105, с. 54-55; см. также 123, с. 53]. Похожего мнения поддерживается и другой известный американский ученый, профессор Чикагского университета Лео Оппенгейм, утверждая, что «значительная часть шумерского словаря, относящаяся к материальной культуре Месопотамии, содержит термины и обозначения, по-видимому, не принадлежащие ни к шумерскому, ни к какому-либо из раннесемитских (протоаккадских) языков» [106, с. 35]. Он также считает, что к древнему языковому субстрату относятся географические названия местностей вдоль обеих рек и многие имена богов, обычно причисляемых к шумерскому пантеону [107, с. 35]. Нам представляется, что лексические параллели в шумерском и ингушском языках носят характер далеко не единичных примеров. Это проблема касается не только области ономастики, но и, скорее всего, затрагивает значительный пласт шумерского языка. Надеемся, что в дальнейшем сможем представить на суд читателя этимологический анализ слов не только из области терминологии материальной культуры, но из общего словарного фонда шумерского языка. Сумеет ли мы хотя бы отчасти представить доказательства этнической принадлежности ингушского языка к дошумерскому субстрату, сказать затруднительно. Современная лингвистика пока не определила принадлежность прототигридского или протоевфратского языков к какой-либо из существующих языковых семей, видимо, именно по причине скудости материала по этим языкам.

Сами термины «протоевфратский», «прототигридский» вызывают сомнение, так как не могут считаться бесспорным обозначением языка как лингвистической

единицы. И.Е. Гельб также полагает, что «...наряду с шумерами и, может быть, даже до них Месопотамию населял другой этнический элемент» и за неопределенностью обозначения названия этого этноса прозывает его «элементом X» [108, с. 70]. Перу этого же автора принадлежат и названия «язык x» и «банановый язык», последнее из которых широко разошлось в научной литературе. Другие авторы, помимо шумеров и аккадцев, склонны определять его как «третий этнос» [109, с. 4-8; 110, с. 188]. Встречаются (правда, сравнительно редко) и такие названия, как прототранстигридский (prototranstigrish) zpsr, а также убейдский язык.

Пока же предшественники шумеров по тем или иным причинам, сколь ни прискорбно, на деле остаются безымянными [111, с. 188]

Нам представляется, что речь здесь идет о носителях нахско-дагестанских языков, а какой из современных языков из этой группы наиболее близок к языку автохтонов Южного Междуречья, вопрос, думается, будущих исследований.

Известный историк Авдиев В.И. полагает, что племена, населявшие в глубочайшей древности Месопотамию, принадлежали к древнейшему этническому слою Передней Азии, к той яфетической группе племен, к которой принадлежали субарейцы северной Месопотамии и хурриты северо-западного Двуречья и северной Сирии [112, с. 39]. Термин «субарей» рассматривается как синоним слова «хуррит», а хуррито-урартские языки, как мы знаем, относятся к восточнокавказской ветви иберийско-кавказской языковой семьи [113, с. 113; 15, с. 164-165, 203-204]. В более позднее время под «субарейским» (шумер. eme-subirki) однозначно понимался хурритский язык.

Бесспорно, И. М. Дьяконов был близок к истине, ко-

гда заявлял о «наличии древнейшего субстрата, общего для хурритского и шумерского языков...». Здесь же, особо не вдаваясь в полемику о генетической принадлежности шумерского языка, отметим важное для нас мнение И. М. Дьяконова на эту тему. Он пишет: «Нельзя, в частности, отрицать большой структурной близости шумерского языка с рядом кавказских. Но как бы значительна она ни была, она не свидетельствует о родстве, пока нельзя выявить и материальной близости» [114, с. 84]. Перу И. М. Дьяконова принадлежит и следующее, довольно определенно свидетельствующее о позиции автора, высказывание: «...фонетическая система шумерского языка была очень сложна, напоминая восточно-кавказские языки» [115, с. 19].

Наши изыскания в области сравнительного языкознания подтверждаются и новейшими материалами из области археологии – эти материалы позволяют проследить связи шумеров с территорией древнего Кавказа.

По утверждению Т. Ахундова, «...к середине IV тыс. до н. э. на Кавказе появляется совершенно новое для этого региона население – мигрировавшие сюда носители Урукской традиции (*культура Урука: середина – вторая половина IV тысячелетия до н.э. – Х. Б.*). На Южном Кавказе они сложились в лейлатепинский вариант своей традиции (лейлатепинская традиция). Далее, переместившись на Северный Кавказ, стимулировали сложение там сначала северокавказского варианта своей традиции, а позже, в контактах с носителями обряда подкурганых захоронений Юго-Восточной Европы, сложились уже в сугубо северокавказскую майкопскую традицию... Во второй половине IV тыс. до н.э. ...майкопская традиция, расширяя свой ареал, начинает перемещаться на юг и прежде всего – на Южный Кавказ, привнеся сюда обряд подкурганых захоронений. Про-

движение их не ограничилось Южным Кавказом. Оно достигало юга урмийского бассейна, возможно, границ Южного Кавказа с Малой Азией» [116, с. 62].

М. В. Андреева на результатах анализа археологического материала Майкопа (майкопские царские погребения конца IV тысячелетия до н.э.) увязывает северокавказские материалы с кругом переднеазиатских памятников второй половины IV тыс. до н.э. и выделяет северокавказско-сиро-месопотамскую сферу культурного взаимодействия [117, с. 87, 88, 101].

В связи с этим особый интерес для нас представляет уникальная находка при раскопках курганного могильника с. Сунжа (инг. название Ахки-Юрт). Здесь в майкопском погребении был обнаружен керамический сосуд, украшенный рельефным орнаментом – фризом из восьми фигур. Автор отмечает сходство форм глиняной и серебряной майкопской посуды, а также расписной убейдской (убейдский период: конец VI – конец V – первая половина IV тысячелетия до н.э.; хронология дается по Дж. Отсу) и более поздней нерасписной керамики периода Гавра. По заключению М.В. Андреевой «...декор серебряных майкопских и керамического сунженского сосудов представляет собой уникальное для переднеазиатского круга культур по детальной развернутости изобразительные тексты, соединяющее в одно целое ряд композиционных структур, известных как по росписям на посуде, так и по изображениям на других предметах, среди которых важное место принадлежит глиптике» [118, с. 88-92; Рис. 7, 8, 9].

По нашему мнению, что Т. Ахундову удалось довольно четко обрисовать маятникообразный характер миграционных процессов, протекавших в глубокой древности: от центра переднеазиатской культуры Месопотамии к его периферии на Северный Кавказ и обрат-

но. Такой характер миграционных процессов, должно быть, был закономерен для всего Кавказа в целом. Так, в последующие периоды наблюдается продвижение хурритов, а затем и урартов на север, в свою очередь миграция носителей кобанской культуры достигает Луристана, где под влиянием этой культуры сложился знаменитый стиль «луристанская бронза».

Известная стилистическая близость кавказских и луристанских изображений двуглавого животного не раз привлекала внимание исследователей. Э. Херцфельд рассматривал их как предметы одного культурного круга [Hercfeld, 1941, с.175]. Ф. Ганчар – как одно из свидетельств постепенной миграции населения через Кавказ в более южные области [Ганчар, 1934]. В последнее время некоторые изображения были рассмотрены М. Ш. Хидашели с точки зрения типологической близости культур Кавказа и Луристана и общности мифологических образов [Хидашели, 1970; Khidasheli, 1974, с.106,109].

Изложенные выводы подтверждаются и изысканиями в области палеоантропологии. По мнению Г.Ф. Дебеца «антропологически Кавказ в целом обращен к югу – Передней Азии и Ирану, хотя он обнаруживает также определенные параллели с древними народами южно-русской равнины» [119, с. 198, 199].

Ю.Б. Юсифовым было высказано предположение, что носители нахско-дагестанских языков в III тыс. до н.э. обитали в близких и дальних зонах Урмийского озера и контактировали с соседними народами [120, с. 37, 38]. Кстати, именно с топонимикой этой зоны связано возникновение одного из многих этнических имен ингушей, отмеченного в грузинских и армянских хрониках – дзурдзуков. Согласно Г. А. Меликишвили, название манейского поселения Дурдукка (вар. Зурдукка) почти полностью совпадает с названием северокавказского

(бацбийско-кистинского) племени дурдзуков и т.д. (игнорирование автором этнического имени ингушей и чеченцев, вероятно, связано с цензурой на упоминание в печати имен этих этносов на период депортации 1944-1957 гг.) [121, с. 10, 11].

В свою очередь, исследуя историю этнонима дзурдзуки, Робакидзе А.И. заявляет о его важности не только лишь в связи с этногенезом нахов. Он полагает, что частое упоминание этого этнонима в древних и ранних средневековых письменных памятниках в различных языках имеет важное значение для изучения культурной истории чеченцев и ингушей и их связей с народами Закавказья [122, с. 25-27].

Исследование и установление дошумерского субстрата в шумерском языке посредством не только ингушского, но и нахско-дагестанских языков в целом – перспективное направление в сравнительно-историческом языкознании иберийско-кавказских языков. Нам представляется, что такие исследования, в первую очередь, помогут более наглядно восстановить фундаментальную картину этнокультурных связей нахско-дагестанских языков с древнейшего периода и до настоящего времени. При этом существенно важным представляется степень воздействия или участия дошумерского, прототигридского языка в становлении истинно протошумерского (прашумерского), как языка пришельцев.

Использованная литература

1. Крамер С. История начинается в Шумере. – М., 1991.
2. Дьяконов И.М. О площади и составе населения шумерского «города-государства» // ВДИ. – № 2. – М.-Л., 1950.

3. Дьяконов И.М. Купля-продажа земли в древнейшем Шумере и вопрос о шумерской общине // ВДИ. – № 4. – М., 1955.
4. Традиционное искусство Востока. Терминологический словарь. Под общей ред. Стародуб Т.Х. – М., 1997.
5. Вагапова Т.М. Словообразование отчислительных слов и словосочетаний в чеченском языке // Словообразование и словоизменение в нахских языках. – Грозный, 1986.
6. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. – Грозный, 1963.
7. Канева И.Т. Шумерский язык. – СПб., 2006.
8. Там же. – С. 235.
9. Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков категории имени. – М., 2003.
10. Бернард Комри, Маджид Халилов. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. – Лейпциг-Махачкала., 2010.
11. Дьяконов И.М. Языки Древней Передней Азии. – М., 1967.
12. Костоева Ф.М. Наименование разных типов жилищ в ингушском языке // Ученые записки. Серия «Филология». – Вып. IV. – Магас, 2012.
13. Дьяконов И.М. Языки Древней Передней Азии. – М., 1967. С. 41.
14. Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи (указатель) // ВДИ. – № 1. – 1954.
15. Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. – М., 1988.

16. Старостин С.А. *Nurro-Caucasica* // Старостин С.А. Труды по языкознанию. – М., 2007. – С. 750.
17. Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки. // Древний Восток: этнокультурные связи. – М., 1988.
18. Там же. – С. 180.
19. Канева И.Т. Шумерский язык. – СПб., 2006.
20. Емельянов В.В. Ритуал в древней Месопотамии. – СПб., 2003.
21. Куртик Г.Е. Отождествление Инанны с планетой Венера как критерий для определения времени выделения созвездий в древней Месопотамии // ВДИ. – № 1. – 2000.
22. Емельянов В.В. Ритуал в древней Месопотамии. – СПб., 2003.
23. Мифы народов мира. – Т. 2. – Под ред. С.А. Токарева. – М., 2000.
24. Хайров Б.А. Некоторые страницы из истории ингушей. (На инг. яз.) // ВИИ. – Вып. 8. – Магас, 2011.
25. Канева И.Т. Шумерский язык. – СПб., 2006.
26. Дьяконов И.М. Государственный строй древнейшего Шумера // ВДИ. – № 2. – М., 1952.
27. Оппенгейм А.Лео. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. – М., 1990.
28. Хайров Б.А. Некоторые страницы из истории ингушей. (На инг. яз.) // ВИИ. – Вып. 8. – Магас, 2011.
29. Бернанд Комри, Маджид Халилов. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. – Лейпциг-Махачкала., 2010.
30. Хайров Б., Евлоев Я. Нахи: Предки и наследники шумеров. – Смоленск, 2005.
31. Тураев Б.А. История Древнего Востока. – Минск, 2002.

32. Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. – М., 1988.
33. Дьяконов И.М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э. (По материалам города Ура) // Древний Восток. Города и торговля (III-II тыс. до н.э.). – Ереван, 1973.
34. Тюменев А.И. О значении термина «kal» в древнешумерском языке // ВДИ. – № 2. – М.-Л., 1946.
35. Дьяконов И.М. Еще о термине guguš (kal) в шумерском языке // ВДИ. – № 1. – 1948.
36. Тюменев А.И. О предназначении людей по мифам Древнего Двуречья // ВДИ. – № 4. – М.-Л., 1948.
37. Система личных имен у народов мира. – М., 1986.
38. Канева И.Т. Шумерский язык. – СПб., 2006.
39. Хайров Б. Некоторые страницы из истории ингушей. (На инг. яз.) // ВИИ. – Вып. 8. – Магас, 2011.
40. Чубинишвили Т.Н. Некоторые особенности древних культур Южного Кавказа и их взаимоотношения с переднеазиатскими культурами в IV-III тыс. до н.э. // Кавказско-ближневосточный сборник. – IV. – Тбилиси, 1973.
41. Арутюнян Н.В.: К чтению и интерпретации фрагмента летописи Менау // Древний Восток: Этнокультурные связи. – М., 1988.
42. Джандиери М.И. Древнее башенное общинное жилище // ВДИ. – № 2. – 1981. – С. 123.
43. Дьяконов И.М. О площади и составе населения шумерского «города-государства» // ВДИ. – № 2. – М.-Л., 1950.
44. Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии. – М., 2000.

45. Корниенко Т.В. Культовое строительство Южной Месопотамии в убейдский период (По материалам Эреду и Урук) // ВДИ. – № 2. – 2006.
46. Тюменев А.И. О предназначении людей по мифам древнего Двуречья // ВДИ. – № 4. – М.-Л., 1948.
47. Мифы народов мира. – Т. 2. – М., 2000.
48. Шумерский героический эпос. Транскрипции, перевод, комментарий и вводные статьи И.Т. Каневой // ВДИ. – № 4. – 1964.
49. Доброва Е.В. Популярная история мифологии. – М., 2003.
50. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. – М., 1956.
51. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. – Грозный, 1963.
52. Оздоев И.А. О словообразовании имен существительных в ингушском языке // Вопросы вайнахской морфологии. – Грозный, 1983.
53. Дьяконов И.М. Языки Древней Передней Азии. – М.: 1967.
54. Дьяконов И.М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э. (По материалам города Ура) // Древний Восток. Города и торговля (III-II тыс. до н.э.). – Ереван, 1973.
55. Кадагидзе Д., Кадагидзе Н. Цова-тушинско-грузинско-русский словарь. – Тбилиси, 1984.
56. Орел В.Э., Старостин С.А. О принадлежности этрусского языка к восточнокавказской языковой семье // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. – Орджоникидзе, 1989.

57. Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима. – М.: 1990.
58. Мифы Древнего Рима. – М., 2000.
59. Этруски: Итальяское жизнелюбие. – М., 1998.
60. Тураев Б.А. История Древнего Востока. – Минск, 2002.
61. Саламова Р.А. Некоторые особенности лексики мелхинского говора чеченского языка // Вопросы вайнахской морфологии. – Грозный, 1983. – С. 96, 101.
62. Тураев Б.А. История Древнего Востока. – Минск, 2002.
63. Меликишвили Г.А. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту // ВДИ. – № 4. – 1951.
64. Указатель собственных имен и географических названий // ВДИ. – № 4. – 1951.
65. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и исторического развития горских кавказских языков. – Грозный, 1963.
66. Русин В.Ф. Горный сельскохозяйственный потенциал Чечено-Ингушетии и его рациональное использование. – Грозный, 1989.
67. Дьяконов И.М. Новые данные о шумерской культуре // ВДИ. – № 2. – 1947.
68. Дьяконов И.М. Языки Древней Передней Азии. – М., 1967.
69. Там же.
70. Чрелашвили К.Т. Бацбийский язык // Языки мира. Кавказские языки. – М., 2001.
71. Хайдаков С.М. Лакский язык // Языки мира. Кавказские языки. – М., 2001.

72. Алексеев М.Е. Рутульский язык // Языки мира. Кавказские языки. – М., 2001.
73. Дьяконов И.М. Новые данные о шумерской культуре // ВДИ. – № 2. – 1947.
74. Крамер С. История начинается в Шумере. – М., 1991.
75. Мальсагов Д.Д. О некоторых непонятых местах в «Слове о полку Игореве» // Известия ЧИНИИИ-ЯЛ. – Вып. 1. – Грозный, 1959.
76. Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. – М., 1967.
77. Куркиев А.С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. – Грозный, 1979.
78. Шумерский героический эпос. Транскрипции, перевод, комментарий и вводные статьи И.Т. Каневой // ВДИ. – № 4. – 1964.
79. Дьяконов И.М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э. (По материалам города Ура) // Древний Восток. Города и торговля (III-II тыс. до н.э.). – Ереван, 1973.
80. Янковская Н.Б. Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках // ВДИ. – № 1. – М., 1959.
81. Хайров Б.А. Некоторые страницы из истории ингушей (На инг. яз.) // ВИИ. Вып. 8. Магас, 2011.
82. Кодзоев Н.Д. Истоки башенной культуры ингушей // Дударов А-М., Кодзоев Н. К древней и средневековой истории ингушей. – Нальчик, 2011.
83. Дударов А-М.М. К вопросу о расселении ингушей в позднем средневековье: ГалгIай Коашке // Дударов А-М., Кодзоев Н. К древней и средневековой истории ингушей. – Нальчик, 2011.

84. Джандиери М.И. Древнее башенное общинное жилище // ВДИ. – №2. –1981.
85. Худадов В.Н. Мегалитические памятники Кавказа // ВДИ. – № 1. – 1937.
86. Мещанинов И.И. Восточное Закавказье времен халдских завоеваний // ВДИ. – № 1. – 1937.
87. Пиотровский Б. Археологическое изучение древнейшего Закавказья. // ВДИ. – № 3. – 1947.
88. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. – М., 1984.
89. Тенгиз Гудава. До и после Библии. Шумеро-русский словарь.
<http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html>;
<http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary2.html>.
90. Ингушко-русский словарь. – Нальчик, 2009.
91. Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. – М., 1967.
92. Хайров Б.А. Некоторые страницы из истории ингушей (На инг. яз.) // ВИИ. – Вып. 8. – Магас, 2011.
93. Учебник санскритского языка. – Ф. И. Кнауэр. 1908.
94. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. – М., 1980.
95. Барроу Т. Санскрит. – М., 1976.
96. Куркиев А.С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. – Грозный, 1979.
97. Капанцян Гр. К установлению хурритского термина $\check{S}ARR-$ || $ZAR-$ в значении «слуга, раб» по данным армянского и грузинского языков. // ВДИ. – № 1. – 1951.
98. Джандиери М.И. Древнее башенное общинное жилище // ВДИ. – №2. –1981.
99. В. Вс. Иванов. Переименовываемый город.
<http://kogni.narod.ru/ventzlova.htm>

100. Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи // ВДИ. – № 1. – М., 1953.
101. Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. – № 3. – 1982.
102. Дьяконов И.М. Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. – М., 1988.
103. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. – М., 1987.
104. Этимологический словарь русского языка. – Т. 2. – Составитель А. Преображенский. – М., 1910-1914.
105. Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на Земле. – М., 2002.
106. Оппенхейм А. Лео. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. – М., 1990.
107. Там же.
108. Гельб И.Е. Опыт изучения письма. (Основы грамматики). – М., 1982.
109. Джаракян Р.В. Этнический состав населения к северу от долины реки Диалы (Ирак) в III тысячелетии до н.э. // ВДИ. – № 2. – 1994.
110. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. – М., 1956.
111. Там же.
112. Авдиев В.И. История Древнего Востока. – М., 1948.
113. Дьяконов И.М. Языки Древней Передней Азии. – М., 1967.
114. Там же.
115. Дьяконов И.М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. – Орджоникидзе, 1989.
116. Ахундов Т. Динамика расселения на Южном Кавказе в эпоху неолит – ранняя бронза (цен-

- тральный и восточный районы) // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». – Тбилиси, 2010.
117. Андреева М.В. К вопросу о знаковой роли посуды из раннебронзовых памятников Кавказа (конец IV–III тысячелетия до н.э.) // ВДИ. – № 1. – 1996.
118. Там же.
119. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М.-Л., 1948.
120. Юсифов Ю.Б. Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона) // ВДИ. – № 1. – 1987.
121. Меликишвили Г. А. Новая урартская надпись из Иранского Азербайджана // ВДИ. – № 3. – 1960.
122. Робакидзе А.И. Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. II. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси, 1968.
123. История древнего мира. Ранняя древность. М.: 1983.

Сокращения названий языков

Аккад. – аккадский, араб. – арабский, бацб. – бацбийский, голл. – голландский, готск. – готский, греч. – греческий, дарг. – даргинский, др.-ев. – древнееврейский, др. в. нем. – древне-верхне-немецкий, др.-шв. – древне-шведский, исл. – исландский, инг. – ингушский, и.-е. – индоевропейский, ндл. – нидерландский, н.-нем. – ниже-немецкий, ПВК – правосточнокавказский, ПН – пранахский санскрит. – санскритский, сев.-тюркск. – северотюркский, стар.-нем. – старонемецкий, урарт. – урартский, ХУ – хуррито-урартский, хуррит. – хурритский, цез. – цезский, чам.-гак. – гакваринский диалект чамалинского языка, чим.-гиг. – гигатлинский диалект

чамалинского языка, чеч. – чеченский, шв. – шведский, шум. – шумерский

Прочие сокращения

ВДИ – Вестник древней истории

ВИИ – Вестник истории Ингушетии

ЧИНИИИЯЛ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

Рис. 1. Двуречье в IV-III тысячелетиях до н.э.

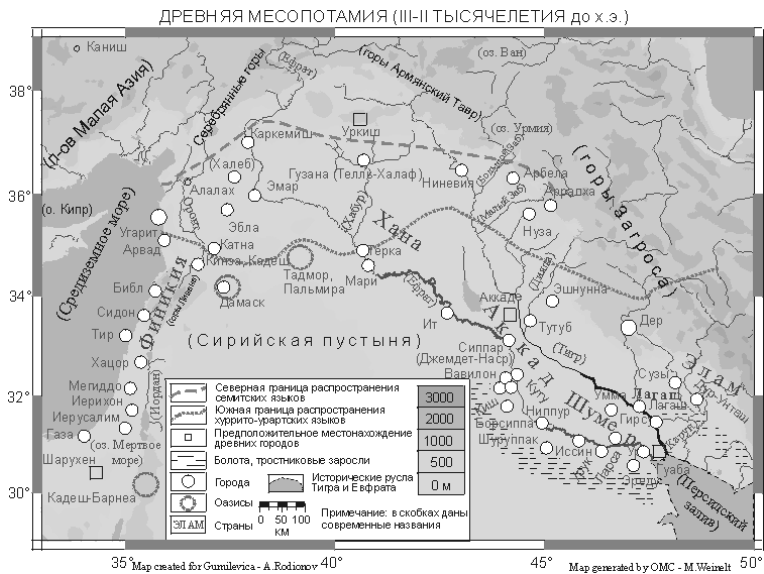

Рис. 2. Древняя Месопотамия (III-II тысячелетия до н.э.)

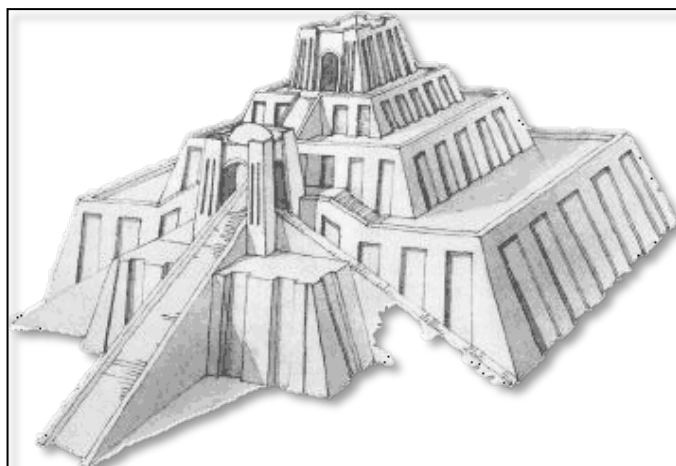

Рис. 3. Зиккурат в Уре. Реконструкция. XXI в. до н.э.

Рис. 4. Медная статуэтка царя Лагаша Ур-Бау, вбивающего символический гвоздь. Статуэтка была найдена при раскопках храма в Гирсу, она была помещена в глиняную вазу вместе с табличкой, на которой перечисляются храмы, построенные Ур-Бау. Лувр, Париж.

Рис. 5. Диоритовая статуя Гудеа, правителя Лагаша. Найдена при раскопках в Гирсу. XXI в. до н.э. Лувр, Париж.

Рис. 6. Статуя Гудеа, на спине которой сделана надпись:
Гудеа, энси Лагаша, который храм Гештинанны
и храм Нингишзиды построил. Гештинанне, госпоже,
выращенной Аном, любимой супруге Нингишзиды,
своей госпоже, Гудеа, энси Лагаша, ее храм в Гирсу
построил. Статую свою он изготовил, именем
«Гештинанна жизнь ему даровала» ее назвал,
в ее храм внес (перевод В.В. Емельянова).

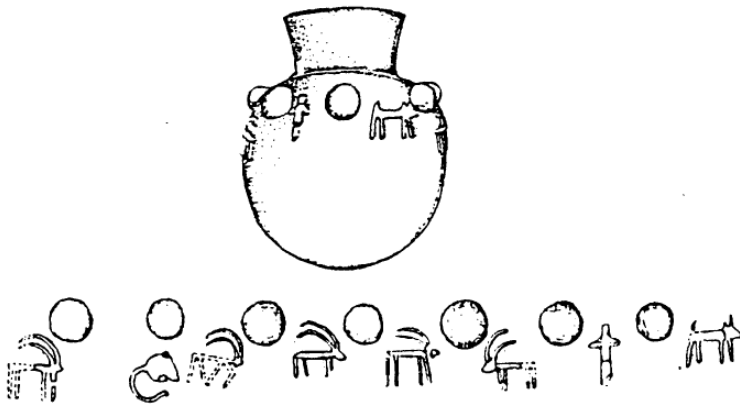

Рис. 7. Изображения на сосуде из могильника с. Сунжа,
Северный Кавказ (по М.В. Андреевой, 1996)

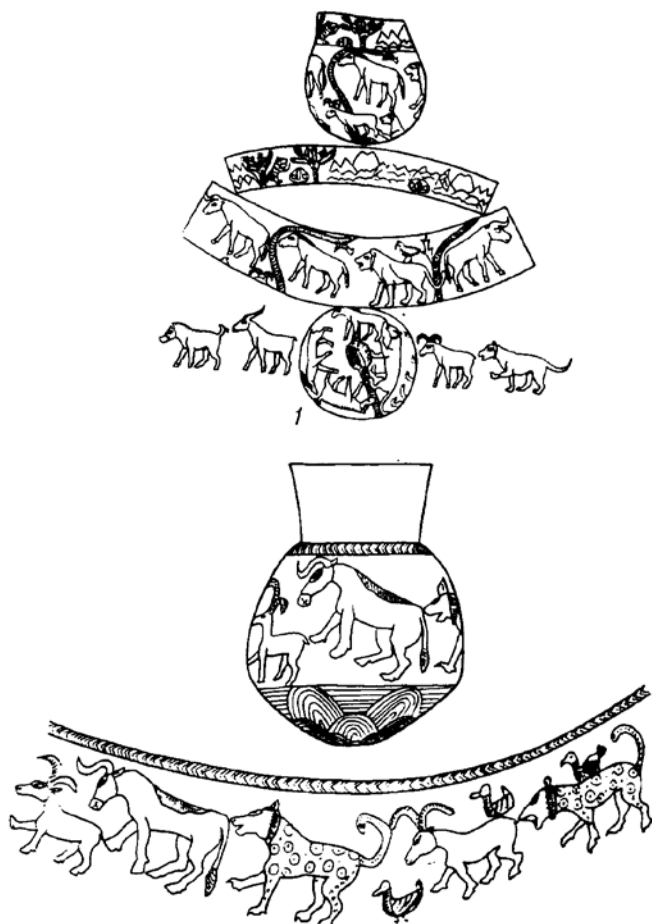

Рис. 8. Изображения на серебряных сосудах из Майкопа
(По Мунчаеву, 1975)

Рис. 9. Посуда из памятников Северной Месопотамии:
 1-8 – Тепе Гавра; 9-11,14 – Дегирментепе, 12 – Хан Ибрагим
 Шан, 13 – Норшумтепе, 15, 17 – Нулур / Сакель;
 Закавказья: 16 – Шенгавит (по Андреевой, 1996)

К вопросу шумеро-ингушских лексических соответствий и этнической атрибуции дошумерских насельников Месопотамии

«Лингвистами давно разрабатывается вопрос о языке-субстрате, заимствования из которого обнаруживаются в шумерской лексике.

...Есть основания надеяться, что совместные усилия археологов и лингвистов приведут к должному успеху в разработке этой важнейшей проблемы древнего Востока» (Массон, 1971, с. 13-14).

«Значительная часть шумерского словаря, относящаяся к материальной культуре Месопотамии, содержит термины и обозначения..., не принадлежащие ни к шумерскому, ни к одному из раннесемитских языков. Эти слова, возможно, следы одного или нескольких более древних языковых субстратов... Следы древнейших языков могут дать реальную возможность проникнуть в тайну взаимоотношений Месопотамии с востоком, севером и западом...» (Оппенгейм А. Лео, 1980, с. 35).

В предыдущих нескольких работах мы делали попытки установить шумеро-ингушские лексические соответствия. При этом почти весь исследуемый нами лексический материал относился к области ономастики, топонимики, теонимов и астронимов, а также наименования храмов и зиккуратов (Хайров Б., Евлоев Я., 2005; Хайров, 2011, с. 149-210; Хайров, 2012, 163-178; Хайров, 2013, с. 200-202, 206, 208-212; Хайров, 2014, с. 90-102;

Хайров, 2017а, с. 75-77; Хайров, 2017б, с. 30-51; Хайров, 2019, с. 66-82).

В данной работе, несколько расширяя область своих исследований, мы намерены путем вычленения нескольких шумерских слов из базисной шумерской лексики и сопоставления их с ингушскими (или общенахскими) установить их сравнительно-историческую этимологию.

Для осуществления заявленной цели нам необходим краткий экскурс в историю зарождения и развития шумерской письменности².

И.М. Дьяконов отмечает, что в шумерской письменности «...уже на стадии идеографии почти всякий знак имеет более одного значения, так как он не только выражает понятие, не определяя, каким именно словом оно должно быть выражено, но при этом обыкновенно может передавать даже не одно понятие, а целый пучок ассоциативно связанных понятий... Поэтому и при развитии логографии каждый знак получает целую группу понятийно связанных словесных значений, например, рисунок ноги передает основы *du*, *ara*, *gin* «ходить», «идти», *gub* «стоять»... По той же причине знаки, получившие впоследствии фонетическое значение (силлабограммы), часто также получают не одно, а несколько фонетических звучаний (явление полифонии).

С другой стороны, как видно из предыдущего примера, одно и то же звучание может передаваться разными знаками в зависимости оттого, с каким понятием оно связывается (явление омофонии). Так, *du* «ходить» пи-

² Думается, что нет надобности в данной статье затрагивать вопросы этнической ситуации дошумерского периода Месопотамии, так как во многих более ранних публикациях нами были подробно изложены сведения о дошумерских насельниках Месопотамии и их роли в освоении Двуречья (Хайров, 2012, с. 169-171; Хайров, 2017б, с. 42-43; Хайров, 2019, с. 69-71).

шется знаком НОГА, а *du* «строить» пишется знаком КОЛЫШЕК» (Дьяконов, 1967, с. 39-40).

«...Так как словесный знак сам по себе не дает указания на произношение слова, и, будучи связан с целым ассоциативным пучком понятий, многозначен, то при передаче гласных формантов слоговыми знаками одновременно передает и последний согласный основы: например, [*gub-a*] «стоящий» пишется НОГА *-ba*, чтобы отличить от [*gin-a*] «идущий», что пишется НОГА *-na* (в обычной транслитерации *gub-ba*, *gin-na*, где слоги *-ba* и *-na* являются фонетическими комплиментами к идеограмме, передающей основу, и одновременно выражают формант причастия *-a*. Первоначально знак НОГА (*gub*, *gin*) мог передавать любую форму соответствующего глагола, например, *gina* «идущий», *gineda* «чтобы идти», *munegin* «туда пришел» и т.д. Но с середины III тысячелетия знак начинает передавать только основу слова, и [*gina*] пишется *gin-na*, [*gineda*] – *gin-ne-da* (или, чаще, *gine-da*) , [*munegin*] – *mu-ne-gin*. Таким образом, любое шумерское слово в форме чистой основы передается идеограммой-логограммой, имеющее же форманты – сочетанием знака в идеографическом (логографическом) значении для основы со знаками в слоговом значении для формантов, причем знак для гласного суффикса содержит одновременно и указание на последний согласный основы. Этим приемом не передается какое-либо удвоение этого согласного: *gin-na* надо читать [*gina*], имя *Lugal-zag-gi-si* надо читать [*Lugal-zage-si*]...». Автор поясняет, что «...транскрипции, раскрывающие структуру слова, или вообще не следующие написанию подлинника, даны в квадратных скобках. Без квадратных скобок дана транслитерация, соответствующая орфографии подлинника или совпадающая с ней» (Дьяконов, 1967, с.

42, 43; см также Гельб, 1982, с. 298; Фридрих, 1979, с. 63-67).

ЕК *giri* (гИри) «нога» > ES *te-re* (Дьяконов, 1967, с. 48) [ср. инг. *mIap*(г); чеч. *mIip* – «пинок»]; *giri* «нога», вариант *gir* (Дьяконов, 1967, с. 50, 51, 52); *gub* «стоять»; «ставить», «быть поставленным» (Дьяконов, 1967, с. 63; см. также Дьяконов, 1958, с. 63); *gin-* (*n*)*a*, *gin-a* «хождение», где -*a* суффикс (Дьяконов, 1967, с. 80); *ga* – «идти, торопиться, слать, приносить, уносить» (Дьяконов, 1958, с. 54).

Шум. *gir* значит «путник, странник», букв. «идущий» (в контексте произведения он оказывается духом мертвых) (Афанасьева, 2000, с. 62; Крамер, 1991, с. 233).

Некоторые глаголы движения шумерского языка с непереходным значением: *te* «приближаться» (ср. инг. *ṭa* *глагольная приставка, обозначающая направление действия на поверхность чего-либо, чаще передается приставками на-, до-*) (Ингушко-русский словарь, 2009), *gi4* «возвращаться», *gir* «поворачивать, возвращаться» (Шумерский героический эпос., с. 256).

По новым сведениям И.Т. Каневой, шум. *gin* «ходить», «идти», «пойти»; *giṅ* «нога, путь»; *gid* «протяженность», «длина» (быть длинным). Автор, ссылаясь на мнение Крехера, к списку шумерских слов, содержащих фонему *ḡ* (*ḡ* = инг. [*ɟI*]) относит *ḡin:du* «идти»; *ḡiṅ* «нога», «путь»; *iḡin* «бродить», «ходить вокруг» (Канева, 2006, с. 81, 83, 116, 183, 235). Нам кажется, что факт принадлежности всех вышеприведенных слов к однокоренным не должен вызывать сомнений. Для некоторых из них в недавнем прошлом (Крехер, 1978), как мы уже писали, было установлено точное фонетическое звучание. Следовательно, корневой основой этих слов является консонант *ḡ* (*ɟI*), и правильнее будет их всех без исключения читать именно с этой фонемой, а не иначе.

Для сопоставления с шумерским *ĝin* мы возьмем инг. *ġla* «шаг». Производными от *ġla* «шаг» в ингушском являются следующие слова: *ġlo*, *ġluo* (вода, вахар, вахав, ġоргва) – глаг. однократ. действ. «сходить, пойти, съездить»; *ġlaš* нареч. «пешком»; *ġlašlo* суц. «пешеход, ходок»; *ġlašjokъ* «пах» (где -юкъ означает «середина»); *ġlaš-никъ* «тропинка» – из *ġla* «шаг» (Ингушско-русский словарь, 2009; Оздоев, 1983, с. 36). Чеч. форма *ġulč* «шаг» также является производной от *ġla* (Халидов, 2006, с. 122; Мациев, 2000).

К этой семантической группе относится бацбийское *ġlob* «иди» (бацб. *ġla* «шаг») (Дешериев, 1963, с. 303), инг. *хулча* (< *ġулча*) – «гонец, ходок» (по инф. д. ф. н. Л. У. Тариевой); *хулчи* – обувь из сыромятной кожи (в обоих словах мы наблюдаем естественное фонетическое чередование: переход фонемы [ġl] в [x], например, *вахавоаġla* и др.); *ġлаба* (произв. от *ġla* ? «шаг») – ножные колодки, кандалы, оковы (Ингушско-русский словарь, 2009). Как и в шумерском, корневой основой в нахских языках является консонант [ġl]. Налицо корневое тождество инг. *ġla* и шум. *ĝir*. [Ср. другое шум. слово *ara* «ходить», «идти» с инг. *в-ар*, *й-ар*, *б-ар*, *д-ар* (*в-*, *й-* *б-*, *д-* – классные показатели) «явка», «приход», «приезд», «доставка», «принесение» (Ингушско-русский словарь, 2009)].

Интересные параллели имеются и в некоторых дагестанских языках: рутул. *гъили* «нога» (Алексеев, 2003, с. 128); чам.-гак. *гъаб*, чим.-гиг. *гъабу* «нога» (Бернард Комри., 2010, с. 210) (где *гъ* = инг. *ġl*)³.

³ Укрепленные поселения обозначались в латинском языке словом *oppidum*, дословно «граница для ноги» (Немировский, 2000, с. 101). Семантически с данным словом перекликается шумерское *ĝipar* «ограда», «загон», ингушское *ġlap* «крепостная стена» и бацб. *ġlob* «иди», «забор», вычлняющие в своем составе общие фонетические

компоненты, восходящие к одному понятийному содержанию: гI + об (аб) имеют глухой вариант [п] (инг. гIап), обусловленный абсолютным концом слова. Чередование [о] и [а] в корне слова – естественный процесс для нахских языков (Дешериев, 2006, с. 155, 349-352).

[Ср. шум. gub «стоять», но и «ставить» и «быть поставленным» (Дьяконов, 1967, с. 63). Любопытен факт внешнего созвучия этих слов с инг. гIов «торс, фигура, стан человека», «стена» (Куркиев, 2004) и с устаревшим ингушским именем ГIуби (ГIуби)].

В связи с этим интерес вызывают бацбийские составные наименования: гIапгIап: гIа къатайар «расставить ноги, начать шагать»; гIапгIапи къатайар «расставить ноги»; гIапанг «ловушка», «капкан» (Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984): структура данных слов включает сегмент гIа «шаг» и формант с уменьшительно-ласкательным значением – «-инг».

Согласно С. А. Старостину, корень исследуемого нами термина представлен в прасевернокавказском, прасинотибетском и праенисейском языковых семьях, которые он объединяет в одну синокавказскую макросемью.

Ср. ПВК *γёрV «нога» (?) ПСТ *g/ũ/p «нога, колено»: югский (енисейский) χᶜᶑᶑ «подошва»;

ПВК *χIwapV «лапа»: ПСТ *k(h)ap «развилка ног»: ПЕ qop-ku «икры ног» (графема V-символ любого гласного звука) (Старостин, 2007а, с. 274).

Период распада синокавказской макросемьи автор датирует приблизительно периодом 8-9 тыс. лет до н.э. (Старостин, 2007а, с. 282). Следовательно, древность этого слова определяется 10-11 тысячами и больше лет, и отсюда проистекает бесспорный вывод, что данное слово никоим образом не может быть заимствованием.

Ю. Е. Березкин отмечает, что ближневосточные поселения всегда были плотно заселены, и подавляющее большинство поселений имело четкую границу. С увеличением численности населения граница поселения обычно сохранялась, и новые здания возводились на развалинах старых или в промежутках между уже стоящими, т.е. происходил рост «внутри». Надо сказать, что традиция возведения стен вокруг поселений имеет глубокую древность и восходит она к VIII-VI тыс. до н.э. Стена имела не только оборонительное назначение, но и символическое, что вытекает из того, что она подчеркивает границу между поселением и сельской местностью (Березкин, 1997, с. 14-15). Возвращаясь к латинскому «oppidum», следует отметить, что, по всей видимости, римляне означенное понятие, как и многое другое, переняли от этрусков – народа с восточными корнями

Таким же образом термин *карт* (керт), изначально обозначающий в нахских языках «забор», «ограда», «изгородь», во многих языках древности и современности стал понятием «двор», «сад», «огород», «поселение», «город» и наблюдается как часть слова во многих топонимах (Меликишвили, 1965, с. 26).

О глубокой древности происхождения этого термина можно судить по его наличию в прасевернокавказском языке. Согласно выводам С. А. Старостина, корень термина *карт* представлен в прасевернокавказской, прасинотибетской и праенисейской языковых семьях. ПСК *kirtwV «загон, ограда»: ПСТ *Kat id.: югский (относится к енисейским языкам) kutuk «конура» (Старостин, 2007а, с. 278).

Период распада синокавказской макросемьи, как было сказано выше, автор датирует приблизительно 8-9 тысячелетием до н.э. (Старостин, 2007а, с. 282).

Согласно выводам того же автора, хурритское *kirxi* означает «ограждение нижнего города» (Старостин, 2007б, с. 748). Думается, что определение С. А. Старостина должно исключить всякие сомнения о языковой принадлежности этого термина⁴.

ми (тезис о восточном происхождении этрусков основательно подтверждается лингвистическими и археологическими фактами) (Иванов, 1988, с. 208, 216, Иванов, 1983, с.5, 155).

⁴ Ю. Липперт отмечает, что «забор («Zaun» или «Gard») имеет огромное значение в истории развития собственности и заселения страны: свидетельства об этом хорошо сохранились в языках среднеевропейских народов. Немецкое обозначение забора «hag» и «gard» вошли в состав названий множества населенных мест. Английское «Yard» обозначает как составную часть забора, так и двор. По-датски в деревне – двор, а в городе большой дом называется Gaard, и тот же корень сохранился в славянских словах город и hrad (Липперт, 1907, с. 218, 221, 222).

Исходя из всего сказанного, мы можем сделать вывод, что исследуемый термин восходит к синокавказской языковой общности.

Наглядным примером эволюции терминов подобного типа может послужить инг. термин шахъар «город», «поселение», «общество», который в древнееврейском означал ворота (*ša' ar*), но использовался для обозначения города, так как ворота были центром общественной жизни города (Учение ..., 1993, с. 282). [Ср. инг. *zlap*: *zlap-kart* «забор (плетеный)»; «калитка, ворота (плетеные)»; *zlap(z)* «щит-плетенка»; бацб. *zar* «плетенье» (из прутьев) (Ингушко-русский словарь, 2009; Барахоева и др., 2016; Кадагидзе Д., Кадагидзе, Н., 1984).]

В шумерском языке в настоящее время обнаружены супплетивные пары семантически тождественных глаголов, относящихся к альтернативному классу, например, пара: *du*g₄:e «говорить» (Канева, 2006, с. 81). В другом месте автор несколько разделяет эту пару по их значению: *du*g «сказать»: e «говорить» (Канева, 2006, с. 82-84, 122).

Неличные глагольные формы в виде корня, снабженного суффиксом *-a*, функционируют в качестве самостоятельного члена предложения и получают значение имен, называющих понятия, вещи. Эти имена характеризуются действием или качеством, свойством, передаваемым глаголами, например: *du*g₄ «сказать» – *du*g-*a* «решение», «высказывание», т.е. «то, что высказывают»; *gù-dé* «обращаться», *gù-dé-a* «просьба», т.е. «то, с чем обращаются»... (Канева, 2006, с. 184); *du*, *du*g «говорение» (Дьяконов, 1967, с. 430). (Ср. имя правителя города Лагаша Гудеа («призванный»; 2136-2104 гг. до н.э.) и имя собственное ГТуди у ингушей).

В шумерском языке «*gu*-... -*de* «звать», «призывать», «провозглашать», «кричать», *gu-nun-di* (*di* вариант к *de*) «громко возглашать» (*gu* «голос», *nun* «великий»); *mì-zì(d)-du(g)*₄ «благожелательно говорить» т.п. (Дьяконов, 1967, с. 80).

Глагольные имена в шумерском языке образуются и от составных глаголов, в том числе с прилагательными при «внутреннем» (постоянном) объекте: *gu-nun-dí* «громогласный», *gu-de-a* «призванный» и т.п. (Дьяконов, 1967, с. 81).

Глагол *gù-dé* «обращаться» (букв. «голос-лить») оформлен суффиксом *-a* (*gù-dé-a-ni* < *gù-dé-a-ani*) и выступает в роли имени «обращения»... (Канева, 2006, с. 73, 74). По-шумерски *gú* «крик, звук» (Гельб, 1982, с. 302; Канева, 2006, с. 43).

Отсюда вытекает, что глагольные формы *dug* «сказать» – *dug-a* «решение», «высказывание», *gù-dé* «обращаться» (букв. «голос-лить») имеют одну и ту же корнеоснову в виде согласного [g]. По сведениям все той же И. Т. Каневой, корень в шумерском представляет собой самостоятельное слово и является носителем лексического значения (Канева, 2006, с. 190). [И. Т. Канева к списку слов, содержащих фонему [ǰ], относит шум. *niǰir* \ *niǰir* «вестник», «глашатай»] (Канева, 2006, с. 24, 235). Думается, что во всех случаях без исключения мы имеем дело с фонемой [ǰ] (инг. [ɣI]). В бацбийском (цова-тушинском) языке мы находим лексическое и семантическое тождество шум. *dug* в виде *uɣI-rikI* – «крикун, тот кто кричит»; *v-uɣI-rikI* – «крикун» (мужчина); *ǰ-uɣI-rikI* – «крикун», «ревуший» от *v-uɣI* (*ǰ-uɣI*) – «кричи, реви» (ср. чеч. *uɣIapɣ* || *uɣIapɣ* – «крикун»; инг. *uɣIapɣ* (< *uɣIapɣ*) «крикун») – «реви, кричи»; бацб. *duɣIo* – «кричит» (Дешериев, 2006, 202, 335, 371, 391, 404, 480, 521). Цова-туш. (бацб.) *duɣIap* «кричать», *duɣIp-ukI* «крикун» (Чрелашвили, 2001, с. 202). Суффикс *-rikI* (*-ukI*) в бацбийском исторически восходит к суффиксу уменьшительности (*-u*)ɣ. В современном бацбийском языке он не употребляется для образования новых слов

с оттенком значения уменьшительности (Дешериев, 2006, с. 404-405). Следовательно, чеч., инг. *-риг*, *-рг* соотв. бацб. *-рикI* (Дешериев, 2006, с. 480). Ю. Д. Дешериев считает, что в нахских языках «с префиксально-суффиксальным способом связано и образование имен существительных путем сочетания окаменелых и функционирующих классных префиксов с разновидностями суффикса субстантивации основ глаголов, прилагательных, наречий, числительных: чеч. *-риг*, *-рг*, *-ниг*; инг. *[-p]*; бацб. *-рикI*». Этот автор относит *-рг* к усеченному фонетическому варианту *-риг*. В инг. *p* соответствует чеч. *-рг*. По-видимому, в составе *-риг || -рикI* звук *[-p]* является фонетическим наращением (Дешериев, 2006, с. 390-391).

Этот же автор отмечает, что в период самостоятельного исторического развития чеченского языка (после распада нахского языка-основы) в функционировании грамматических классов произошли весьма незначительные изменения. Эти изменения сводятся главным образом к нескольким формам, одно из которых заключается в утрате классного согласования некоторыми глагольными и другими формами слов: чеч. *угIар*, инг. *увIар* – «реветь» (ср. бацб. *д-угIар*, *й-угIар*, *б-угIар* с классными показателями) (Дешериев, 1963, с. 370, 371). О ранее существовавших классных показателях в ингушском языке в словах с той же корнеосновой свидетельствует наличие реликтов из того же ряда, например: личные имена *Бугдан* (дословно «рев делающий» с конечным назальным *n*), *БугIи*; гидроним *БугIар-абли* (букв. «ревуший ручей, поток»), топонимы *БугIарда-дукъ*, *БугIарда-босе*; слова-омонимы *бугIа* – бык, бугай (от *у(в)гIа* «реветь»); *бугIа* – борец (слово, по всей видимости, образовалось от традиционного боевого клича, произносимого для устрашения противника). Таким об-

разом, тождество шум. *dug4* «говорить» и бацб. *дугІан* «кричать» не вызывает сомнения. Следовательно, инг. *увгІа* (*увгІ*, *увгІар*, *увгІаргда*) *глагол*. «выть», чеч. *угІар масд*. «вой» также тождественны шумерскому *dug4*.

Хотелось бы в этом шумерском слове в начальной фонеме [d] (как в ингушском и бацбийском языках) усмотреть классный показатель, но заявление подобного типа представляется нам пока преждевременным и малоубедительным. Скорее всего, исследуемый термин имеет другой тип словообразования, а именно: *dug4* < *di*, *dī* «делать» + *gi* «голос», т.е. «делать голос (рев)» [Ср. инг. *де*, бацб., чеч. *дан* «делать» (Ингушско-русский словарь, 2009; Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984; Мациев, 2000)].

Наличие единого корневого согласного [gI] мы можем также наблюдать в приведенных выше и следующих примерах ингушского и чеченского языков: *гІар* – «шум, гул, голос, говор»; *гІийбат* «наушничество, наговор, злословие»; чеч. *гІар-гІовгІа* – «шум (голосов)», *гІергІа* – «реветь». Геминация звука [gI] дало *гІовгІа*; инг. *гІоугІ* «шум», «гул», «говор»; бацб. *гІавгІав* «шум», «гам» (Ингушско-русский словарь, 2009; Мациев, 2000; Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984).

По мнению Ю.Д. Дешериева, [gI] – заднемягконебная щелевая звонкая фонема, в современных языках встречается во всех позициях. Фонема [gI] выступает и в качестве корневого согласного исконных нахских слов (Дешериев, 206, с. 243). [Ср. ПЕ *(h)иχл- «кричать» кеттский *d-īyə*, *dīy* «кричать», коттский *hijei* «крик», *hijej-ākj* «кричать» (Старостин, 2007 в, с. 168)].

В различных диалектах даргинского языка в слове *речь* (*произносить*) улавливается та же корневая согласная [gI], например: в дарг. лит. *гІайукхни*, *гІайукхес*; в губденском, ицаринском: *гІай*; в кадарском, мугинском,

муиринском, урахинском, усишинском, цудахарско-тантынском *ɣай*; в хайдакском *ɣайдарара*; в кубачинском *ɣай хлаи*.

В лакском лит. *ɣалɣа тлун* – речь (произносить), сказать, говорить, разговаривать; в аварском лит. *кIалъай, кIалъай хIабизе, кIалъазе* – речь (произносить). Очевидно, к той же корневой согласной [ɣI] восходит и термин *ɣай* «слово» в даргинском языке и его диалектах и говорах: дарг. лит., гапшиминском, гапш.-шукт. (шуктинский говор гапшиминского диалекта), ицаринском, кубачинском, мугинском, муиринском, сирхинском, усишинском, хайдакском, цудахарском, цудх.-тант. (тантынский говор цудахарского диалекта) (Бернард Комри..., 2010, с. 768-769). В этой связи интересно привести сопоставления, приведенные И. М. Дьяконовым и С. А. Старостиным: хуррит.-урарт. *gul-: хуррит. kul- «возвещать, торжественно произносить» <ПВК *ʔV-gwVI-: рутул. h-alga-s «разговаривать», арчин. lag-um «песня»; дарг. диалект. –algw-n- (регулярно < *-agw-l-) «спрашивать», авар. gal-ize «говорить, разговаривать», годоберин.. gul- «говорить, разговаривать» (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 189). Если присовокупить сюда общекартвельское ɣаг/ɣг «кричать, петь» (Меликишвили, 1965, с. 28), груз. *т-γәра* «пение», *si-т-γәра* «песня», *γriali* «крик»; ([m] в грузинском языке очень часто исторически отдельная морфема, имеющая нулевую реализацию (Утургаидзе, 1978, с. 61), имеющую, как видим, ту же семантику и фонетику, мы приходим к мысли о едином термине для всей картвельской и нахско-дагестанской общности.

Г.А. Климов рассматривает эту морфему как имеющую общекартвельскую основу: ɣаг- / ɣг- «кричать, петь»: груз. *тγег-* «петь»; мегр. *γог-, γвар-* «кричать, реветь»; чан. *тγог*; сван. *ɣаг- / ɣг-* «петь»; *ɣагɣаг-* «кри-

чать»: груз. *γαγად*- «кричать, вопить»; мегр. *γaγaλ* - «болтать»; *γa(r)γaλ*- «говорить» автор возводит к грузино-занской основе (Климов, 1964, с. 201).

В лакском лит. *гIалгIа* «речь» семантически близко к шумерскому *ḡalga* ([ḡ]=инг.[gI]) «совет, решение» (Канева, 2006, с. 235). Р. М. Нуруллин переводит этот термин как «разум», «совет» (Нуруллин, 2018, с. 835). *Тенгиз Гудава* дополняет значение этого слова понятием «мудрец» (Тенгиз Гудава, Интернет-ресурс: <https://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html>).

Шумерское *ḡalga* и лакское *гIалгIа* созвучны самоназванию ингушей «*гIалгIа* (ед. ч.), *гIалгIай* (мн. ч.)». По всей видимости, данный этноним восходит к шумерскому *ḡalga*. Касательно первого компонента этого слова, то шумерское *gal* имеет несколько схожих по смыслу значений «большой», «великий», «взрослый», «главный» (Канева, 2006, с. 21, 24, 32, 37, 182, 183; 190). Из всех перечисленных значений самое широкое распространение имеет семантика, закрепленная за сегментом *gal*. Соответственно, шумерский и лакский варианты (*ḡalga*, *гIалгIа*) являются сложными словами, распадающимися на два компонента, из которых *ḡa* исторически восходит, как нам представляется, к автономному шумерскому *gu* «голос», синхронно в кавказказских языках грамматикализированному. В абсолютном конце слова краткие звуки [u] и [a] нейтрализуются в сильно редуцированном звуке [ɤ] (*gu* / *гIа*).

Неоднократные попытки многочисленных авторов возвести этимологию самоназвания ингушей *гIалгIай* (*гIалгIа*, ед. ч.) к понятию «обитатели башен» (инг. *гIала* – «башня», впоследствии трансформировавшее во «дворец», «поселение», «крепость» и «город») были, по всей видимости, основаны чисто на созвучии, и то только лишь компонентов терминов. Сомнение в достоверности

такой этимологии как нельзя верно выразили А. И. Робакидзе и Р. Л. Харадзе. Согласно мнению этих авторов, «одним из древнейших этнических пластов ингушей являются «ГалгIā» (Харадзе, Робакидзе, 1968, с. 20, 21, 27, 33, 34; Робакидзе, 1968, с. 48).

Действительно, само слово гIала «башня» через gal «большой», «великий» восходит к шумерскому e-gal «дворец» (букв. «дом большой»). Из Двуречья этот культурный термин получает широкое распространение во многие языки древней Передней Азии. При этом, несмотря на растянутость процессов заимствования во времени, семантика его во всех заимствованиях в основном остается довольно неизменной. К примеру, в урартских надписях мы его находим в той же форме È-GAL и не только в значении «дворец», но и в значении «цитадель, крепость» (Меликишвили, 1950, с. 38; Меликишвили, 1960, с. 69-70; Меликишвили, 1953, с. 252, 285-286; см. также Дьяконов, 1968а, с. 7). Данный этимологический процесс был представлен нами ранее (Хайров, 2011, с. 169, 196, 197, 198; см. также Хайров, 2017б, с. 39-40), где было установлено тождество между шумерским [e] «дом» и устаревшим ингушским *Ie* «обитель, жилище» (букв. «[место] оставания»; от этой формы образовано и другое понятие на ингушском, а именно *Iel* «загробный мир») (Хайров, Евлоев, 2005, с. 32, 33). В совр. ингушском языке *Ie* (как глагол) означает «остаться», «оставаться, пребывать»;

Впоследствии шум. [«e»] – термин, которым обозначалась домашняя община в ее свойстве хозяйственной и социальной единицы (Дьяконов, 1968б, с. 4). В том же урартском языке мы также находим термин È в значении «дом». При этом по сведению известного исследователя урартских текстов Г. А. Меликишвили, урартское слово «дом» оканчивалось на [-e], так как идеограмма È

в надписях встречается с фонетическим дополнением [-e] (È-e, È-a), что подтверждает верность ранее сделанных нами предположений о наличии в этом термине фонемы [I] (арабск. ع «айн»), который не отображается графикой индоевропейских языков – на этих языках в основном публикуются труды по ориенталистике. Опять же в урартском встречается идеограмма È «дом» уже в обозначении другого значительного строения, храма: È-VAR, êkurra (Меликишвили, 1954, с. 184; Меликишвили, 1953, 252). Любопытно, что в урартской письменной традиции шумерский термин È приобретает очень широкое значение – «дом, участок, хозяйство» (Дьяконов, 1963, с. 93). Следовательно, инг. гГала соответствует фонетически и семантически шумерскому e-gal (в инг. транскрипции Ie-гГал(a) – «обитель (жилище) большая»). М. И. Джандиери и другие авторы относят зарождение большесемейных жилищ башенного типа в Передней Азии к IV-III, а то и к V тыс. до н.э., и считают, что территорию Кавказа и Закавказья позволительно отнести к одному из очагов зарождения жилищ такого типа (Джандиери, 1981, с. 118, 136; Джандиери, Лежава, 1976, с. 4-6, 14, 35, 47, 77, 78, 98-104; Худадов, 1937, с. 200, 212, 213; Пиотровский, 1947, с. 187). Отсюда вытекает, что башенный архитектурный стиль сложился в Передней Азии задолго до прибытия сюда шумеров, и вполне возможно, что само слово e-gal, которое ныне принято считать шумерским, по своей сути является заимствованием из дошумерского, аборигенного языка.

С.Л. Николаев считает, что хетт. *ḫali(-n)* «хлев для крупного рогатого скота»; «стена»; древнегреческое *καλίᾱ* «деревянный домик», «хижина» заимствованы из прасеверокавказского: ПСК **qalV* «дом», «сарай» (Николаев, 1985, с. 63, 69).

Отсюда вытекает, что утверждения некоторых авто-

ров о том, что термин Гала (в общеизвестной ныне форме «кала») якобы иранского, тюркского или арабского происхождения, по нашему глубокому убеждению, вообще не выдерживают никакой критики.

Однако, возвратимся к теме нашего исследования, т.е. к термину *galga*, которое перекликается с другим, довольно близким по смыслу шумерским понятием *gal...zu* «быть мудрым» – где *gal* «великий», «великое», *zu* «знать»; Канева, кажется, дает более точный перевод *gal-zu*: «много знать» (букв. «большой-знать») (Канева, 2006, с. 190). В письме Шульги от Арад-му термин *gal-zu* переводится как «мудрец» (точнее *gal-zu unkena-na-še* – «мудрец совета») (Архипов, 2002, с. 82). Это же слово в форме шумерского имени судьи *Gal-zu* мы встречаем в списке свиты царя Маништусу (Этнический и социальный факторы..., 1963, с. 177). Само собой разумеется, что значение этого имени сводится к понятию «мудрец».

Наблюдается лексическое и семантическое тождество между шум. *zu* и инг. *ze* (зув, зийнад) – наблюдать, замечать, выследить, надзирать, подметить; *zem* – опыт, наблюдение; *зер* – надзор, наблюдение (Ингушско-русский словарь, 2009). Думается, что инг. *зирак* – «мудрец» из этого же фонетического и семантического ряда) (Хайров, Евлоев, 2005, с. 94; Хайров, 2011, с. 178, 183, 183).

Ю. Л. Мосенкис, рассматривая вопросы присутствия кавказского языкового субстрата в кельтских и германских языках, произвел лексические сопоставления, которые представляют интерес для нашего исследования. Он пишет, «пракельт. **dago-* «хороший» (неиндоевроп.) – чеч. *дика* «хороший», адыг., кабардинск. *дахэ* «красивый», хуррит. *dagi* «красивый», шум. *dug* «хороший, добрый» (см. Мосенкис, 2007, с. 10). Этот автор полага-

ет, что и к пракельтскому «**dago-*» имеется параллель и в германских языках (гот. *audags*, др.-верх.-нем. *otag* «счастливый»), причем немецкие слова считаются догерманскими, доиндоевропейскими» (Мосенкис, 2007, с. 10).

Дополним данные Ю. Л. Мосенкиса следующим материалом из нескольких языков. Шум. *dúg* (глагол) «быть приятным, хорошим, благополучным»; *dúg*-а «приятные вещи, дела, т.е. то, что приятно»; *dúg*-би (нареч.) «приятно, нежно»; *dúg* (нареч.) «доброжелательно» (Канева, 2006, с. 108, 185, 187, 190; см. также Дьяконов, 1967, 50); «хороший», «благодать» (Афанасьева, 1979, с. 120).

Ср. инг. дика, *д, суц.* «добро»; дика, *прилаг.* «хороший, добрый, прелестный, достойный, качественный» (Ингушко-русский словарь, 2009; Куркиев, 2004); бацб. дакин «хороший» (Дешериев, 2006, 354). Ю. Д. Дешериев отмечает, что словоформа «дакин» с корневым [а] является первичным (Дешериев, 2006, с. 355). Мы находим этот культурный термин и в греческом языке, где он получил очень широкое толкование: *δίκη ἡ* 1) первонач. обычай; (на др.-греч. первоначально «правда»); 2) право, справедливость, правосудие; 3) обыкн. судопроизводство, процесс, тяжба, суд; 4) решение суда, наказание, штраф; отсюда *δικαίος*, а) (*δίκη*), справедливый, праведный, законный; б) надлежащий, хороший; такой, какой должен быть; *δικαιοσύνη, ἡ*, а) справедливость, законность; правосудие; б) Н. З.: дело праведное, благодеяние (Древнегреческо-русский учебный словарь, 1997, с. 43; Вейсман, 1991; Козаржевский, 1993, с. 229-230); Дике, Дика (*Δίκη*), в греческой мифологии богиня правды, справедливости, дочь Зевса и Фемиды (Ботвинник, Коган и др., 1989; Мифы народов мира. Т. 1. 2000; Куманецкий, 1990, с. 79); созвездие Девы-Дикий (Дика, им. п.) (Россиус, 2000, с. 316-329). (Ср. инг. Дика-Села, где имя

божества грома предваряется эпитетом «хороший», «добрый», «благой»; инг. имя Дике // Дики).

Шум. *ág* «мерить», «измерять» (Канева, 2006, с. 21. 71, 73, 166, 235). Ср. инг. дагарде «считать, подсчитать, отсчитать, подсчитать» (Ингушко-русский словарь, 2009; Куркиев, 2004), где *д-* – кл. показ., *-ага-* – корнеоснова, *-р-* словообразовательный суффикс, *-де* (*глагол.*) «делать».

Термин МЕ («быть-являться (чем-либо)», «бытие») является самым сложным понятием шумерского языка. Мы же в данной статье, чтобы ее излишне не усложнять, ограничимся предельно кратким изложением этого понятия. (Ср.: этрусск. *am-* «быть», лемнос. *a-o-mai:* хурр. *man(n)*, урарт. *man-* «быть» родственно о.-вост.-кавказ. **i-ma(n)-* «пребывать, оставаться», ср. также абх. *a-ma-ga* /Иванов, 1983б, с. 45/ (сопоставление с абхазским принадлежит Н. Я. Марру) (Иванов, 1988, с. 215); ХУ **mann-*: хуррит. *mann-*, урарт. *man-* «быть» < ПВК **ʔi-ma(n)-*: ПЛ **ʔi-ma* > лезг. *ama*, таб. *imi*, арчин. *imm(a)-* «оставаться» (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 173; см. также Меликишвили, 1953, с. 294).

В. В. Емельянов приводит составные имена и глаголы, содержащие в своем составе шумерское МЕ. Для нашего исследования интерес представляют несколько слов из них, как, например, *me-zu* («МЕ-знать») «ясно-видец»; *me-gal-zu* («МЕ-великое-знать») «толковать сон» (Емельянов, 2000, с. 172). И вот в связи с чем.

В ингушских преданиях упоминается «ученейший мудрец МаГал, обладатель замечательной священной книги, из которого он обыкновенно черпал свою мудрость и знания» (Дахкильгов, 1991, с. 171). Некогда он продолжительное время жил и пророчествовал на берегу Черного моря. В языческом храме МаГо-Ерд Горной Ингушетии, носящего имя этого святого, раньше на ночь

отправляли человека, предварительно совершившего омовение в молоке. Считалось, что в святилище этого человека посещали вещие сны. Цай-саг – жрец, толковал эти сны, и люди поступали сообразно им (Дахкильгов, 1991, с. 171-174; Танкиев, 1997, с. 263-270). В связи с чем мы предполагаем, что само имя мудреца МагІал (MagІo), его ученость и дар ясновидца, как основные черты его характера, которые столь настойчиво отмечаются в преданиях, и сам обряд вещих сновидений в его святилище находят свое понимание именно в таких шумерских понятиях как gal-zu «мудрец», me-zu («МЕ-знать») «ясновидец»; me-gal-zu («МЕ-великое-знать») «толковать сон». Более того, мы считаем, что у нас появились достаточно веские основания считать, что шумерское me-gal-zu и ингушское МагІал имеют непосредственную этимологическую связь и по своей сути является одним и тем же словом, если не считать утерянного, по всей видимости, последнего компонента (в контексте преданий этот компонент все же подразумевается).

Тот же В. В. Емельянов пишет, что «от глагола me «быть-являться (чем-либо)» образованы наречные формы, выступающие в функции вопросительных слов: me-a «где?» (букв. «в МЕ?»), me-še3 «куда?» (букв. к МЕ?»), me-na-še3 (<me-da-še3?) «до каких пор?» (букв. «до МЕ?»), me-da «когда?» (букв. «с МЕ?»)) (Емельянов, 2000, с. 171).

Интересно отметить, что вопросительные местоимения ингушского языка «мича» (нареч.) – куда, «мича // мичахья» – где? в каком месте, «мичара» – откуда; как и бацб. «мичме» – где-нибудь; миче, мичре(н) – где, откуда; чеч. – «мича» – куда? «мичхья» – где? «миччара» – откуда-нибудь (Ингушско-русский словарь, 2009; Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984; Мациев, 2000), имеют этимологическую связь с шумерским me-še3 «куда?» (букв.

к ME?». Под №50 в каталоге Университетского музея (Пенсильвания) зарегистрирована шумерская табличка с названием «Mesheam (куда) iduden («Куда ходил ты»)». По сведению С. Крамера, это конец первой строки текста о жизни ученика. Полностью первая строка читается так: «Dumu edubba uulam meshe (куда) ididen» («Ученик, куда ходил ты с раннего детства?»). Как отмечает автор, «...писец выбрал не первую, а вторую половину первой строки – видимо потому, что произведений, начинавшихся словами «dumu edubba» (т.е. «ученик»), было слишком много. Писец хотел, чтобы было ясно, о каком именно произведении идет речь» (Крамер, 1991, с. 219). Данный этимологический процесс был представлен нами ранее (Хайров, 2011, с. 195).

Вполне возможно, что и словообразование таких вопросительных местоимений и наречий ингушского языка, как маца «когда?», мишта «какой? как?», мала «кто?», малага? «который?», мел «сколько? насколько?», масса «сколько?» (Ингушско-русский словарь, 2009; Тимаев, 1978, с. 190; Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984) происходило по тому же принципу, как и приведенное нами шумерское me-še3 (meshe) «куда?»..

Второе слово, составляющее название данного шумерского произведения – iduden, вполне сравнимо с глаголом ингушского языка в-ода (вуода) (й-, б-, д-) 1) идущий, едущий; 2) бегущий, где [в-] является окаменевшим классным показателем.

В шумерском языке ĝeštug (ĝ=гI) «ухо, разум» (Канева, 2006, с. 235). [По сведению же И. Фридриха, gestug просто «ухо» (Фридрих, 1979, с. 67). От этого слова происходит ĝizzal «понимание» и также составной глагол ĝizzal-ag «слышать, обращать внимание» (букв. «ухо делать») (Канева, 2006, с. 211). К этому же семантиче-

скому гнезду относится еще одно шумерское понятие *lù-geštùg-ga* «мудрый человек» (букв.: «человек уха») (Канева, 2006, с. 49).

В цилиндре А Гудеа сам Гудеа назван широкоухим, т.е. неохватно разумным (Емельянов, 2000, с. 166, 167). [Ср. бацб. (цова-туш.) *lark da* (букв. «ухо делать») «внимать», «обращать внимание»; инг. *лерг де*, *ларг доГа*, *ларг дегГа* (букв. «ухо наострив» (букв. «посадив») – «внимающий», «прислушивающийся», «насторожившийся»]. Интересно и другое понятие на инг. «лерг дийла» (лерг дийла ва из даиман; лерг дийла ваГа из; лерг дийла ваГа со (букв. «ухо открытым сию я»), т.е. я слушаю, внимаю, я весь внимание).

К этому шумерскому слову близко по звучанию и семантике: ХУ **хас-*: хуррит. *хаз-* «слышать», урарт. *хас-* «слышать, слушать». Ср. ПН **Хас'-*: бацб. *Хас'-*, чеч. *Хаз-* «слышать» (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 185; Дьяконов, 1967, с. 127). Авторы данной работы упустили из виду инг. хаза «слышать, услышать» (хаза (хоз, хезар, хезад, хозаргда) глаг. «слышать, услышать»; хазар сущ. *д*, (только в ед. ч.) «слух») (Ингушко-русский словарь, 2009), и звучит оно одинаково с хуррит. *хаз-*.

Нам представляется, что бацб. *газ-ĕ* прилаг. «хороший» (Чрелашвили, 2001, с. 201); бацб. *газе* «красивый», «хороший» (Халидов, 2008, с. 119, 175); опять же бацб. *газен* «хороший, добрый»; *газна* – отвл. от хороший, прекрасный (состояние); *газол* – отвл. от хороший, доброта (качество); *газейвхй*, *газивхй* «лучший» (Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984); чеч. хаза, инг. хоза «красивый», инг. *гюза нареч.* «на радость», *гюздалар масд.* «радость», чеч. *гюза* «на счастье, на радость» (Ингушко-русский словарь, 2009; Мациев, 2000) восходят к общему для хуррито-урартского и нахских языков термину *хаз-* «слышать».

С нахскими формами и опять же с вышеприведенным примером из самих хуррито-урартских языков перекликается хуррито-урартское *gaz-: урартскому *gaz-uli* «красивый», «прекрасный», «хороший» (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 191; Меликишвили, 1971, с. 285), по всей вероятности, имеющие этимологические связи с шумерскими словами *ġizzal* и *ġizzal-ag*. Нам представляется, что эти слова составляют единую ассоциативную группу понятий и этимологически взаимосвязаны с шум. *ġeštuġ*, *ġizzal*. Правда, в некоторых словах мы наблюдаем традиционный для нахских языков переход фонемы [zI] в x. Названная ассоциативная группа состоит из ряда близких по контексту значений, таких как *слушающий, внимающий, понимающий, – отсюда понятливый, разумный, далее – хороший, красивый, и, наконец, – радостный*.

В этимологической связи с урартским *gazuli* «красивая, прекрасная» находятся устаревшие инг. женские имена: Хазули (вариант Хазула) с тем же этимоном, Хозни, Хозиг, Хозниг (вар. Хоза), Хазаха(н), чеч. Хаза; к этому ряду, вероятно, принадлежит и ингушское название растения *хазули* (девясил высокий – *Inula helenium*) с общеизвестными лечебными свойствами. По сведениям Ю. Д. Дешериева, в нахских языках естественны случаи перехода zI в x (Дешериев, 206, с. 244, 400).

В городе Уре археологами был найден домашний архив некоего Эа-насира времен династии Ларса. Он занимался скупкой меди на о. Дильмун (Бахрейн) (между 1813 и 1790 гг. до н.э.) и был хозяином крупной медеплавильной и медеочистительной мастерской. Так, в тексте одной таблички из этого архива мы находим место, «где он сдает или должен казне бронзовые предметы (как свою *zag-u* «десятину», т.е. как пошлину с товаров» (Дьяконов, 1973, с. 40). В другом документе (времени после падения династии Ура), протоколе о разделе

имущества жреческой семьи, упоминается около 8 кв. м. застроенной площади, часть которой обложена десятиной «zag-u» (Дьяконов, 1973, с. 46, 50).

И. М. Дьяконов отмечает, что вавилоняне не строго соблюдали налоговую терминологию – одни и те же сборы могли в быту, особенно в разных городах, называться по-разному, и, наоборот, разные сборы одинаково. По сведению автора, сбором продукции или денег с царских людей являлся, например, *gu* или *biltum* «дань» для сельскохозяйственного населения; ...собственно налогом, вероятно, являлась, например, *zag-u*, или *ešterum*, однако «десятина» была явно не единственным налогом.

Шум. *gu(-un)* «дань» (ср. инг. *gIod*, чеч. *gIyda* «штраф», бацб. *gIal* «оброк» (Ингушско-русский словарь; Мациев, 2000; Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984), видимо, то же что *zag-u* в Уре, т.е. налог с имущества. Итак, мы выяснили, что в Уре *zag-u (nam-u)* – налог с имущества. Отметим, что в Уре *zag-u* смешивался с шум. *zag-ha*, аккад. *mākisum* «таможенный сборщик», но также, видимо, и *miksum* «пошлина»; такая пошлина собиралась в Уре храмом Нингаль с товара купцов, в том числе и приезжих. Для *miksum* употреблялась и другая шумерограмма *ni(g) -ku(d)*, но в быту этим термином обозначалась и арендная плата (обычно – *gu(-un)*, *biltum...* (Дьяконов, 1973, с. 58, 59).

Из всей этой шумерской налоговой терминологии в данное время для нас важно лишь понятие *zag-u* «десятина», «налог с имущества», и связанное с ним *zag-ha* «таможенный сборщик». Это слово сохранилось до наших дней в ингушском в виде *zagIa* *суц.* д (*только в ед. ч.*) в значении «приношение на похоронах», «подарок из съестных припасов» (ср. бацб. (цова-туш.) *zIven* (*в инг. транскрипции gIven*) «дар», «подношение», «гос-

тинец» (Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984); груз. *зүвен* «подношение» (Утургаидзе, 1978, с. 86). В настоящее время этим термином у ингушей обозначается денежное вспомоществование семье усопшего, которое делается почти всеми присутствующими на похоронах. И сейчас при установлении размера подношения в деньгах за основу берется денежное выражение стоимости килограмма мяса, как основного продукта поминальной пищи. Возможно, что в прошлом круг лиц, обязанных делать такое подношение, определялся только ближайшими родственниками со стороны хозяина или хозяйки дома и этим объясняется происхождение термина родства с этой корнеосновой. Производным от *загла* является термин родства *захал* (отсюда *зоахалол* «сватовство») – родственник со стороны невестки или зятя, так как, по всей видимости, ближайшие родственники свойства также входили в круг вышеназванных родственников. Верность наших исследований подтверждается и наличием в чеченском языке понятия *загIало* – женщина (близкая родственница жениха), преподносящая подарок родителям невесты. [Ср. груз. *m-zax-ali* – родственник со стороны мужа, жены; *m-zaxl-oba* «сватовство» с той же корнеосновой (Краткий русско-грузинский словарь., 1969)]. В термине ингушского, как видим, наблюдается переход [zI] в [x]; в котором *-ло* – является суффиксом лица. Устаревшее мужское имя *ЗагIу(a)* и гидроним *Загла-аьли*, вероятно, принадлежат к той же этимологии. Следовательно, тождество шум. *zag-и* «десятина» и инг. *загла* налицо. Об этимологической связи терминов *закъалт* «задаток» и *загат* (*закят*) «обязательный годовой налог в размере 10% в пользу малоимущих, нуждающихся» с исходным термином *загла*, можно только строить предположения. Первый из них претерпел лишь сравнительно незначительное фонетическое и семанти-

ческое изменение по отношению к исходному *zagla*, и, по всей видимости, принадлежит к исконной лексике ингушского языка. В самом слове, возможно, мы имеем переход звука [zI] в [кь], но заявлять об этом с твердой уверенностью считаем преждевременным. Второй же термин относится к заимствованию из арабского, и, видимо, в свою очередь сам является заимствованием из шумерского, посредством какого-либо другого семитского языка, как то аккадского, арамейского или древнееврейского, и, наконец, из хурритского (субарейского).

Как видим, морфология этого слова несколько искажена. И если мы окажемся правы в своих предположениях относительно этимологии этого термина, то их можно отнести к так называемым вторичным заимствованиям в ингушском языке.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что помимо внешних созвучий, мы можем довольно определенно заявлять и о семантических совпадениях у сопоставляемых терминов. Так или иначе, и в шумерском *zag-u* и в инг. *zagla*, и в араб. *zagat* речь идет о семантической идентичности: о выплатах, будь то в виде налогов, пошлин или в виде обязательных подношений, подарков. Отчисления *zagata* от доходов (урожая, приплода скота) по шариатским нормам также обязательны для каждого мусульманина. Выплаты эти обычно производились в натуре или в денежном исчислении. Что же касается исторической этимологии термина, то здесь можно констатировать лишь тот факт, что инг. слово *zagla* сохранило свое первоначальное значение и имеет связь только с отношениями внутри рода (включая сюда ближайших свойственников) или общины, в то время как шумерский и арабский эволюционировали до социально значимого термина государственного уровня.

Несомненный интерес для нашего исследования

представляет шумерский термин *bal* «лопата». В комментариях к книге И. Е. Гельба «Опыт изучения письма» И. М. Дьяконов замечает, что «для написания *ba-al* «копать», вероятно, было существенно, что второй знак *-al* сам по себе означал «лопата», так что данное написание можно было рассматривать и как *bal* ЛОПАТА, т.е. ‘знак «лопата» в значении «копать» *bal*’ с «подсказывающим» произношением знаком *ba*». И. М. Дьяконов высказывает сомнение о правильности чтения этого слова И. Е. Гельбом и предполагает, что фонетическая разница между другим шумерским словом *bal* “переходить» (ср. инг. *в-ала, б-ала, й-ала* «перейти, преодолеть», где *в-, б-, й-* окаменевшие классные показатели (Ингушско-русский словарь, 2009) и *ba-al* «копать», могла заключаться в тоне. Смыслоразличительную тональность омонимов в шумерском языке автор объясняет их большим числом (Гельб, 1982, с. 297, 298; см. также Дьяконов, 1996, с. 85, 87).

У И. Т. Каневой мы также находим такое же чтение этого слова: *bal* «копать» (Канева, 2006, с. 41, 58, 136, 190).

Шумерское *ba-al* «копать» (чтение */bal/*, а не */baal/*) тождественно ингушскому *боал* «пласт, слой (земли)», «борозда» и названию земледельческого орудия *бел* «лопата» (Ингушско-русский словарь, 2009; см. также Мациев, 2000). Шумерский термин *bal* «лопата» является культурным миграционным термином, широко распространенным во многих языках: иберийско-кавказских, индоевропейских (иранских) и тюркских. В иберийско-кавказских языках термин *bel* «лопата» представлен следующими вариациями: груз. *мегр. bar-i*; лаз. *beli*; абаз. *bel*; каб. *bel*; чеч. *biel*; инг. *bel*; бацб. *bar*; авар., анд. *bel*; кар. *bele*; ахв. *beli*; багв. *bel*; тинд. *bel*; чам. *bel*; лак., дарг. *bil*; арч. *bel*; лезг. *per*; таб., аг., цах. *ber*; рут.

bar; крыз., будух. *bel*; хин. *bel*. Г. А. Климов и М. Ш. Халилов выводят мегр. *bar-i* и бацб. *bar* из груз. *bar*, лаз. *bel* из тур. *bel* «лопата»; абаз. и сходные формы других языков авторы считают тюркскими заимствованиями (тур., азерб. *bel* «лопата») (Климов, Халилов, 2003; Бернанд Комри., 2010, с. 387, 388; Шагиров, 1977). А. К. Шагиров же, наоборот, относит данный термин к заимствованию из персидского языка.

Отметим этот факт: чуть позже мы вернемся к обсуждению его.

В иранских языках термин *bel* «лопата» представлен в следующем порядке: ср.-перс. *bër* «лопата», кл. перс. *bel*, тадж. *bel* «лопата»; курд. курм. *bel*, *bër*, курд. сор. *bel* «лопата, заступ» (где исконна только форма *bër*, остальные заимствованы из перс. [Цаболова. ЭСКЯ I, 165-166]), гур. *bala*, *bäli*; бел. *bard*; шам. *bel*; сив. *bile-*, сед. *bil*, *bad*; вон. *bar*; тал. *bor*, кеш., сои *bal*; кохр. *bol*, сайг., ласг. *bole*; семи, *bale-*, зефр., кафр, *berd*; гази *bard*; башк. *bahr*. В. С. Расторгуева и Д. И. Эдельман склонны считать этот термин производным от слова *bad-* «копать, рыть; пронзать, колоть», которое восходит к арийск. **badh-*, в свою очередь, восходящему к и.-е. **ibhedh-* «вонзать, втыкать; копать, рыть» (Расторгуева, Эдельман, 2003, с. 43-44).

В тадж. (горон., ишкашим., и вахан.) *бел* тоже означает «железная лопата» (Мухиддинов, с. 94). По данным Л. А. Фирштейна, у горных таджиков термин лопата представлен следующими названиями: *бел* «железная лопата» (уменьшительное *белча*) (бассейн реки Хингоу, долина Хуф, верховья Зеравшана, южный Хорезм); *бели обдихи* «лопата для подачи воды», или *каджбел* «кривая лопата» (Дарваз, Каратегин); *бели охан* «лопата железная» (у горных таджиков); *бел*, *бил* «деревянная лопата

для провеивания зерна» (верховья Зеравшана) (Фирштейн, с. 172, 186).

По ходу исследования этого названия земледельческого орудия выясняется, что среди ученых нет единого мнения о его происхождении. Однако, как нами было отмечено выше, он зафиксирован в шумерских письменных памятниках протописьменного периода (3100 – 2750 гг. до н.э.), который характеризуется появлением хозяйственных, юридических и школьных текстов (хронология дается по Гельбу, 1982, с. 68, 70; Каневой, 2010, с. 13). На этом этапе исследования означенного термина мы склонны считать, что источником его происхождения является шумерский язык. Относится ли термин к исконному шумерскому языку, или он был заимствован шумерами из субстратного языка – вопрос, требующий отдельного рассмотрения.

Кстати, можно заметить, что некоторые ученые, исследуя происхождение культурной лексики, склонны пренебрегать историческим подходом, и без достаточных оснований относят термины из этой области к заимствованиям из персидского, тюркского и иных языков. Между тем, следует учитывать, что миграция кочевников ираноариев в Переднюю Азию началась никак не раньше X в. до н.э., а процесс перехода к оседлому образу жизни и перехода к земледелию растянулся у них почти на 500 (пятьсот!) лет. Таким образом, между фиксацией данного термина и появлением персов в зоне земледельческой деятельности – более двух тысяч лет. Поэтому мы считаем, что персы сами явились заимствующей стороной: в первую очередь, навыков земледелия и названий земледельческих орудий, лексики, связанной с оседлым бытом и появлением письменности и т. п.

Также исследователям необходимо учитывать такой существенный фактор, как ассимиляция аборигенных

народов Иранского нагорья персами, в результате которой культурная лексика аборигенов стала составной частью персидского языка. В общих чертах тот же исторический процесс в последующие времена повторили и тюркские народы.

Хотелось бы отметить семантическое и фонетическое сходжение шумерского слова *nìg-ğál*-(1)*a* (читается как нингал) и нахского слова мангал (коса) [Ср. бацб., инг., чеч. мангал «коса» (Бернард Комри....2010).]

Шумерское слово *nìg-ğál*-(1)*a*, < аккад. *niggall*-<**mingal*- «серп» > западносемитское: др.-евр. *maggāl*, араб. *maggal-t-a*, араб. *miṅḡal*- «серп», от несохранившегося глагольного корня **ngl*. И. М. Дьяконов считает этот земледельческий термин заимствованием из аккадского языка (Дьяконов, 1996, с. 84, 87).

По А. Ю. Милитареву, «... **nigal* «жать (жатвенный нож), серп» (шум. > *Niṅ-ḡáL* «серп»). Семит.: аккадск. *ningal*-, *niggall*- (вероятно, «обратное» заимствование из шумерского), др.-евр. *maggal*, араб. *mangal-t*-, *maggal-t*- (обычно западносемитские формы рассматриваются как заимствованные из аккадского, но они скорее похожи на отглагольные имена <* *ma-ngal*) «серп», араб. *nʒl* «собирать урожай, возделывать землю», *mi-ndʒal*- «серп». Чад. (*зан.*): мия *ngəla-tə*, варджи *ngəlatəna*, мбурку *gəlatə*, кария *ngaləta* «серп, (тесло)», (центр). нджанье *ngila* «нож, меч», гуде *ngila* «нож» (на прачадском уровне возможна реконструкция **nigal-at*)» (Милитарев, 1989, с. 129).

Арм. *mangal* означает «серп». удин. *mangal* – «крупный серп», цахур., рутул. *mangal* – «тиски», лезг. *mangal*, *mukkal* – «крупный серп», агул. – *takal* «серп». О. И. Виноградова и Г. А. Климов считают, что в перечисленных дагестанских языках термин заимствован из армянского языка, а в самом армянском слово усвоено

из семитских языков (ср. аккад. *manigallu*) (Виноградова, Климов, 1979, с. 155-157).

Далее, Дж. Гриппин отмечает, что и армянский язык и дагестанские языки получили название серпа из персидской формы, куда оно попало через арамейский (Дж. Гриппин, 1994, с. 160, 161).

Известно, что ручные орудия являлись универсальными средствами. Конструкция серпа со временем изменялась в зависимости от географии и природно-климатических условий. Так, например, в недавнем прошлом у ингушей и у грузинских горцев применялось орудие для жатвы травы, у которого сочетались конструкторские особенности серпа и косы. И, естественно, древнее название серпа у многих народов перешло на название нового орудия – косы. Так, М. Ш. Халилов отмечает, что в удин. (варт.) языке слово *маьнкаьл* означает не собственно серп, а «инструмент для срубки кустарника в виде серпа» (Халилов, 1998, с.74). Но уже другой автор, Г. А. Климов, отмечает, что в удин. языке *mangal* означает «коса» (Климов, 1967, с. 79, 80).

Отметим также, что в грузинском языке название серпа сохранилось в двух формах: *намгал-и* <*мангал-и*, и это же название перешло на другое орудие – косу (Куркиев, 1969, с. 132; см. также Равдоникас, Смирнова, 1978, с. 216).

По Л. А. Фирштейну, серп у хивинских узбеков *мангад* // *амгал* (Фирштейн, 1970, с. 174).

В текстах шумерских табличек имеется такая надпись: «2 *ga-kú-a* [AWL, Nr.100: II 2] – «2 сосунка» (букв.: «молоко-кормить-тот»), т.е. «2 вскормленника; (*kú* «есть», «кормить», *kú-a* «выкормыш», т.е. «тот, которого вскормили»)» (Канева. 2006, с. 184).

Ингушский язык сохранил это шумерское словосочетание. Так, в ингушском *гаки*, ласкательное 1) *младенец*,

малютка, грудной ребенок (Ингушско-русский словарь, 2009; Куркиев, 2004; Мациев, 2000); 2) Гаки, Гака – устар. мужское имя; 3) нариц.: великовозрастный детина.

Немалый интерес для наших исследований представляет шумерское понятие *silim*. По сведениям И. Т. Каневой с этим словом связано происхождение ряда понятий в шумерском языке:

u-na-a-dug4-silim-ma «письмо приветствия» (Канева, 2006, с. 31);

ká-silim-ma-bi «ворота благоденствия» (Канева, 2006, с. 44);

silim-silim-bi «благосостояние их (=стран)» (букв. «благосостояние-благосостояние-их») (Канева, 2006, с. 62);

...*silim-e-šè*... «за здоровье» (Канева, 2006, с. 66);

silim-šè e «говорить во здравие» (Канева, 2006, с. 121);

...*ní silim-še al-e* «во здравие говорит» (Канева, 2006, с. 166);

silim-ma dùg «...доброжелательно сказать (ему) «будь здоров!»» (Канева, 2006, с. 108);

silim «благоденствие» (глагол «быть в хорошем состоянии, благополучным» (Канева, 2006, с. 182). [Ср. инг. словоформу *салам-кад* – дословно «приветствия-чаша»].

Приведенные примеры наглядно иллюстрируют богатство значений и оттенков, которые шумеры придавали этому слову, хотя, по нашему предположению, первоначальное значение слова можно свести к понятиям «благосостояние, благоденствие, благополучие».

Несомненно, арабская формула приветствия *салам* «мир, благополучие» (*Ас-саламу-Иалейкум* – *Мир вам и вашему дому*), воспринятая от них многими народами, исповедующими ислам (в том числе и ингушами), вос-

ходит к шумерскому *silim*. Сюда же относится и древнееврейское приветствие *шалом, шалем* «мир, благополучие» (Учение..., 1993, с. 279). Наличие в арабском, как и в ингушском языке, местоимения *ас*, восходящее к форме *со* «я» (здесь в форме *ас*, араб.) наводит на мысль, что оба слова *ас* и *салам* заимствованы ими непосредственно от субарейцев в убейдский период (V – начало IV тыс. до н.э.) (см. Ладынин, 2004, с. 75; История Древнего Востока, 2001, с. 114). Основанием для такого рода утверждений служит наличие термина *silim* «здоровье» в близкородственном нахско-дагестанском урартском языке (Меликишвили, 1954, с. 191), в языке, который в этом отношении служит как бы связующим звеном между шумерским и нахскими языками.

Более того, мы находим, как нам кажется, эквивалент шумерскому *silim* в хуррито-урартском: **sawl-*: хурритском *ṣsawlə* «здоровье, процветание» (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 181).

Предположительно, близко к шумерскому *silim* стоит в ингушском *салолам* «удовлетворение, отдых, покой» (букв. «восстановление духа, души») – сложное слово, состоящее из: 1) *са* – а) душа, дух; б) душа, человек (при указании количества); в) жизнь; 2) *лала*, глаг. – восстановить, собрать, смонтировать (Ингушско-русский словарь, 2009); (ср. бацб. *лала* – «желать, хотеть» (Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984). Конечный компонент [-м] служит словообразовательным суффиксом.

О широком распространении шумерской формулы приветствия (пожелания) на Северном Кавказе свидетельствует факт бытования данного приветствия в форме *salam* (b, d) «поклон», «приветствие» и у христианизированных цова-тушинцев (бацбийцев), которые ныне проживают на территории Грузии.

Все это дает основание считать или, вернее, наводят на догадку о возможном нахском происхождении шум. термина *silim*.

Возвращаясь к приведенному выше шумерскому понятию *ká-silim-ma-bi* «ворота благоденствия», мы не можем обойти стороной факт лексического и семантического тождества шумерского *ká-* «ворота» и инг. *ков* (*коу*) «двор», «поселение» (появление фонемы [в] является фонетическим процессом, когда долгие гласные [o] и [y] посредством звука [в]) трансформируются в дифтонги), восходящее к понятию «ворота»; чеч. *ков* с одинаковым значением с шумерским. Мы видим, что в чеченском этот термин не трансформировался и сохранил свое основное, первоначальное значение, и потому он полностью совпадает с шумерской трактовкой. Ингушское *ков* как двор с домом есть результат метонимического процесса. В урартском *КА* (-li) означает «ворота». Кроме того, по сведениям Г. А. Меликишвили под *КА* «ворота» того или иного бога подразумевается посвященный этому богу храм: например, *Ḫaldinili KÁ-li* – «Халдовы ворота», т.е. посвященное богу Халду культовое сооружение (CICH, 22, 23, 62) (Меликишвили, 1954, с. 186; 1951, с. 32-33; 1953, с. 254; 1971, с. 281; 1950, с. 38). [Ср. картвельское *қар* «дверь» (Утургаидзе, 1978, с. 90), «ворота» (топоним Тетрис-кари «Четыре ворота» на границе Ингушетии и Грузии): чеч. *ков* «ворота» (Мациев, 2000); инг. *ков* «двор» (Ингушско-русский словарь, 2009)]. Наличие этого термина в шумерском, и тем более в родственном нахскому урартском языке, говорит о бесспорности нашего вывода в пользу принадлежности этого термина к исконной нахской лексике. Более того, само имя урартского бога *Ḫaldi* (урартс. «величественный»; хуррито-урарт. *xel-*: хуррит. *xel-di* «высокий, величественный») имеет вполне объясняемый эквивалент

в современном ингушском, а именно: *хьал-ди, где хьал-*: 1) «богатство, состояние, имущество, достояние; 2) ситуация, самочувствие; *-ди*: возможность (ср. словообразование от *бог* в русском: *бога[тый]* «имущий», *небога* «неимущий»; отсюда слово *убогий*).

С. А. Старостин находит, что корень этого термина имеет сближения в прасевернокавказском, прасинотибетском и праенисейском языковых семьях. Ср. ПСК *к̄ацц «ворота»: ПСТ *k(h)^wэ «дыра, отверстие»: ПЕ *gu (~k-) «отверстие» (Старостин, 2007а, с. 277). Следовательно, попытки некоторых авторов отнести термин *ков* к заимствованию из восточноиранского языка являются беспочвенными.

Вероятность подобного рода заимствований подтверждается постоянными и прочными этнокультурными связями семитских народов сначала с племенами, говорившими на протоевфратском и прототигридском языках, а впоследствии с субарейцами, носителями убейдской культуры, а также хурритами и шумерами.

Притом изначально заимствующей стороной, по всей вероятности, должны были явиться различные полукочевые племена семитов (некоторые авторы в них склонны видеть группы людей, бродящих со своими стадами, так как, по их мнению, кочевой образ жизни в этот период еще не сложился), которые периодически выдвигаясь из глубин Аравийской пустыни, входили в соприкосновение с земледельческим миром Передней Азии. Естественно, что, усваивая навыки земледелия, ремесла и городскую культуру, ими заимствовались многие термины и понятия из языка извечно оседлых аборигенов. При всем этом, надо сказать, что передвижения народов в регионе носило вовсе не односторонний характер. О большой древности обратных передвижений народов Месопотамии, в частности субарейцев, в

области проживания семитов говорит исторический факт, который свидетельствует, что «в V-IV тысячелетиях до н.э. вдоль всего Восточного побережья Аравии протянулся пояс раннеземледельческих поселений убейдского типа. Связь с Месопотамией прослеживается для этих мест и в периоды Урук (IV тысячелетие до н.э.) и Джемдет-Наср (рубеж IV-III тыс. до н.э.). Племенами убейдской культуры был заселен и архипелаг Бахрейн. Бахрейнские и аравийские памятники намного моложе месопотамских, а некоторые даже привнесены оттуда. Очевидно, колонизация и культурное влияние распространились из Месопотамии в Аравию и Бахрейн, а не наоборот (История Древнего Востока, 2001, с. 242).

Опять же, по свидетельству И. А. Ладынина, «нижнемесопотамские субареи создали особую, т.н. убейдскую археологическую культуру (V – нач. IV тыс. до н.э.), уже знавшую медь и вскоре распространившуюся, с расселением самих субареев, на земли от Центрального Загроса через Верхнюю Месопотамию и Сирию к Средиземному морю, а также на Северо-Восточную Аравию, включая Бахрейн. Вся эта огромная территория составила относительно однородную этнокультурную ойкумену субареев, известную позднее под шумерским названием «Субир» («Пространство су») (Ладынин, 2004, с. 75).

Субарейцы были первой важной цивилизующей силой в древнем Шумере – первыми земледельцами, скотоводами, рыбаками, ткачами, кожежыками, плотниками, кузнецами, гончарами и каменщиками (Крамер, 2002, с. 54-55).

С начала III тысячелетия до н. э. (приблизительно с XXIX века до н. э.) хурритов уже упоминают (под названием *субареи*, *субир*) шумеро-аккадские клинописные тексты. Следует указать, что само появление письменности датируется примерно этим временем и, таким образом, мы можем утверждать, что о хурритах писали в

самых древних письменных источниках, известных на Земле.

Таким образом, термин «субарей» рассматривается как синоним слова «хуррит» (Дьяконов, 1967, с. 113), а хуррито-урартские языки, как мы говорили, относятся к восточнокавказской ветви иберийско-кавказской языковой семьи.

В более позднее время под «субарейским» (шумер. *eme-subir4ki*) однозначно понимался хурритский язык. Следует оговорить, что в шумерском языке существовали фонетические варианты топонима Subar и Subur (Архипов, 2002, с. 82, 89).

Среди аргументов, приводимых И. Гельбом в пользу наличия этнического субстрата, предшествующего как шумерам, так и семитам, имеются и этнические данные: древнейшая династия Шумера происходила из Subarī, в текстах из Фары распространено собственное имя Subur (ср. инг. имя собственное Субар, вар. Субур), а в раннединастических текстах из Лагаша упоминается народ lú-SU.A= субарейцы (Этнический и социальный факторы..., 1963, с. 175; см. также Гельб, 1982, с. 70; Милитарев, 1984, с. 58-59; История Древнего Востока, 2001, с. 114; Массон, 1971, с. 13; Оппенгейм А. Лео, 1980, с. 35).

Нам кажется, что некоторые имена собственные в ингушском языке, такие, как Субар, Лули, Кути, Каси, Иалам(бек), являются наследием этнокультурных связей далекого прошлого и отображают в языке этнонимы субареев, луллубеев (вар. лулу, луллу; редко лулуми), кутиев (гутиев), касситов (у греческих писателей коссай или кисси), эламитов. Ведь традиция присваивать имена по названию этносов, проживающих не только в ближайшем соседстве, но и в отдалении, сохранялась в ингушском народе вплоть до второй половины минувшего столетия. Более того, В. И. Авдиев полагает, что «касси-

ты, лулубеи, эламиты и примыкающие к ним гутии принадлежали к исконному населению Передней Азии и были родственны урартам, протохеттам, субарейцам и хурритам» (Авдиев, 1948, с. 444, 445; см. также Юсифов, 1987, с. 19, 20, 25, 27, 32-39).

По сведениям того же автора, население Финикии и Сирии также было смешанным. Данные исторической лингвистики позволяют установить крайне сложный этнический состав этих областей. Самый древний племенной слой составляли хурриты, воспоминание о которых сохранилось в Библии и в египетском названии Сирии – Хару. Хурриты (субареи) к началу II тысячелетия уже отчасти смешались с семитскими племенами. Затем в эпоху образования Ассирийского государства хурриты растворились среди семитов (Авдиев, 1948, с. 306, 356, 371).

Исторической науке известны хурриты Палестины, имя которых обозначается библейским термином *ḥōrī* < **hurri* [107 Бытие. Гл. 14, 6; Второзаконие. Гл. 2, 12). И. М. Дьяконов локализирует их на крайнем юге Палестины (Дьяконов, 1954, с. 64).

В связи с проблемой этногенеза ассирийцев Г.А. Меликишвили замечает: «В специальной литературе не раз отмечено, что антропологически, по своему физическому типу ассирийцы представляли смешанный народ, являлись продуктом смешения семитского элемента с азиантическим хурритским населением. Предпосылки для формирования такого смешанного народа создали многовековое соседство и интенсивное сношение между ассирийцами и хуррито-урартским населением (Меликишвили, 1948, с. 40, 41).

Такой продолжительный и тесный контакт не только хуррито-урартских племен, но и, видимо, всей нахско-дагестанской общности в целом, с семитоязычными

народами, безусловно, должен был оставить довольно значительный пласт заимствований в лексике обеих сторон. Немаловажным обстоятельством в этой проблеме представляется и наличие заимствований из дошумерского субстрата в семитские языки, происшедшие через посредство шумерского языка.

В этих сложных этногенетических процессах, растянутых на целые тысячелетия, кроется загадка лексических соответствий в семитских и нахских языках.

Такое обилие лексических сходжений нахского (пранахского) и шумерского языков позволяет нам говорить о регулярности этих совпадений. Отмеченные выше лексические сходжения, скорее всего, следует интерпретировать как показатели присутствия в дошумерской Месопотамии носителей нахского (пранахского) языка. Надеемся, что дальнейшие исследования субстратного пласта шумерского языка обогатит историческую лингвистику еще многими фактами лексических параллелей между шумерским и нахскими языками.

Использованная литература

1. Авдиев В.И. История Древнего Востока. М., 1948.
2. Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени. М., 2003.
3. Архипов И.С. Топоним «Субир / Субарту» в Месопотамии III – первой половины II тыс. до н.э. // ВДИ, №4, 2002.
4. Афанасьева В.К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979.
5. Афанасьева В.К. Сказание о Гильгамеше, Энкиду и подземном царстве в свете космогонических представлений шумерийцев // ВДИ, №2, 2000.

6. Барахоева Н.М. и др. Ингушско-русский и русско-ингушский словарь терминов. Издание Издание 3-е. Магас, 2016.
7. Березкин Ю.Е. Америка и Ближний Восток: Формы социологической организации в догосударственную эпоху // ВДИ, №2, 1997.
8. Бернанд Комри, Халилов М. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. Лейпциг-Махачкала, 2010.
9. Ботвинник М.Н., Коган М.А. и др. Мифологический словарь. Минск, 1989.
10. Гельб И.Е. Опыт изучения письма (Основы грамматики). М., 1982.
11. Виноградова О.И., Климов Г.А. Об арменизмах в дагестанских языках // Этимология 1977. М., 1979.
12. Дахкильгов И.А. Мифы и легенды вайнахов. Грозный, 1991.
13. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. М., 2006.
14. Джандиери М.И., Лежава Г.И. Народная башенная архитектура. М., 1976.
15. Джандиери М.И. Древнее башенное общинное жилище // ВДИ, № 2, 1981.
16. Дж. Гриппин. Несколько замечаний о лексических связях армянского с дагестанскими языками // Этимология 1991-1993. М., 1994.
17. Древнегреческо-русский учебный словарь. Составители Майер Т., Г. Штайнталь. СПб, 1997.
18. Дьяконов И.М. Критика и библиография. Меликишвили Г.А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья, I, Наири-Урарту. Тбилиси, 1954 // ВДИ, № 2 (56), 1956.

19. Дьяконов И.М. О работе с шумерскими историческими источниками // ВДИ, № 2, 1958.
20. Дьяконов И.М. Урартские письма и документы. М., 1963.
21. Дьяконов И.М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967.
22. Дьяконов И.М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. // ВДИ, №3, 1968а.
23. Дьяконов И.М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. // ВДИ, №4, 1968б.
24. Дьяконов И.М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э. (По материалам города Ура) // Древний Восток. Города и торговля (III-I тыс. до н.э.). Ереван, 1973.
25. Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988.
26. Дьяконов И.М. Шумеры и афразийцы глазами историка // ВДИ, №4, 1996.
27. Емельянов В.В. О первоначальном значении шумерского те (Методология исследования категорий мироощущения) // ВДИ, № 2, 2000.
28. Иванов Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983.
29. Иванов В.В. Древневосточные связи этрусского языка (К проблеме северокавказского характера этрусского языка) // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988.
30. Ингушко-русский словарь. Нальчик, 2009.
31. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. М., 1983.

32. История Древнего Востока. Под ред. В.И. Кузищина. М., 2001.
33. Кадагидзе Д., Кадагидзе Н. Цова-тушинско-грузинско-русский словарь. Тбилиси, 1984.
34. Канева И.Т. Шумерский язык. СПб., 2006.
35. Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
36. Климов Г. А. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности // ВЯ, 1967, №3.
37. Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М., 2003.
38. Козаржевский А.Ч. Учебник древнегреческого языка. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1993.
39. Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991.
40. Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на Земле. М., 2002.
41. Краткий русско-грузинский словарь. Составитель А.Г. Торотадзе. Тбилиси, 1969.
42. Куманецкий К. История древней Греции и Рима. М., 1990.
43. Куркиев А.С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. Грозный, 1969.
44. Куркиев А.С. Ингушко-русский словарь. Магас, 2004.
45. Ладынин И.А. и др. История Древнего мира: Восток, Греция, Рим. М., 2004.
46. Липперт Ю. История культуры. СПб., 1907.
47. Массон В.М. Первые земледельцы Месопотамии (К проблеме происхождения) // ВДИ, №3, 1971.
48. Мациев А.Г. Чеченско-русский словарь. М., 2000.
49. Меликишвили Г.А. Возникновение хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // ВДИ, № 1, 1965.

50. Меликишвили Г.А. Диаухи // ВДИ, №4, 1950.
51. Меликишвили Г.А. Мусасир и вопрос о древнейшем очаге урартских племен // ВДИ, № 2, 1948.
52. Меликишвили Г.А. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту // ВДИ, №4, 1951.
53. Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи (указатель) // ВДИ, №1, 1953.
54. Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи (указатель) // ВДИ, № 1, 1954.
55. Меликишвили Г.А. Вопросы истории Манейского царства // ВДИ, №1, 1949.
56. Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи (указатель) // ВДИ, №4, 1971.
57. Милитарев А.Ю. Афразийско-шумерские лексические связи // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. I. М., 1984.
58. Милитарев А.Ю. Еще раз о происхождении земледелия по данным праафразийской (прасемитохамитской) лингвистической реконструкции // ВДИ, №1, 1989.
59. Мифы народов мира. Т. 1, М., 2000.
60. Мещанинов И.И. Восточное Закавказье времен халдских завоеваний // ВДИ, № 1, 1937.
61. Мосенkis Ю.Л. Кавказские языки в древней Британии и Германии // Происхождение языка и культуры: древняя история человечества. Т.1., №3, 2007.
62. Мухиддинов И. Сельскохозяйственные орудия таджиков Ишкашимского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (Горон, Ишкашим, Вахан) // СЭ, 1971, №1.
63. Немировский А.И. История древнего мира. Античность. Т. 2. М., 2000.

64. Николаев С.Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия. М., 1985.
65. Нуруллин Р.М. К вопросу шумерских заимствований в аккадском. Часть 1 // ВДИ, Т. 78, №4, 2018.
66. Оздоев И.А. О словообразовании имен существительных в ингушском языке // Вопросы вайнахской морфологии. Грозный, 1983.
67. Оппенгейм А.Лео. Древняя Месопотамия. М., 1980.
68. Пиотровский Б. Археологическое изучение древнейшего Закавказья // ВДИ, № 3, 1947.
69. Равдоникас Т.Д., Смирнова Л.И. Каталог коллекции по народам Кавказа // Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XXXIV. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978.
70. Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. В-д. М., 2003.
71. Робакидзе А.И. Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. II. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси, 1968.
72. Россиус А. А. Миф поколений у Арата // Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб., 2000.
73. Старостин С. А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и севернокавказскими языками // Старостин С. А. Труды по языкознанию. М., 2007а.
74. Старостин С.А. Hurro-Caukasika // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007б.

75. Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Старостин С. А. Труды по языкознанию. М., 2007в.
76. Танкиев А.Х. Духовные башни ингушского народа. Саратов, 1997.
77. Тенгиз Гудава. До и после Библии. Шумерорусский словарь. Ч. первая: А-Л. Интернет-ресурс:
<https://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html>. Время обращения: 14. 07. 2020 г.
78. Тимаев А.Д. Категория грамматических классов в местоимениях нахских языков // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, Т. V. 1978.
79. Утургаидзе Ф.Г. Фонематическая структура грузинского языка // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т.V. 1978.
80. Учение. Пятикнижие Моисеево. М., 1993.
81. Фирштейн Л.А. Земледельческие орудия таджиков и узбеков (по материалам МАЭ) // Сборник Музея антропологии и этнографии. XXVI. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Ленинград, 1970.
82. Фридрих И. История письма. М., 1979.
83. Хайров Б.А., Евлоев Я.И. Нахи: предки и наследники шумеров. – Смоленск, 2005.
84. Хайров Б. ПалгIай исторен цхъайола оагIонаш. (На инг. яз.) // ВИИ, вып. 8. Магас, 2011.
85. Хайров Б. К проблеме происхождения шумерского термина «э-дубба» (дом глиняных табличек) //«Археологический вестник». Вып. IV. Назрань: 2012.
86. Хайров Б. О некоторых именах из припевов грузинских народных песен // Известия Ингушского

- НИИ гуманитарных наук имени Ч. Ахриева №2, 2013.
87. Хайров Б. К вопросу о названии лир из «царских гробниц» Ура» // Сборник «Кавказоведение: научные традиции и современность». (Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Е.И. Крупнова). Магас-Кисловодск: 2014.
 88. Хайров Б. Историко-этимологический аспект термина «буру // бурув» // Назрановское укрепление: история и современность. Магас, 2017а.
 89. Хайров Б. К вопросу исторической этимологии наименований некоторых шумерских городов. Историко-этимологический очерк // Вестник Инг. НИИ №2, 2017б.
 90. Хайров Б. Шумерские названия некоторых звезд (созвездий и иных светил) и их лексические соответствия в ингушском языке (К постановке проблемы) // Вестник научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. №1, 2019.
 91. Халидов А.И. Введение в изучение кавказских языков. Грозный, 2006.
 92. Халидов А.И. Очерки истории и типологии нахских языков. Грозный, 2008.
 93. Халилов М. Ш. Хронологическая стратификация грузинских лексических элементов в дагестанских языках // ВЯ, 1998, №4.
 94. Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник. II. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси, 1968.
 95. Худадов В.Н. Мегалитические памятники Кавказа // ВДИ, № 1, 1937.

96. Чрелашвили К.Т. Бацбийский язык // Языки мира. Кавказские языки. М., 2001.
97. Шагиоров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А-Н. М., 1977.
98. Шумерский героический эпос. Транскрипции, перевод, комментарий и вводные статьи И.Т. Каневой // ВДИ, № 3, 1964.
99. Этнический и социальный факторы в истории древнего мира (на материале Шумера) // ВДИ, №2, 1963.
100. Юсифов Ю.Б. Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона) // ВДИ, №1, 1987.

Сокращения в списке библиографии

ВДИ – Вестник древней истории
 ВИИ – Вестник истории Ингушетии
 ВЯ – Вопросы языкознания
 МАЭ – Музей антропологии и этнографии
 СЭ – Советская этнография

Сокращения названий языков и диалектов

Абх. – абхазский, авар. – аварский, аг. – агульский, анд. – андийский, аккад. – аккадский, араб. – арабский, арам. – арамейский, арчин. – арчинский, ахв. – ахвахский, багв. – багвалинский, бацб. – бацбийский, варт. – вартанский диалект удинского языка, груз. – грузинский, годоберин. – годоберинский, дарг. – даргинский, др.-евр. – древнееврейский, инг. – ингушский.

Иранские языки: перс. – персидский, ср. перс. – среднеперсидский, кл. перс. – классический персидский, башк. – башкарди (группа диалектов юго-западного

Ирана), бел. – белуджский, вон. – вонисун (один из диалектов Центрального Ирана), гази – гази (один из диалектов Центрального Ирана), гур. – гурани, сив. – сивенди (язык // диалект северо-западной группы), зефр. – зефреи (один из диалектов Центрального Ирана), кафр. – кафрони (один из диалектов Центрального Ирана), кеш., сои – кешеи (один из диалектов Центрального Ирана), кохр. – кохруди (один из диалектов Центрального Ирана), курд. курм. – курманджи (диалект курдского языка), курд. сор. – сорани (диалект курдского языка), ласг. – ласгерди (язык // диалект полосы Семмана), осет. – осетинский, санг. – сангесари (язык // диалект северо-западной группы Ирана), сед. – седеи (один из диалектов Центрального Ирана), семн. – семнанский, тадж. – таджикский, тал. – талышский, шам. – шамерзади (диалект мазандеранского языка). Горонцы, ишкашимцы и ваханцы – припамирские или памирские таджики, родные языки которых относятся к восточно-иранской группе.

Каб. – кабардинский, кар. – каратинский, крыз. – крызский, кум. – кумыкский, лаз. – лазский, лак. – лакский, лезг. – лезгинский, лемнос. – лемносский, мегр. – мегрельский, нах. – нахский, о.-вост.-кавк. – общевосточнокавказский, ПВК – правосточнокавказский, ПЕ – праенисейский, ПЛ – пралезгинский, ПН – пранахский, ПСТ – прасинотибетский, рутул. – рутульский, сван. – сванский, семит. – семитский, таб. – табасаранский, тинд. – тиндинский, тур. – турецкий, удин. – удинский, урарт. – урартский, хетт. – хеттский, хин. – хиналугский, Х.-У. – хуррито-урартский, хуррит. – хурритский, цах. – цахурский, цова-туш. – цова-тушинский, чад. – чадский, чам.-гак. – гакваринский диалект чамалинского языка, чам. – чамалинский, чам.-гиг. – гигатлинский диалект

чамалинского языка, чан. – чанский, чеч. – чеченский, шум. – шумерский, этруск. – этрусский.

ЕК (eme-KU, вар. eme-gir5) – мужской диалект шум. языка («правильный, или родной язык»); ES (eme-sal) – женский диалект шум. языка.

Прочие сокращения

глагол. – глагол,
лит. – литературный,
нареч. – наречие,
сущ. – существительное;
зап. – западный,
центр. – центральный.

К проблеме происхождения и распространения шумерских терминов письма

«...Язык оказывает неоценимую помощь историку, показывая историю происхождения отдельных слов, предметов, названий культурных растений и домашних животных и т.п.» (Ольдерогге, 1983, с. 213)

«В языке каждого отдельного народа остаются следы его прежних судеб: из его состава ... можно увидеть... какую часть пути прошел он...» (Срезневский, 1887, с. 11).

*«Эдубба вечна и неизменна»
(Из «Гимна Шульги»).*

История школьного образования в Шумере очень древняя, как и история самой этой страны. Школьные тексты появляются здесь одновременно с древнейшими письменными памятниками (см. Афанасьева, 1983, с. 87; Аверинцев и др., 1989, с. 113-115). Некоторые ученые относят начало протописьменного периода к промежутку между концом ХLI и серединой ХХХIХ вв. до н.э. (Гельб, 1982, с. 69; см. также Вайман, 1976, с. 578-585; Фалькенштейн, 1976, с. 572-578; Дьяконов, 1976, с. 569-571). Письмо столь отдаленного периода было рисуночным, иероглифическим (Липин, 1964, с. 11, Дьяконов, 1976, с. 569; Фалькенштейн, 1976, с. 572-573). Тексты табличек протописьменного периода (вторая половина

IV – начало III тысячелетий до н.э.) составлены на языке дошумерского населения, языковая принадлежность ко-его не установлена. Шумеры появились в Двуречье в конце IV тысячелетия до н.э. Вместе с другими культурными достижениями они переняли навыки письма у древних аборигенов этого края (иногда их называют протошумерами). По выражению Ю. Б. Корякова, единство культуры и письменности, которое обнаруживается в пределах переднеазиатского ареала, сформировалось под воздействием шумерской клинописной традиции (Коряков, 2010, с. 11-12). Наряду с распространением шумерской клинописи в Передней Азии, термины письма (табличка (глиняная), документ, надпись, писец) были заимствованы многими народами: египтянами, эламитами, аккадцами, хурритами, урартами, хеттами, персами (а через них индоариями и тюркскими народами и пр.) и др.

Цель данной работы – историко-этимологическое исследование нескольких терминов из области письменности и школьного образования шумеров.

Шумерская школа называлась «эдубба», что означало «дом табличек» (по другой версии – «дом глиняной таблички») (рис. 1) (Крамер, 1991, с. 20; Крамер, 2002, с. 193-194; 253-260). И. Т. Канева и Н. В. Козлова название шумерской школы трактуют следующим образом: e-dub-ba-a – «дом, которому присуждены таблички» (Канева, Козлова, 2010, с. 25; см. также Иванов, 2001, с. 43). Возглавлял школу «отец дома табличек», учитель же именовался *уммиа* (знающий человек, учитель») (Крамер, 1991, с. 20; Крамер, 2002, с. 256; Канева, 2006, с. 101).

Историк шумерской литературы В. К. Афанасьева отмечает, что «...первоначально, цели обучения были чисто практическими – школа готовила писцов, землемеров и т.д. По мере развития школы обучение станови-

лось все более универсальным, и в конце III – начале II тысячелетия до н. э. *э-дуба* становится чем-то вроде "академического центра" того времени – в ней преподают все отрасли знаний, тогда существовавшие: математику, грамматику, пение, музыку, право, – изучают перечни правовых, медицинских, ботанических, географических и фармакологических терминов, списки литературных сочинений и т. д.» (Афанасьева, 1983, с. 87-88).

Шумерское название школы *э-дубба* (*э-дуба*, *эдубба*) состоит из двух компонентов: 1) *é* «дом, дворец, храм» (Канева, 2006, с. 29, 31-32, 37, 41; Дьяконов, 1967, с. 55, 60, 83); 2) *-дубба*, (*-дуб*) от *dub*: сущ. глина, табличка (глиняная, для записи); документ (Канева, 2006, с. 32, 56, 101, 159, 164, 170; Дьяконов, 1967, с. 96). Это общепринятое чтение данного термина. Оба компонента шумерского *э-дубба* имеют достаточно убедительные лексические и семантические соответствия в ингушском языке. С первым компонентом позволительно сравнивать устаревшее слово *Ie*, в значении «обитель, жилище», отсюда *Ie(л)* – «загробный мир» (в значении вечной обители ушедших в мир иной); *Ie (Ia, Iийнад)*, глаг. – «остаться»; *Iече* (*Ie-* «обитель» + *-че* «нутро») сущ. я (*только в ед. ч.*), *-но*, *-нца* помещение (Ингушско-русский словарь, 2009) [ср. урарт. *aia* «находиться», *aiē* «местонахождение», «резиденция» (Меликишвили, 1954, с. 195); в урартском мы также предполагаем наличие фарингальной фонемы [I] (араб. *ع* «'айн») в начале этого слова]. Значение этого слово довольно наглядно в традиционных словах прощального пожелания «*Ia (Ie) дика хийла!*» (дослов. «обитель доброй, благополучной да будет»). Различие в одной фонеме в шумерском и ингушском в написании данного компонента обусловлено, вероятно, отсутствием в индоевропейских языках фарингальной фонемы [I], которая присутствует

в ингушском. Соответственно в алфавитах народов этой языковой семьи отсутствует графема для обозначения этой фонемы и отсюда, по всей видимости, проистекают некоторые неточности при транскрипции шумерских текстов.

В родственном урартском мы также находим термин \dot{E} в значении «дом». При этом, по сведению исследователя урартских текстов Г. А. Меликишвили, урартское слово «дом» оканчивалось на $[-e]$, так как идеограмма \dot{E} в надписях встречается с фонетическим дополнением $[-e]$ ($\dot{E}-e$, $\dot{E}-a$) (Меликишвили, 1954, с. 184), что подтверждает верность сделанных нами предположений о наличии в этом термине дополнительной фонемы [I] (арабск. ξ 'айн), который, как было сказано, не отображается графикой индоевропейских языков.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем правильным шум. $[e]$ дополнить арабским «'айн» и таким образом восстановить истинную, дошумерскую фонетику и морфологию данного термина.

Второй компонент, исследуемого нами термина - *дубба*, соответствует *dub* (*durru*, *turru*) *сущ.* глина, табличка (глиняная, для записи); документ (Тенгиз Гудава, Электронный ресурс: <https://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html>). Отсюда *dub-sar* «писец» (табличка + писать); *gi-dub-ba* «стиль» (букв. «тростник таблички») (Канева, 2006, с. 32, 33, 64, 96, 120, 164).

Данный компонент позволительно сравнивать с такой лексемой в ингушском и чеченском языках, как *топпар* (инг.), *сущ.* *б* (только в ед. ч.), -о, -ца – 1) порода глины, годная для изготовления керамических изделий (в противоположность *лоабат* – породе вязкой, жирной глине); 2) раствор глины (Ингушско-русский словарь, 2009), и *поппар* (чеч.), *сущ.б*; *мн.ч.* *поппари* – раствор глины (для

киртича-сырца или итукатурки) (Мациев, 2000). Суффиксальный компонент [-p] в обоих языках, вероятно, является образованием вторичным (Дешериев, 2006, с. 401-402; Оздоев, 1983, с. 31-33; Гиреев, 1983, с. 5-7).

Предположительно ингушское *тонпар*, чеченское *понпар* тождественно шумерскому *dub* (*durri*, *turri*). При этом шумерские согласные [d], [t] в ингушском и чеченском переходят в [т] и [п] соответственно.

Исконность и глубокая древность нахского *toppa-r* // *porra-r* доказывается наличием этого корня в енисейских языках: праенисейское *tuʔw-* «глина» > кетское *tuʔ*, аринское *tuburuh*, *tuburuŋ* (Старостин, 2007, с. 150)⁵.

Согласно С. А. Старостину, «енисейские и северокавказские языки обнаруживают довольно большое количество общих корней с базисной семантикой, что, по мнению автора, свидетельствует о генетическом родстве этих языковых семей» (Старостин, 2007, с. 246). В свете выдвинутой С. А. Старостиным синотибетокавказской языковой макросемьи названные нами енисейские языки являются связывающим звеном между синотибетскими и кавказскими языками. Расхождение трех подгрупп «синокавказской» семьи (прасевернокавказской, праси-

⁵ Енисейские языки – группа языков, распространенная в Сибири вдоль Енисея (иногда по наиболее известному из енисейских языков группа называется кетской). По давней традиции, енисейские языки считаются изолированными языками среди других языковых семей Евразии. По соображениям этноисторического характера некоторые ученые относят енисейские языки к палеоазиатским языкам. В разное время эти языки (а именно кетский) сравнивали с языками Юго-Восточной Азии, Кавказа, с такими изолированными языками, как баскский, бурушаски, даже с языками американских индейцев. Наиболее перспективна точка зрения, согласно которой енисейские языки генетически связаны как с тибето-бирманскими языками, так и с нахско-дагестанскими языками (БЭС, 1998, с. 150-151, см. также Старостин, 2007, с. 246, 873-874).]

нотибетской и праенисейской) С. А. Старостин склонен датировать приблизительно IX-VIII тыс. до н.э. (Старостин, 2007, с. 282). Следовательно, именно эта дата является нижней планкой периода существования исследуемого нами термина в праенисейском и прасевернокавказском языках.

Исходя из всего этого мы можем сделать вывод, что исходная форма нахского *Ie-topna-p* // *Ie-nopna-p* «*дослов. обитель (жилище)-глина*» соответствует шумерскому *э-дубба* «*дом таблички (глиняной)*».

Как было сказано выше, учитель у шумеров именовался *уммиа* – «знающий человек, учитель». [Ср. *umu, um* – «пожилая женщина, мужчина»; «нянчить»; «мудрый, опытный учитель» (Тенгиз Гудава. Электронный ресурс: <http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary2.html>)].

Сам термин редко встречается в приводимых шумерских текстах и в переводах. К тому же нам известно только вышеизложенное его значение, без какого-либо толкования. Но поскольку нам известен его смысл, постараемся построить сравнения и обосновать свои предположения именно по этому признаку, используя лексику ингушского языка из той же области языка, что и исследуемое нами слово. Приведем ряд однокоренных слов ингушского языка с корнеосновой *Iam-a*, которые по по смыслу и лексике. соответствуют шумерскому *уммиа*.

Iam-i суц. уст. в, я (б), -еш, -е, -еца ученик, ученица.

Iam-a-p¹ суц. д (только в ед. ч.), -о, -ца учеба, учение.

Iam-a-p² масд. привычка, свойство, усвоение, усваивание.

Iam-a (Iam, Iemar, Iemad, Iamarгда) глаг. научиться, учиться, усвоить, привыкнуть.

Iom-a-дала (Iomалу, Iомаделар, Iомаденнад, Iома-лургда) глаг. научиться.

Iom-a-далар масд. освоение, обучение;

Иом-а-дар масд. изучение, обучение, дрессировка, освоение, учение.

Иом-а-де (ве, бе, е) (Иомаду, Иомадир, Иомадаьд, Иомадергда) *глагол.* обучить, научить, дрессировать, освоить, изучить, учить (Ингушско-русский словарь, 2009).

Чеч. *Иам-о*, 1) научить, учить; обучить, обучать; 2) изучить, изучать (Мациев, 2000).

Мы находим, что шум. *умми-* («знающий») соответствует словоформам ингушского *Иам-*, *Иом-*, с вышеприведенными значениями. В шумерском *уммиа* последний слог «-а» соответствует значению «человек». Действительно, шумерское «а» имеет несколько значений: «отец», «сын», «старший сын», «наследник», «потомок» «семя»; «вода, канал, поток, наводнение» (Генгиз Гудава. Электронный ресурс: <https://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html>; Канева, 2006, с. 31, 36, 41-42, 110, 186; Дьяконов, 1967, с. 51-52).

В ингушском языке имеются термины родства, где классный показатель вычленяется в морфологической структуре существительного, например: *воI* «сын», *й-оI* «дочь» (где *ва-*, *йа-* классные показатели) (Дешериев, 1989, с. 12-13, 15-16, 18; Дешериев, Дешериева, 2001, с. 189; Тимаев, 1989, с. 76-77; Чикобава, 1978, с. 9-10). Выходит, что остающаяся фарингальная фонема [-I] в этих терминах вне зависимости от классной категории, должна иметь единое для обоих терминов смысловое значение «человек» (мужского или женского рода), «потомок», «ребенок, дитя». Отсюда возможно установление архетипов этих терминов: *в(а) Ia* «есть человек, потомок (мужского рода)»; *й(а) Ia* «есть человек, потомок (женского рода)». В первом слоге фонема [-а] имеет тенденцию перехода в [-о]; конечная гласная утеряна и таким способом мы имеем современную форму этих терминов родства с рудиментарными классными показателями – *воI*, *йоI*.

Следовательно, мы имеем возможность предполагать тождество шум. *умми* «знающий» = инг. *Io(a)ми* «обучение, научение»; шум. «*a*» «человек» = инг. арх. *Ia* «человек». Далее, опираясь на это предположение, мы получаем возможность выстроить словосочетание ингушского языка подобное *Io(a)ми-Ia* («обучающий человек»). В конечном итоге через него вполне убедительно можем восстановить истинную лексику шумерского термина *уммиа* в форме выстроенного нами словосочетания ингушского *Io(a)ми-Ia*.

Исследуемые нами шумерские понятия *э-дубба* и *уммиа*, относятся, очевидно, к упомянутому выше дошумерскому языковому пласту⁶.

Что касается проблемы присутствия народа-аборигена в Южной Месопотамии, известный шумеролог, профессор Чикагского университета Лео Оппенхейм отмечает: «...что [месопотамские письменные] источники фактически отражают достижения дописьменного периода. Значительная часть шумерского словаря, относящаяся к материальной культуре Месопотамии, содержит термины и обозначения, по видимому, не принадлежащие ни к шумерскому, ни к какому-либо из раннесемитских (протоаккадских) языков. Эти слова, возможно, представляют собой следы одного или нескольких более древних языковых субстратов и принадлежат ранним носителям цивилизации, которую мы условимся называть цивилизацией долины Евфрата. К тому же древнему языку (или к нескольким таким

⁶ О существовании двух языковых пластов, предшествовавших шумерскому и названных протоевфратским и прототигридским упоминает шумеролог И. Т. Канева. Она примечает, что пласт прототигридский вырисовывается более определенно, и что его прослеживают в топонимике и ономастике Северного и Южного Двуречья» (Канева, 2006, с. 6; см. также Канева и др. 2010, с. 91).

языкам) относятся географические названия местностей вдоль обеих рек и многие имена богов, обычно причисляемых к шумерскому пантеону.

Следы древнейших языков могут дать реальную возможность проникнуть в тайну взаимоотношений Месопотамии с Востоком, Севером и Западом в периоды, предшествовавшие тем, к которым относятся самые ранние шумерские тексты. Разумеется, подобные исследования чрезвычайно сложны и могут оказаться безрезультатными... Все же стоит рискнуть и пойти по этому пути, используя в качестве источников информации дошумерские термины, относящиеся к социальной и экономической сфере, или названия камней, растений и животных. Говоря об этом направлении в исследованиях, мы стремимся обратить внимание читателя на то, что цивилизация, возникшая в Месопотамии, не была изолированным явлением; ее нельзя отделять от мира, в который она, так сказать, вросла» (Оппенгейм, 1990, с. 35-36; см. также Крамер, 2002, с. 54-56; Массон, 1971, с. 14; История древнего Востока, 2001, с. 100-101, 113-115).

О том же, правда, весьма осторожно, заявляет и И.М. Дьяконов: «...в самом шумерском имеется некоторое количество слов, которые, возможно, не шумерского, но и не семитского происхождения. Поэтому вероятно, шумерскому населению в низовьях Тигра и Евфрата предшествовало какое-то другое» (Дьяконов, 1967, с. 35; Дьяконов, 1983, с. 53; см. также Чайльд Г., 1956, с. 38-39).

Признано, что дошумерская (убейдская) лексика «...значительным пластом вошла в язык новой этнической волны – шумеров, которая, видимо, в конце этого периода появились на территории Южной Месопотамии

и смешались с уже обитавшим здесь населением» (История Древнего Востока, 2001, с. 114).

В. М. Массону удалось, опираясь на данные археологической науки, более конкретно изложить историю первых земледельцев Месопотамии, близко подойти к решению проблемы их происхождения. Автор затрагивает и проблему языка-субстрата. Однако окончательное решение задачи этнической атрибуции до-шумерского населения В. М. Массон возлагает на лингвистов (Массон, 1971, с. 3-14).

И. Е. Гельб пишет: «...то обстоятельство, что древние месопотамские письменные памятники принадлежали шумерам, само по себе не означает, что они и были подлинными «изобретателями» месопотамского письма. На самом деле, как стало особенно ясно в последние годы, наряду с шумерами и, может быть, даже до них Месопотамию населял другой этнический элемент, который за отсутствием лучшего термина я называю «элементом Х». И нельзя полностью исключить, что именно этот «элемент Х», а не шумеры, мог впервые ввести то письмо, которое позже стало известно как шумерское» (Гельб, 1982, с. 70).

Шумеро-египетское заимствование названия писчего материала. Выше говорилось, что термины шумерской клинописи широко распространились в Передней Азии. Начнем с египетского заимствования этого культурного слова. Прежде всего, оговоримся, что прямые указания о заимствовании этого термина египтянами в научной печати пока отсутствуют. Можно сказать, что наши доказательства в основном построены на косвенном материале.

Весьма вероятно, что и египетское название папируса (см. История древнего Востока, 2001, с. 82) *papyrus* //

naner имеет связь с шумерским *dub* (*duppi, turri*) (и нахским *тоннар // поппар*). Вряд ли созвучие и семантическая близость этих терминов является случайной.

Каковы исторические предпосылки, способствовавшие этому заимствованию, и каковы сведения ученых о происхождении египетского письма?

Мощный скачок в развитии древнеегипетского общества происходит с началом II додинастического периода (ок. XXXVI – XXXI в.в. до н.э., время археологических культур Нагада II и Нагада III). Появляются ранние города, зарождается письменность. Многие находки этого периода имеют аналогии в культурах Азии. Ряд ученых полагает, что изменения в древнеегипетском обществе этого периода связаны с завоеванием Египта, вторгшимся с Востока народом. Есть и те, которые считают, что культурные аналогии – результат интенсивных торговых контактов между Египтом Восточным Средиземноморьем, а через посредство этого региона с более отдаленными странами (Ладынин и др., 2004, с. 23, 64; История древнего Востока, 2001, с. 82).

Вот что пишет по вопросу заимствования письменности египтянами А. Азимов: «К концу Урукского периода, к 3100г. до н.э. шумеры имели полностью развитый письменный язык – первый в мире... Они [египтяне] позаимствовали идею, но в некоторых отношениях усовершенствовали ее. Они использовали для письма папирус, листы, сделанные из волокон речного тростника, которые занимали намного меньше места, и с которыми было намного легче работать.

...Египетские символы вырезались на каменных монументах и рисовались на внутренних стенах гробниц. Они сохранились на виду, в то время как покрытые клинописью кирпичи оставались скрытыми под землей. Именно потому долго думали, что египтяне изобрели

письменность первыми. Теперь, однако, эта честь возвращена шумерам» (Азимов, 2002, с. 27).

Ряд ученых считает, что навыки протошумерского (или прототигридского) пиктографического письма были занесены в Египет переселенцами из Месопотамии. «...Египтяне обозримого исторического периода являются потомками некоего народа, пришедшего из Северо-Восточной Африки и иммигрантов с Востока, которые, обосновавшись в Египте, постепенно смешались с местным населением. Нетрудно заметить, что исконное население Египта обязано пришельцам с Востока очень многим, ибо последние научили их искусству обработки металлов и искусству письма» – считает Э. А. У. Бадж (Бадж, 2011, с. 14-15).

И. Е. Гельб по поводу выяснения происхождения египетского письма отмечает, что в научном мире сложилось мнение о том, что «...египетское письмо возникло ...под стимулирующим воздействием шумерского письма» (Гельб, 1982, с. 69, 80). Далее автор продолжает: «Всего тридцать или сорок лет тому назад было бы невозможно дать определенный ответ на этот вопрос, но с тех пор наша задача сильно облегчилась благодаря обширному сравнительному материалу, обнаруженному как в Египте, так и в Месопотамии. Новые данные убедительно показывают, что около 3000 г. до н.э., именно в то время, когда было введено египетское письмо, наблюдается сильное месопотамское влияние на египетскую культуру.

...Наконец, необходимо сослаться на еще на последние исследования А. Шарффа, доказавшего, что форма знаков, изображающих предметы, в самых ранних египетских надписях соответствует форме предметов, бывших в употреблении около 3000г. до н.э. А это, по мнению А. Шарффа, свидетельствует о том, что египетское

письмо возникло около 3000 г. до н.э., то есть именно в период, когда влияние Месопотамии было наиболее сильным; тем самым доводы в пользу возникновения египетского письма под месопотамским влиянием получают дополнительное подкрепление» (Гельб, 1982, с. 206-207; см. также Фридрих, 1979, с. 49).

Итак, наши предположения о заимствовании египтянами названия писчего материала из шумерского языка подтверждаются историко-культурными данными. Мы убедились в том, что это заимствование вполне закономерно. А с изобретением некоего подобия бумаги из волокон речного тростника – папируса, прежнее название могло быть перенесено на него.

В эллинистическую эпоху египетский термин папар // папер был заимствован греками.

Выявлено, что посредством греческого языка слово *папар* // *папер* «тростник», «свиток письма» египетского происхождения вошло во многие современные европейские языки, в том числе и славянские. Ср.: латин. *рапурус* (греч.) 1) папирус; 2) бумага из папируса. Отсюда англ. *paper*, нем., франц. *papier* «бумага» (Фасмер, т. III, 1987, с. 201; Фридрих, 1979, с. 49; Фридрих, 1961, с. 23).

М. Фасмер дает этому слову следующую этимологию: *паперга* "бумага", диал., орлов., черниг., украин. *папір* м., *папігра* ж., блр. *паперга*, впервые др.-русск. *поперь* (Сборн. XVI или XVII в.; см. Срезн. II, 1190); ср. также Миккола, "Slavia", 15, 164 и сл. Заимств. через польск. *papier* из нем. *Papier* "бумага", которое через латин. *рапурус* из греч. *палпурос*, егип. происхождения (Гофман, Gr. Wb. 253; Брюкнер 394; Литман 10) (Фасмер, т. III, 1987, с. 201; Срезневский, 1902, с. 1190).

Тот же египетский первоисточник установлен А. Преображенским: русск. *папера*, *паперы*, диал. орл.,

черн. и др., *бумага*; севск. (оч. употреб.) *паперка бумажка*. мр. *папир*; *папира ж.*; *папирець*, *папирка*; *папирный* т чешск. *рариг*. – Из польск. В польск. из нем. *papier тж*. [Первоисточник греч. *πάπυρος папиросный куст*. Schrader, Reall. 696].

- папирус, Род. пад. папируса, книжн., *растение सुरегус раругис*; *свиток древнеегипетского письма*; *папар то же*. – Новое заимств. из латин. *раругис* [гр. *πάπυρος то же*. Об этом Schrader Keall. 61.3].

- *папироса*, Род. пад. папиросы; *табак в бумажной трубочке для курения*; *папироска*; *папиросный*. – По всей вероятности, из польск. *papieros*, *papieros то же*. (Ср. ГСл. 248. ДСл. 3* 33). В польск. от *papier бумага*; образовано на подобие испан.: *sigartos* (Мн. к *sigarro*). См. *папера*, *папирус* (Преображенский, т. II, 1910-1914, с. 15)⁷.

⁷ В свою очередь к египетскому термину папер восходит и название финикийского города Библа. Называя древний Библ Городом Бумаги, Е. Доблхофер и И. Фридрих писали: «... Библ являлся одним из древнейших культурных центров Финикии. Однако название его, Библ, вовсе не так старо, как сам город; оно происходит от греческого «библос» (более древнее «бублос»), «бумага», и присвоено ему самими греками – именно через этот крупный торговый пункт они ввозили бумагу (папирус) из Египта. Но, поскольку город носил первоначально древнесемитское название Губла (древнеевр. Губал, ныне Джубейл), созвучие Бублос-Губла могло сыграть известную роль при переименовании города» (Доблхофер, Фридрих, 2002, с. 254).

С наименованием этого древнего города так же связано возникновение названий *книга*, *книжка*, *письмо* в греческом языке и отсюда мы имеем и название Библии, священного писания христиан. См.: греч. βύβλος, η, папирус, египетское растение (*Сурегус раругис* Linn.), из коры или лыка которого приготавливали канаты, паруса, рогожи и бумагу (Вейсман, 1991).

- Βύβλος, η, кора папируса (см. βύβλος); 2) бумага из папируса; книга. Βύβλον, το, уменьш. от Βύβλος, книжка, письмо (Вейсман, 1991).

Шумеро-аккадские заимствования терминов письма. В аккадский язык шумерские термины письма были заимствованы в таких формах: шум. *dub* > аккад. *durri, turri* (мн. ч. *durrâni, turrâti*) (со значением глиняная табличка, документ, надпись; шум. *dubsar* > аккад. *turpsarru(m)* «писец» (Липин, 1964, с. 48, 69-70; Коган, Лёзов, 2009, с. 143, 145; Дьяконов, 1976, с. 96; Липин, Электронный ресурс: <http://khazarzar.skeptik.net/books/index.htm>; Коган, Лёзов, 2009, с. 143, 145).

Хуррито-урартские заимствования шумерских терминов письма. Засвидетельствовано наличие шумерского термина термина *dub* в хурритском языке. И. М. Дьяконов относит его к заимствованиям из шумерского через аккадский: шум. *dub* > акк. *turpum* > хурр. *turri* «документ» (Дьяконов, 1967, с. 135; см. также Хачикян, 2010б, с. 141, 147). В этой связи для нас немало важен исторический факт наличия в III тысячелетии до н.э. хурритской клинописи (Дьяконов, 1967, с. 114; Хачикян, 2010а, с. 119; Хачикян, 2010б, с. 127; Иванов, 1983, с. 155). Урартская клинопись IX-VI в.в. до н.э. по утверждению И. Е. Гельба была потомком хурритской (Гельб, 1982, с. 299; см. также Дьяконов, 1967, с. 117-118, 122; Хачикян, 2010в, с. 149). Столь долговременная письменная традиция должна предполагать наличие обширной терминологии письменности в хуррито-урартских языках.

Хеттские заимствования терминов письма. По мнению Вяч. Вс. Иванова, «исторические связи хеттской клинописи с хурритской и староаккадской запечатлелись в самом хеттском термине *turri-*, обозначающем «клинописную таблицу». Автор причисляет его к куль-

турной лексике переднеазиатского ареала, первоисточником которого является шумерский термин *dub*. В хеттском языке данный термин выступает в форме, которая ближе всего к хурритскому *turri-*. Из того же первоисточника заимствованы эламское *turi-* и древнеперсидское *dīri-* (см. ниже). В хеттском языке параллельно с хурритским *turri-* и в том же значении, присутствует аккадское *turr(u)-*. По свидетельству Вяч. Вс. Иванова, «Связи между этими словами отражают историю хеттской клинописи, восходящей (через возможное хурритское посредничество) к староаккадской, которая, в свою очередь, происходит из шумерской» (Иванов, 2001, с. 47-48; см. также Касьян, Сидельцев, 2013. с. 73). Хеттское *turrpala-* «писец» является производным от аккад. *turr(u)-* (Иванов, 2001, с. 40).

Существует и более определенное мнение зарубежных ученых о происхождении хеттского письма. Так, например, И. Фридрих утверждает, что в странах, расположенных к западу, ранее других хурриты восприняли аккадскую клинопись. От хурритов клинопись перешла к малоазийским народам, которые были тесно связаны с хурритами в культурном отношении (Фридрих, 1961, с. 59-60). Далее, Т. В. Гамкрелидзе говорит о существовании теории, «...согласно которой хеттская письменность заимствована у хурритов и является приспособленной к нуждам индоевропейского хеттского языка хурритской системы письма». У истоков этой теории, как указывает автор, стоят Е. А. Speiser, А. Goetze и др. (Гамкрелидзе, 1959, с. 9, 11).

В сокращенном виде эти заимствования выглядят следующим образом: *turri* «табличка (для письма)» < хурр. *turri* < староаккад. *turru* < шум. *dub*.

Шумеро-эламские заимствования терминов письма. Элам – горная страна к северо-востоку от Ниж-

ней Месопотамии. Из новейших исторических материалов следует, что протошумеры и эламиты (протоэламиты) некогда были близкородственным, или даже единым народом.

Историю заселения Нижней Месопотамии И. А. Ладынин и А. И. Немировский описывают следующим образом. Примерно в VIII-VII тыс. до н.э. часть земледельческих и скотоводческих племен, носителей т. н. хассунской и более поздней самаррской археологических культур, спустилась с гор Загроса в Месопотамию. Их зона расселения тяготела к Тигру. В VI тыс. до н.э. носители самаррской традиции продвигаются в Нижнюю Месопотамию и заселяют ее вплоть до Персидского залива, построив здесь первые протогорода.

«Самоназвание сложившейся здесь общности пришельцев с севера было, по-видимому, «су» (в науке закрепилось более позднее название этого народа – субареи). Традиция шумеров сохранила глухие воспоминания о том, что субареи были их предшественниками, а впоследствии – симбиотами. Нижнемесопотамские субареи создали особую, так называемую убейдскую археологическую культуру (V – начало IV тысячелетия до н.э.)... С расселением самих субареев эта культура вскоре распространилась на земли от Центрального Загроса через Верхнюю Месопотамию и Сирию к Средиземному морю, а также на северо-восточную Аравию, включая Бахрейн. Вся эта огромная территория вместе с Нижней Месопотамией составила относительно однородную этнокультурную ойкумену субареев, известную позднее под шумерским названием «Субир» («Пространство су»). Нешумерский и несемитский язык Месопотамии, известный по отдельным терминам и именам, встречающимся в шумерских текстах (в науке его называют «прототигридским» и «банано-

вым»), надо считать субарейским. Ему принадлежат имена некоторых древнейших месопотамских божеств» (Ладынин и др., 2004, с. 74-75; см. также Авдиев, 1948, с. 31, 443-444).

Очевидно, что прародина до-шумеров – это те же горы Элама, и судя по всему, протоэламиты и до-шумеры – один и тот же народ⁸.

Говорить о степени дивергенции языков племен, оставшихся проживать на горах Загроса, или покинувших их когда-то на период прихода шумеров, а также и в последующую шумерскую эпоху, не приходится по причине пробелов в изучении протошумерского и протоэламского языков. Остается только надеяться, что в будущем этот пробел историками и лингвистами будет восполнен.

Согласно И. А. Ладынину, «Формирование единого шумерского этноса на территории Нижней Месопотамии разорвало субарейскую ойкумену на две части: северомесопотамско-загросский регион Субарту и небольшую страну Субар у границ Элама. На рубеже III-II тыс. до н.э. субареев Субарту ассимилировали их северо-восточные соседи хурриты, а приэламские «люди су» слились тогда же с эламитами» (Ладынин и др., 2004, с. 75-76). Не отрицая наличия процессов ассимиляции и слияний этносов, упомянутых автором, мы все-таки полагаем, что речь может идти о процессах, проистекавших внутри единой восточнокавказской (нахско-дагестанской) языковой общности.

Видимо, сообразуясь с выводами такого характера, некоторые из историков не склонны разделять субареев

⁸Это исторический факт, имеющий в настоящее время не очень много сторонников. Бесспорно, это заявление нуждается в комплексном подходе и требует дополнительных подтверждений ряда исторических наук, таких, как археология, антропология, компаративистика и др.

и хурритов. «Термин «субарей» рассматривается [одними исследователями] как синоним слова «хуррит» (термин «субарей» встречается преимущественно в аккадских текстах, «хуррит» и т.п. – в хурритских, в том числе и аккадоязычных, а также в хеттских, древнееврейских)», – писал И. М. Дьяконов (Дьяконов, 1967, с. 113). В этой же работе автор говорит, что «... имеются серьезные доводы в пользу родства хурритского и урартского с северовостокавказскими языками языками, с которыми они, возможно, составляют одну «восточнокавказскую общность» (Дьяконов, 1967, с. 23). И уже в конце 80-ых годов XX века И. М. Дьяконов и С. А. Старостин окончательно приходят к выводу, что близкое родство между хуррито-урартскими и восточнокавказскими языками можно считать установленным (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 164-165, 203-204).

Не разделяют субареев и хурритов и письменные традиции древних народов, считая, что они по сути два названия одного и того же этноса. В этой связи для нас примечательно высказывание немецкого исследователя В. Хинца относительно этнического родства эламитов и людей *su*: «...Эламиты, по-видимому, имели какие-то общие черты с граничащими на северо-востоке горными племенами луллубеев и так называемыми людьми *su*» (Хинц, 1977, с. 17). На той же странице редактор поясняет, что «возможно, ...племена *su*, *subari* являются родственными племенами, этнически близкими к эламитам».

В. И. Авдиев также утверждает, что «касситы, луллубеи, эламиты и примыкавшие к ним гутии принадлежали к исконному населению Передней Азии и были родственны урартам, протохеттам, субарейцам и хурритам. В частности язык эламитов целый ряд ученых и главным образом академик Н. Я. Марр относят к группе

яфетических языков (Авдиев, 1948, с. 445; см. также Марр, с. 218, 291, 310).

По-эламски, одному из ныне мертвых языков Передней Азии, *tube // tupi // turpi, turpi-me* означало «глиняная табличка», «надпись», «документ», «письменность» (см. ниже), а писец назывался *tepir (menip)* (Дьяконов, 1967, с. 96, 447; Хинц, 1977, с. 83-84). Эламиты обладали своей письменностью и они, как и шумеры, писали на глине. Шумер и Элам имели давние этнокультурные связи, зарождение письма и его эволюция в обеих странах, до определенного периода, происходила синхронно и аналогично. По сообщению А. А. Вайман, протоэламское письмо, несомненно, было создано самостоятельно, но под непосредственным влиянием поздней протошумерской письменности (Вайман, 1972, с. 124; Фридрих, 1979, с. 72, 76-77; Фридрих, 1961, с. 59; Дьяконов, 1979, с. 37; см. также Хачикян, 2010г, с. 96-97).

Гельб И. Е. по этому поводу пишет: «Как бы то ни было, но применительно к протоэламским надписям говорить о независимом происхождении трудно. Элам находился так близко от Шумера и на протяжении всей своей истории так сильно зависел от своего западного соседа в культурном отношении, что вывод о возникновении протоэламского письма под стимулирующим воздействием шумерского почти неизбежен» (Гельб, 1982, с. 205). И. М. Дьяконов также полагает, что протоэламское письмо тяготеет к месопотамским письменностям (Дьяконов, с. 1967, с. 301).

Начиная с III тысячелетия до н.э. в Эламе устанавливается иероглифическая письменность. Впоследствии, начиная с XXIII в. до н. э., утверждается клинопись шумерского образца, которая применялась вплоть до падения государства Элам (Хачикян, 2010г, с. 97-98; Козлова и др., 2010, с. 212-213).

И. М. Дьяконов относит среднеэламское *turī, turri-te* «надпись» имеющий тот же корень, что и *тепир*, к заимствованиям из аккадского: *turī, turri-te* «надпись» < аккад. *turri(t)* «таблетка» < шум *dub* (Дьяконов, 1967, с. 96; Дьяконов, 1979, с. 39-42).

[*Turrite* (*turri* – надпись, *-te* – суффикс, придающий слову абстрактное значение). По мнению В. Хинца, указанное слово следует перевести как «письменность». В некоторых эламских текстах термин *tippite* в контексте имеет значение просто «надпись», «документ» (см. Дандамаев, Луконин, 1980, с. 267)].

По поводу связи протоэламской письменности с протошумерской И. М. Дьяконов отмечал, что «...древнейшие эламские хозяйственные тексты на глиняных плитках («таблетках») написаны особым линейно-иероглифическим, до сих пор не дешифрованным письмом, по типу очень близким к шумерскому письму эпохи Джемдет-Наср (3300-3100 гг. до н. э.). Однако оно не современно не этим, еще также рисуночным и линейным шумерским письмам, а текстам шумерского раннединастического периода (2700-2400г.г. до н.э.), когда уже применялась клинопись словесно-слоговой типа. Поэтому эламская иероглифика едва ли может быть прямым ответвлением шумерской, хотя ее создатели, несомненно, знали о существовании и, может быть, о принципах шумерской письменности и тем самым, конечно, испытывали ее косвенное влияние» (Дьяконов, 1967, с. 88; см. также Хинц, 1977, с. 25-27).

Из вышеизложенного следует, что на основе этого материала невозможно прийти к единому мнению по поводу происхождения эламского термина *turī*. С одной стороны, если полагаться на тот факт, что клинопись в Эламе и в Южном Двуречье зародилась в бытность этнической однородности этих областей, можно заклю-

чить, что этот термин ввиду родства языков имел равное право на существование как в эламском, так и в шумерском языках.

С другой стороны, мы не можем не считаться с авторитетным мнением И. М. Дьяконова о том, что термин *turri* был заимствован эламитами посредством аккадского языка (Дьяконов, 1979, 39). Надеемся, что новые исследования в этой области эламского языка внесут ясность в этот вопрос.

Шумеро-эламо-персидские заимствования терминов письма. Крито-микенские и древнегреческие заимствования терминов письма с востока. Бехистунская надпись, которая считается древнейшим древнеперсидским эпиграфическим памятником, была написана на трех различных языках: эламском, аккадском и персидском (арийском). Каждому из этих языков соответствует своя система клинописи. В этой надписи эламскому слову *turri-me* «писание (надпись)» соответствует древнеперсидское слово *dipi* с тем же значением. Согласно М. А. Дандамаеву, оба термина восходят к аккадскому *turpi* «глиняная табличка», «документ», «письмо», заимствованному в свою очередь из шумерского языка (Дандамаев, 1963, с. 32-33; см. также Гельб, 1982, с. 216). В дальнейшем от термина *dipi* в персидском языке образовывались новые слова, которые имели отличные от исходного варианта значения. Рассмотрим их ниже.

Для полноты картины изложим краткую историю появления и оседания персов на территории Элама. Кочевые племена ираноариев появились на Иранском нагорье в IX в. до н. э. Часть из них оседает в эламской провинции Аншана, впоследствии Парса (от *pars-*,

parsav- – «бок», «ребро» со значением окраина, крайна: по И. М. Дьяконову, 1967, с. 90-91, т. е. «крайняя земля»). Со временем название этой области становится этническим именем пришельцев, которые стали именоваться персами (в надписях – парсуа). На протяжении более трех веков персы являлись составной частью населения Элама. Со временем на этой территории сложился прочный союз персидских племен, который в борьбе с ассирийцами и мидянами растет и крепнет. В середине VI до н. э. образуется большое Персидское государство с центром в Парсе. Элам становится частью этого государства (см.: Ладынин и др., 2004, с. 147; Авдиев, 1948, с. 453-454; Дандамаев, 1971, с. 94).

Если возникновение и становление культуры и государства Элам носит эволюционный характер, то Персидская держава, в отличие от него, изначально освоила и вобрала в себя чуждую ей культуру (и социальные институты), а значит, персидский язык неминуемо должен был усвоить и заимствовать терминологию, связанную с этой культурой. Тому есть немало свидетельств, и одно из них – тексты Авесты, которые сложились до прихода ираноариев в эламскую область Парсу (Персиду). Специалистами отмечается, что в Авесте, священной книге зороастрийцев, отсутствуют всякие упоминания о деньгах, налоговой системе, почтовых дорогах, административном устройстве и о других развитых социальных атрибутах. В целом материальная культура Авесты архаична, она не знает железо, городской жизни и крупных государственных образований (Аверинцев и др., 1989, с. 150; Дьяконов, 2012, с. 52).

Касаясь отрицания некоторыми западноевропейскими учеными историко-культурной роли переднеазиатских аборигенных народов и преувеличения роли обос-

новавшихся здесь кочевых индоевропейских племен, И. М. Дьяконов справедливо замечает, что «...на ее территории (Мидии) уже существовала высокая культура и развитая государственность до прихода кочевников-индоевропейцев (например, в государстве Манна), что не могло не оказать влияния на историческую эволюцию самих пришельцев, стоящих на более низком уровне развития» (Дьяконов, 2012, с. 81-82). Это замечание в равной мере касается культурных взаимоотношений эламитов и персов, в частности, заимствований персами эламской терминологии письменности.

Древнеиранская сословно-кастовая система в сасанидское время (III-VII в.в. н. э.), в числе прочих включала и сословие писцов – *дипиран* // *диперан*, которая представляла собой гражданских чиновников – бюрократию. Во главе их стоял *дипирпат* // *диперпат* // *дебирбед* – начальник шахской канцелярии (История Ирана, 1977, с. 109; Дьяконов, 1961, с. 289, 291). Последний из терминов в конечном итоге представляет собой билингву: из заимствованного ср.-перс. *дипир*- (< элам. *terir* < шумер. *dub*) и исконно ср.-перс. *-пат* (*pati*) «глава», «хозяин», «господин», «начальник (над рабами)» (Расторгуева, Эдельман, 2003, с. 215, 230, 293, 326). Ср. др.-перс. **dāna* «дом», «вместилище»; ...др.-перс. *ара-dāna* «дворец»... > кл.-перс. *ayvān* (**apa-dāna*- > **aβdān* > **ayvān*). При этом в кл. перс. *divān* «канцелярия»; «сборник стихов»; < **diβ-dān* «вместилище писаний», образованного в раннем ср.-перс... из **dipi-dāna* «дом табличек; архив» (ср. аккад. *bīt tuppī* «дом табличек») > **diβ-dān* > **diwyan* > *diwan* (Расторгуева, Эдельман, 2003, с. 429).

В средневековых памятниках письменности на новоперсидском языке слово *диван* приобретает новые

значения. За ним, как и в былые времена, сохраняется обозначение шахской канцелярии. С административной ролью канцелярии и составлением официальных документов связано переосмысление этого слова и приобретение им новых значений. Прежде всего, диван, это – «царский совет, собрание высших сановников». По всей видимости, от значения «собрание» произошло и распространенное наименование сборника поэтических произведений – *диван*. Кроме того, *диван* это – рукопись; рукопись, содержащая стихотворный текст; литературные тексты; тетрадь заседавших в диване; книга ежедневных приходов и расходов (Акимускин, 1984, с. 50, 149-150, 231; Персидская классика..., 2005, с. 824). Вероятно, с копированием персидской системы административного устройства связано заимствование наименований государственных учреждений в средние века соседними народами. Так, в Восточносельджукском государстве (современный Туркменистан) в XI-XII вв. н. э. разного рода государственных учреждения именуются *диванами* (например, *диван-и тугра*, *диван-и истифа* и др.). Значительную массу служащих этих официальных учреждений составляли дабиры или катибы. Они выполняли функции секретарей, переписчиков, составителей писем и официальных бумаг (Агаджанов, 1973, с. 78-80, 105).

Следующим наглядным примером того, как при «путешествии» во времени и в языках может меняться графический облик, а также значение культурного термина (но сохраняя при этом легко угадываемую связь с архетипом), является курдское слово *tîr* «буква», **которое** Р. Л. Цаболов выводит из др.- перс. *dipi*- «письмо», «надпись» через эламское *tîppi*, ранее *tuppi* «надпись» из шумерского *dub*. Автор считает, что курдскому варианту *tîr* тождественно

pīt «буква» из тюркского источника, из которого курдский мог его заимствовать (Цаболов, 2001, с. 354).

К этому ряду можно причислить курд. *îārî* «акт», «документ», «право»; «форма владения собственностью»; «арендная плата», который Р. Л. Цаболов склонен выводить из турецкого *taru* «купчая крепость» (Цаболов, 2001, с. 396). [Ср. тюрк. *pit, pidi, bit, bitî* «писать» (Цаболов, 2001, с. 121)]⁹

В современном персидском *дафтар* («тетрадь»; «канцелярия», «офис») (Восканян, 2008; Иванов, Гладкова, 2004, с. 293) и в ср.-перс. *дипиран*, *дипирнат* усматриваются созвучия и схожая корнеоснова. Нельзя обойти стороной и факт принадлежности этих терминов к области письменной терминологии. Но и различия между ними очень существенны. Замену фонемы [n] на [φ] мы можем приписать влиянию арабского языка. Объяснить происхождение второго слога из слова

⁹ Косвенное отношение к данной теме имеет и следующая информация. На персидском языке *топе* (тюрк. *tana*; варианты: *тепе*, *тюбе*, *депе* – «зольный холм»; «вершина, бугор, холм») глиняный холм. Этим термином называют глиняные холмы, образовавшиеся в результате длительного накопления остатков древних поселений (Восканян, 2008, с. 770; СИГТЯ, 2006, с. 138, 142, 155; БЭС, 1993; Распопова, Шишкина, 1999, с. 53, 63). Такие холмы *топе* (*тепе*) разбросаны по многим областям современного Ирана (Тепе-Гиян, Тепе-Сиалк, Тюренг-Тепе, Шах-Тепе и др.) (Дьяконов, 1961, с. 9-10) и Средней Азии (Муллали-Депе, Алтын-Депе, Намазга-Депе, Улуг-Депе, и др.) (Массон, Сарияниди, 1972, с. 13, 32). Думается, термин *топе* заимствован персами непосредственно из эламского, или, из какого-либо восточнокавказского языка. Тюркоязычные народы Средней Азии могли усвоить его из хурритского, посредством хорезмского или персидского языков. Отдельные исследования в этом направлении могли бы внести ясность в установление того языка-первоисточника, к которому это слово принадлежало.

дафтар путем сравнительного метода настоящих терминов не представляется возможным. Попытаемся восполнить этот пробел и установить этимологию термина *дафтар*¹⁰.

Кроме глиняных табличек и папируса народам Востока был известен и другой материал для письма – кожа. [В параграфе 70 Бехистунской надписи Дарий заявляет: «*Это – моя надпись, [которую] я сделал. [Она] и на арийском [языке] была, и на глиняных табличках, и на коже [...была]*». Соответствующее место эламского варианта переводится: «*Я писание (или надпись) другого рода сделал по-арийски, которого прежде не было, и на необожженных глиняных табличках и на коже*» (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 267; Дандамаев, 1963, с. 32).] По свидетельству греческого историка V в. до н. э. Ктесия Книдского, который около двух десятков лет прожил во дворце персидского царя Артаксеркса II, кожа в это время издавна употреблялась у персов в качестве писчего материала (*diphthera*) (Лурье, 1993, с. 640-641). Принято считать, что отсюда она под названием *дифтер* (*διφθέρα*) перешла в Грецию. См. греч.: *διφτέρα*, *η*, выделанная шкура, кожа; вооб. все, сделанное из шкуры

¹⁰ Вероятно, из персидского языка эти термины были заимствованы в нахско-дагестанские языки.

В частности, в аварском языке *дебир* (мулла) – это лицо, надзирающее за исполнением религиозных обрядов (Львов, 1992, с. 2). Современное аварск. *дибир* «сельский мулла»; «имя личное» (Алексеев, Атаев, 1997, с. 40). В других источниках – *дибир* – лицо, надзирающее за исполнением норм шариата. В некоторых диалектах и говорах даргинского и агульских языков *дафтар* // *табтар* «книга» (Бернард Комри, Халилов, 2010, с.782).

В ингушском и чеченском языках *тептар* «журнал» (уст.), «книга» (уст.) (Ингушко-русский словарь, 2009; Мациев, 2000). Термин *дибир* в ингушском языке сохранился в виде устаревшего личного имени.]

или кожи: 1) одежда из шкур, тулуп. 2) кожаная сумка, мешок. 3) крышка шатра из шкур. 4) род пергамента, на котором первоначально писали (Вейсман, 1991). Вероятно, Ктесий был по-своему прав, утверждая о заимствовании персидского термина, так как в греческом лексиконе имеется его эквивалент названия кожи – *δέρμα*. См.: греч. *δέρμα*, *τος*, *το* (*δέρω*) кожа, шкура. б) кожаный мех; *δερματινός*, кожаный (Вейсман, 1991). Лексема *δέρμα*, в отличие от *διφτερα*, имеет прочные этимологические связи почти со всеми индоевропейскими языками и восходит к санскриту. Этот немаловажный факт дает нам достаточную уверенность относить его к исконной греческой лексике, а слово *διφτερα* пока временно считать заимствованием из персидского языка. При более углубленном изучении вопроса выясняется, что история этого заимствования имеет более сложный характер, чем это представлялось Ктесию, а именно: Ктесий, по всей видимости, сам того не предполагая, упоминает о вторичном заимствовании этого термина греками. При ознакомлении с крито-микенскими письменными памятниками, относящимся к концу XIII – началу XII в. в. до н.э., выявляется, что термин *διφτερα* уже в тот отдаленный период применялся в микенской Греции в качестве названия писчего материала. Этот факт особенно важен для нашего исследования, так как на острове Крит, и на материковой части Греции основным писчим материалом являлась табличка из глины.

Вероятно, навыки письменности были изначально занесены на Крит из Передней Азии, и отсюда вместе с критской письменностью, слово *διφτερα* попало на территорию материковой части Греции. Какой из переднеазиатских народов явился посредником передачи навыков письменности на о. Крит, и при каких обстоятельствах свершилось это событие? По утверждению

Дж. П. Мэллори, самые ранние письменные памятники Крита свидетельствуют о том, что хурритский язык предшествовал крито-микенскому, или же эти языки сосуществовали на острове (Дж. Мэллори, 1997. Электронный ресурс: <http://www.philology.ru/linguistics3/mellory-97.htm>). Г. Вильхельм отмечает, что острова Кипр и Крит были связаны с культурой хурритов – этим посредническим звеном между Западным и Восточным Средиземноморьем (Вильхельм. Электронный ресурс: <http://svitoc.ru/index.php?showtopic=1105>). Я. А. Ленцман подтверждает, что «...характер и форма записей в пилосских и кносских текстах находит многие аналогии в различных ближневосточных табличках» (Ленцман, 1963, с. 143). По свидетельству А.А. Молчанова, в древнегреческом языке II тыс. до н.э. обнаруживаются культурные миграционные термины из древнеегипетского, хаттского, хурритского, семитских языков (Молчанов, 1987, с. 79-80).

Период жизни Ктесия Книдского от крито-микенского периода (формирование микенской культуры относится к 1700 г. до н. э. и заканчивается 1200 г. до н.э.) истории древней Греции отделяют многие века. С XIII в. до н. э. и до VI в. до н. э. длится архаическая эпоха, период так называемых «темных веков» истории Греции (это период культурной деградации и, в частности, утери греками письменности). С VI в. до н.э. начинается классический период истории, в течение которого Греция возродилась на новой культурной основе (Немировский, 2000, с. 46-53, 56-59, 65-67, 91; Античная Греция. Т. 1, 1983, с. 114-123, 128; Ладынин и др., 2004, с. 193-194). Древняя письменность окончательно была предана забвению и новая зародилась уже на другой основе, и, что вполне естественно, материал для письма теперь был совершенно другим (Яйленко, 1990, с. 224-

225; Славятинская, 2003, с. 476). Чтобы не быть голословным, обратимся непосредственно к крито-микенским текстам.

Так, в тексте Un219 крито-микенских надписей, как отмечает Лурье С. Я., «слово διφθεράφορος читается не в списке ремесленников, а в списке должностных лиц. Однако в древнейшем греческом языке слово διφθέρα вовсе не означало «кожа», а означало «дощечка», «табличка для письма». У Гесихия (VI в. до н. э.): διψάρα· δέλτος· οἱ δὲ διφθέρα· διφθέρα· δέρμα ... δέλτος· γραμματίκων. «дипсара: дощечка, иначе – дифтера. Дифтера: кожа, дощечка, письмо». Ср. Plut. Aetia Graeca, 2,297A: χαλκαὶ διφθέραι «медные дифтеры». Лишь впоследствии, когда стали писать на коже, слово получило значение «кожа» (Лурье, 1957, с. 232-233, 349, 368). Крито-микенское διψάρα (дипсара) очень напоминает шум. *dubsar* (> аккад. *tuppsarru(m)*) «писец». Однозначно, первоисточником для крито-микенского διψάρα послужил шум. *dubsar*. Каким образом название писца на шумерском языке в процессе его заимствования преобразовалось в крито-микенское название писчего материала, и каким образом потом διψάρα преобразовалось в διφθέρα, признаться, нам не удалось выяснить. Ясно только одно, что этот переход осуществился на древнегреческой почве.

Наше предположение о возможном заимствовании крито-микенцами терминов письма с востока согласуется с выводами ряда авторов о существовании во II тыс. до н.э. тесных этнокультурных связей между крито-микенским миром и его восточными соседями. Так например, по утверждению Вяч. Вс. Иванова, «...Греция и весь Эгейский мир составляли по существу часть культурно-языкового ареала Древнего Ближнего Востока» (Иванов, 1977, с. 3, 31-39; см. также Ленцман,

1963, с. 141-143). По мнению автора, это положение имеет исключительное значение не только для истории греческого языка и материальной культуры, но и для исследования истоков греческой мифологии и эпоса, испытавших глубокое воздействие хурритских мифологических поэм¹¹.

Таким образом, выясняется, что термин διφθέρα крито-микенского происхождения и что в форме *дафтар* заимствован персами у древних греков. В дальнейшем из персидского языка термин *дафтар* был заимствован другими народами Азии и Восточной Европы. Это заимствование было обусловлено долгими контактами персидского языка с тюркскими языками, посредством которых термин получил дальнейшее распространение (Грантовский, 2007, с. 5-6).

¹¹ Для нас представляет некоторый интерес исторический факт, связанный с возникновением нового названия писчего материала из кожи – пергамента (пергамена). Согласно Плинию (XIII, 68), во II в. до н. э. египетские цари, желая поддержать книжное богатство Александрийской библиотеки, нашедшей себе соперницу в лице Пергамской в Малой Азии, запретили вывоз папируса за пределы Египта. Тогда в Пергаме для нужд городской библиотеки наладили изготовление нового вида писчего материала из тонко выделанной кожи животных. Изначально он носил название *δέρμα* «кожа, шкура», *σομάτιον* «телесный, плотский». Позднее, по месту главного производства, стал называться *περγαμινή* (у римлян *membrana*, с IV в. н.э. – *pergamena*) (Словарь античности, 1994; Вейсман, 1991; Славятинская, 2003, с. 15). В средние века термин *pergamen* был заимствован в европейские языки.

В связи с исследуемой темой, этимология *пергамен(т)а* представляет для нас немалый интерес. См.: *Περύασιον*, то, об. та *περύασι* = *ακρόπολις*, кремль, крепость; об. о Трое: *περύασις Τροίας*, тап Троиа *περύασις*, то Приάσιον *περύασιον* крепость Трои, Пергам. – *Περγάσιος*, η, 1) эп. Пергам, Троя. 2) город Мизии в Малой Азии (также *Περγάσιον*, то) (Вейсман, 1991). (Ср. *Περγάσινοι*, οι, Пергамцы < Таргим – топоним в горной Ингушетии < Таргамос – эпоним кавказских народов) (Мровели Леонти, 1979, с. 21-25).

В средние века термин *дафтар* был в употреблении и в русском языке. М. Фасмер считает, что источником всех этих заимствований является греч. *διφτερα*. См.: русск. *дефтер*, *девтер* «ханская налоговая грамота, счетная книга», часто в XIV-XV вв. Заимствован из тур., азерб. *daftar* «реестр, счетная книга» (также араб., перс.), источником которых является греч. *διφτερα* «кожа, книга, акт, грамота» (Фасмер, т. I. 1986, с. 509; см. также Срезневский, 1989, т.1, ч. 1, с. 661). В других языках этот термин представлен в следующих значениях: тадж. *daftar*, тетрадь, памятная книга (Колонтаров, 2008); узбек. тетрадь; книга, книжка (для каких-либо записей) (Карманный русско-узбекский словарь, 1899); казах. *дәптер* «тетрадь» (Казахско-русский, русско-казахский словарь, 2002). Далее, татар., уйгур. *täptär* «книга», тур. *täftär* «книжка, запись», тур., азерб. *däftär* «реестр, тетрадь» (Фасмер, 1987).

В средние века термин *daftar* с незначительными изменениями был заимствован монголами. *Алтан дәптэр* («Золотая книга») – монгольязычный исторический источник эпохи монгольской империи (Бартольд, 1968, с. 168, 254). Список этих заимствований очень значительный, и его можно существенно дополнить.

К ахеменидскому времени (VII-IV вв. до н. э.) относятся и заимствования многих древнеиранских слов санскритом. Среди прочих заимствованных санскритом культурных терминов особый интерес для нас представляет санскритское *dipi* – «письмо», восходящее к эламскому и шумерскому эквивалентам (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 285).

В начале XIX в. слово *дифтера* в качестве названия болезни вошло в европейскую медицинскую терминологию. Дифтерит – тяжелая заразная, преимущественно детская болезнь, характеризующаяся острым воспалени-

ем слизистых оболочек некоторых органов. Укр. *дифтерит*, *дифтерия*; блр. *дыфтэрыт*, *дыфтэрыя*; болг. *дифтерит*, *дифтерия*; с.-хор. *дифтерија*; чеш. *difterie*; польск. *dyfterie*. В русском языке слово *дифтерит*, как медицинский термин, известно с середины XIX в. Оно заимствовано из западноевропейских языков. Ср. фр. (с 1855г.) *diphtherie* (старшая форма *diphtherite* известна с 1821г.); нем. *diphtheritis*, *diphtherie*; англ. *diphtheria*; ит. *difterite* и др. Позднее образование от греческого *διφθερα* – «снятая кожа», «пергамент». Ср. у Михельсона 1865г., 202: *дифтера* – «пергамент» (Черных, т. I., 1999).

Касаюсь злободневной темы о так называемых языковых заимствованиях в кавказских языках, в частности персизмов, уместно напомнить тот факт, что изначально индоевропейцы в целом, впоследствии и ираноарийцы, по отношению к иберийско-кавказским языкам явились заимствующей стороной (см. Старостин, 1988, с. 152-154; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 115-116).

Напомним читателю, что в начальный период персидского государства царские документы составлялись на эламском языке с применением эламской клинописи, и уже только впоследствии они стали дву- и трехязычными. В последующие времена эламские писцы *тепирь* явились составителями клинописи для древнеперсидского языка (Фридрих, 1961, с. 59, 63, 190-191; Фридрих, 1979, с. 123-126; Гельб, 1982, с. 168-170; Дьяконов, 1961, с. 120-121; Дандамаев, Луконин, 1980, с. 274).

Взаимопроникновение эламской и персидской культур обусловило освоение языков друг друга. Этот факт отмечают исследователи иранской культуры: «По крайней мере, в ряде областей эламиты достаточно свободно говорили по-древнеперсидски... Наряду с этим многие персы знали эламский язык и могли без переводчиков общаться с эламитами» (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 282).

Присущее древним полиглотство (знание нескольких языков) как нельзя лучше отображается в «Гимне Шульги», герой которого утверждает: «...при осаде крепости в Эламе я легко понимаю, что говорит их представитель. По рождению я сын Шумера, герой, герой Шумера. В-третьих, я могу вести разговор с человеком из черной страны (Мелуххи). В-четвертых, я могу быть переводчиком аморея, человека гор... сам могу исправлять искаженные слова в его языке. В-пятых, когда вопит человек Субира... я могу разбирать слова в его языке...» (Архипов, 2002, с. 89).

Миграция культурных терминов зачастую носит одновременно сложный, загадочный и непредсказуемый характер. А ведь история нашего термина, думается, началась с очень простой, обыденной вещи. Ныне мы с вами можем только строить догадки о том, что более шести тысяч лет тому назад, где-то в долине великих рек Тигра и Евфрата, некий безвестный пастух или земледелец, взяв сырую глину в руки (а она здесь всегда была под рукой), слегка помяв ее в руках и кое-как выровняв поверхность, слепил из нее подобие таблички. Острым предметом, дабы не забыть счет, он нанес на табличку контурные изображения овец или сосудов с зерном. Этим неприятзательным действием наш труженик положил начало письменности у человечества (см. Гельб, 1983, с. 69; Къера, 1984, с. 31). И этот человек никак не мог предугадать, какое продолжение получит его незамысловатое действие и, тем более, свою причастность к зарождению письменности. Но шаг, сделанный им, как видим, оказался разумным.

В толковом словаре русского языка мы находим, что слово *папка* это: 1) род загибающейся с краёв обложки, в которую вкладываются бумаги, рисунки; папка для

дел: картонная, кожаная папка; папка с завязками (Ожегов, Шведова, 2006; см. также ЭСРЯ, 2005).

По истечении почти пяти с половиной тысяча лет, пройдя через языки многих народов и став неотъемлемой частью их лексикона, слово *tonnar* // *ponnar* «глина» сегодня возвратилось обратно в обиходную лексику нашего языка в виде названия самой обыденной вещи – папки. Сложная судьба этого слова оказалась на многие тысячелетия неразрывно связанной с письменной культурой многих народов мира.

Использованная литература

1. Авдиев В. И. История Древнего Востока. ОГИЗ: 1948.
2. Аверинцев С. С., Алексеев В. П., Ардзинба В. Г. и др. Древние цивилизации. М., 1989.
3. Агаджанов С. Г. Сельджукиды и Туркмения в XI-XII вв. Ашхабад, 1973.
4. Азимов А. Ближний Восток. История десяти тысячелетий. М., 2002.
5. Акимускин О. Ф. Очерки истории культуры средневекового Ирана. Письменность и литература. М., 1984.
6. Алексеев М. Е., Атаев Б. М. Аварский язык. М., 1997.
7. Античная Греция. Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983.
8. Архипов И. С. Топоним «Субир/Субарту» в Месопотамии III- первой половины II тыс. до н.э. // ВДИ, №4 (243), 2002.
9. Афанасьева В. К. Шумерская культура // История древнего мира. Кн. 1. Ранняя древность. М., 1983.
10. Бадж Э. А. У. Египетская книга мертвых. СПб., 2011.

11. Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Т. V. М., 1968.
12. Бернард Комри, Маджид Халилов. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. Лейпциг-Махачкала, 2010.
13. Большой энциклопедический словарь. Языковедение. М., 1998.
14. Большой энциклопедический словарь. Гл. редактор А. М. Прохоров. М., СПб., 1993.
15. Вайман А. А. О связи протоэламской письменности с протошумерской // ВДИ, №3(121), 1972.
16. Вайман А. А. О протошумерской письменности // Тайны древних письмен. Проблема дешифровки. Сборник статей. М., 1976.
17. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899. М., 1991.
18. Вильхельм Г. Древний народ хурриты. Очерки истории и культуры. Электронный ресурс: <http://svitoc.ru/index.php?showtopic=1105>.
19. Восканян Г. А. Русско-персидский словарь. М., 2008.
20. Гамкрелидзе Т. В. Клинописная система аккадо-хеттской группы и вопрос о происхождении хеттской письменности // ВДИ, 1959, №1.
21. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления // ВДИ, 1984, №2.
22. Гельб И. Е. Опыт изучения письма. (Основы грамматики). М., 1982.
23. Гиреев В. Ю. Новые явления в области морфологии вайнахских литературных языков (20-30-е годы) // Вопросы вайнахской морфологии. Грозный, 1983.
24. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007.

25. Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.). М., 1963.
26. Дандамаев М. А. Ахеменидское государство и его значение в истории древнего Востока // История Иранского государства и культуры (к 2500-летию Иранского государства). М., 1971..
27. Дандамаев М. А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.
28. Дешериев Ю. К вопросу о генезисе категории грамматических классов и тенденции ее развития // Категория грамматических классов в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1989.
29. Дешериев Ю. Д., Дешериева Т. И. Ингушский язык // Языки мира. Кавказские языки. М., 2001.
30. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. М., 2006.
31. Дж. П. Мэллори. Индоевропейские прародины // ВДИ, 1997, № 1. Электронный ресурс: <http://www.philology.ru/linguistics3/mellory-97.htm>. Дата обращения 28.08.2020.
32. Доблхофер Е., Фридрих И. История письма: Эволюция письменности от Древнего Египта до наших дней. М., СПб., 2002.
33. Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967.
34. Дьяконов И. М. Протошумерские иероглифы // Тайны древних письмен. Проблема дешифровки. Сборник статей. М., 1976.
35. Дьяконов И. М. Эламский язык // Языки Азии и Африки. Т. III. М., 1979.
36. Дьяконов И. М. Города-государства Шумера // История древнего мира. Кн. 1. Ранняя древность. М., 1983.

37. Дьяконов И. М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
38. Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен и до конца IV в. до н. э. I книга. М., 2012.
39. Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
40. Иванов Вяч. Вс. Древние культурные связи и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
41. Иванов Вяч. Вс. История названий металлов. М., 1983.
42. Иванов Вяч. Вс. Хеттский язык. М., 2001.
43. Иванов В. Б., Гладкова Е. Л. Учебник персидского языка. Ч. II. М., 2004.
44. Ингушко-русский словарь. Нальчик, 2009.
45. История Древнего Востока. М., 2001.
46. История Ирана. М., 1977.
47. Казахско-русский, русско-казахский словарь. Алматы, 2002.
48. Канева И. Т., Козлова Н. В. Шумерский язык // Языки мира. Древние реликтовые языки Передней Азии. М., 2010.
49. Канева И. Т. Шумерский язык. СПб., 2006.
50. Карманный русско-узбекский словарь. Самарканд, 1899.
51. Касьян А. С., Сидельцев А. В. Хеттский язык // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М., 2013.
52. Коган Л. Е., Лёзов С. В. Аккадский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северо-западносемитские языки. М., 2009.

53. Козлова Н. В., Касьян А. С., Коряков Ю. Б. Клинопись // Языки мира. Древние реликтовые языки Передней Азии. М., 2010.
54. Колонтаров Я. Новый русско-таджикский словарь. Душанбе, 2008.
55. Коряков Ю. Б. Древние реликтовые языки Передней Азии // Языки мира. Древние реликтовые языки Передней Азии. М., 2010.
56. Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991.
57. Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на Земле. М., 2002.
58. Кьера Э. Они писали на глине. М., 1984.
59. Ладынин И. А. и др. История древнего мира: Восток, Греция, Рим. М., 2004.
60. Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.
61. Липин Л. А. Аккадский язык. М., 1964.
62. Липин Л. А. Словарь шумеро-аккадского языка. Электронный ресурс: <http://khazarzar.skeptik.net/books/index.htm>. Дата обращения: 15.08.2020 г.
63. Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М., Л., 1957.
64. Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени, с. 2 // Сборник сведений о кавказских горах. Выпуск III. Тифлис. 1970. М., Репринтное издание 1992.
65. Марр Н. Я. Избранные работы. Т.I. Этапы развития яфетической теории. Л., 1933.
66. Массон В. М. Первые земледельцы Месопотамии (К проблеме происхождения) // ВДИ №3 (117), 1971.
67. Массон В.М., Сарияниди В. И. Каракумы: заря цивилизации. М., 1972.

68. Мациев А. Г. Чеченско-русский словарь. М., 2000.
69. Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи (указатель) // ВДИ, №1(47), 1954.
70. Молчанов А. А. Минойский язык: проблемы и факты // Античная балканистика. М., 1987.
71. Мровели Леонти. Жизнь Картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа, Дагестана. М., 1979.
72. Немировский А. И. История древнего мира. Античность. Ч. 1. М., 2000.
73. Оздоев И. А. О словообразовании имен существительных в ингушском языке. Основные понятия процессов словообразования // Вопросы вайнахской морфологии. Грозный, 1983.
74. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.
75. Ольдерогге Д. А. Эпигамия. М., 1983.
76. Оппенхейм А. Лео. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1990.
77. Персидская классика поры расцвета. М., 2005.
78. Распопова В. И., Шишкина Г. В. Согд // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.
79. Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. (b-d). М., 2003.
80. Славятинская М. Н. Учебник древнегреческого языка. М., 2003.
81. Словарь античности. М., 1994.
82. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.

83. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. С.-Петербург, 1887.
84. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. II. Л-П. СПб., 1902.
85. Старостин С. А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
86. Старостин С. А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Старостин С. А. Труды по языкознанию. М., 2007.
87. Старостин С. А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и севернокавказскими языками // Старостин С. А. Труды по языкознанию. М., 2007.
88. Тенгиз Гудава. До и после Библии. Шумеро-русский словарь. Ч. первая: А-Л. Электронный ресурс:
<http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html>. Дата обращения: 14. 07. 2020 г.
89. Тенгиз Гудава. До и после Библии. Шумеро-русский словарь. Ч. Вторая: М-Z. Электронный ресурс:
<http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary2.html>. Дата обращения: 14. 07. 2020 г.
90. Тимаев А. Основные принципы распределения имен существительных по грамматическим классам и пути исторического развития современной системы грамматических классов в нахских языках // Категория грамматических классов в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1989.
91. Тураев Б. История Древнего Востока. Мн., 2002.

92. Фалькенштейн А. Архаические тексты из Урука // Тайны древних письмен. Проблема дешифровки. Сборник статей. М., 1976.
93. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1986.
94. Фасмер М.: Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1987.
95. Фасмер М.: Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1987.
96. Фридрих И. История письма. М., 1979.
97. Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961.
98. Хачикян М. Л. Хуррито-урартские языки // Языки мира. Древние реликтовые языки Передней Азии. М., 2010а.
99. Хачикян М. Л. Хурритские языки // Языки мира. Древние реликтовые языки Передней Азии. М., 2010б.
100. Хачикян М. Л. Урартский язык // Языки мира. Древние реликтовые языки Передней Азии. М., 2010в.
101. Хачикян М. Л. Эламский язык // Языки мира. Древние реликтовые языки Передней Азии. М., 2010г.
102. Хинц В. Государство Элам. М., 1977.
103. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I. М., 1999.
104. Цаболов Р. Л. Этимологический словарь курдского языка. Т. I. А-М., 2001.
105. Чикобава Арн. Грамматические классы имен в иберийско-кавказских языках: общие вопросы системы и истории // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. V. Тбилиси, 1978.

106. Этимологический словарь русского языка. Т. II. Составитель А. Преображенский. Т. 2. М., 1910-1914.
107. Этимологический словарь русского языка. Составитель Г. А. Крылов. СПб., 2005.
108. Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990.

Условные сокращения

БЭС – Большой энциклопедический словарь

ВДИ – Вестник древней истории

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков

ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка

Рис. 1. Шумерская школа «эдубба».

Рис. 2. Шумерская глиняная «бухгалтерская табличка»,
3200 год до н.э.

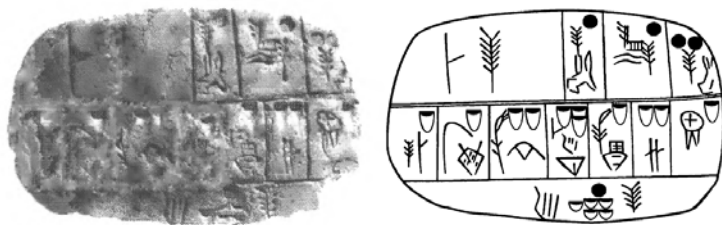

Рис. 3. Табличка NBC 5828 (из Йельской Вавилонской коллекции) с примером употребления числовых знаков. Читается справа налево и сверху вниз (по Гельбу, 1983).

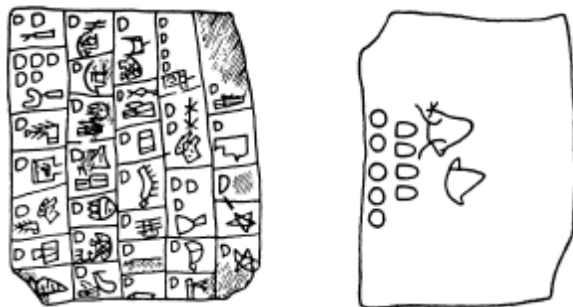

Рис. 4. Учетная табличка из Урука (по Гельбу, 1983).

Рис. 5. Табличка с архаической клинописью.

Рис. 6. Хозяйственный документ из Двуречья. IV тыс. до н.э. (по Жорж Жану, 2005)

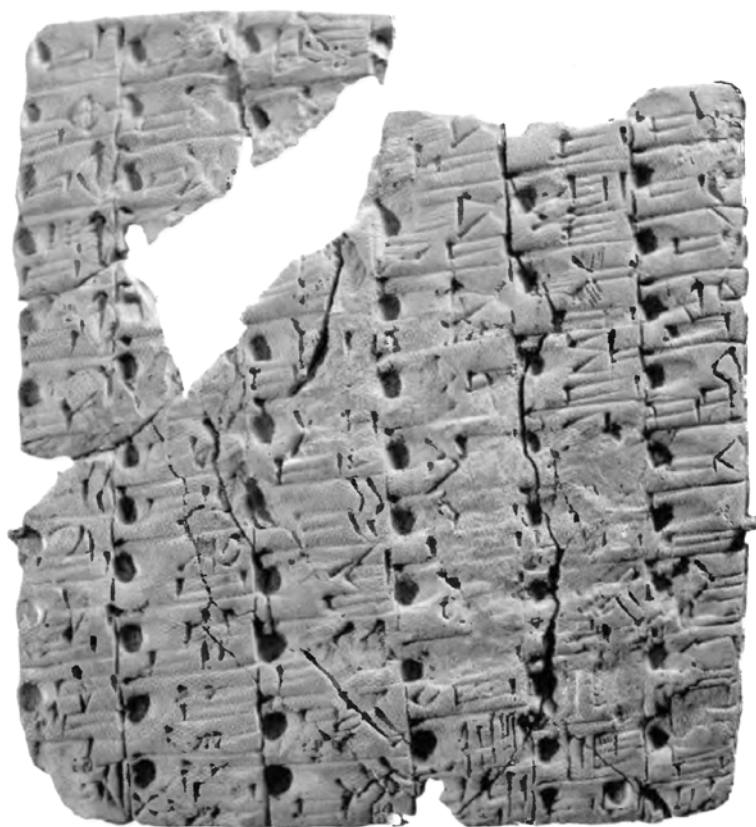

Рис. 7. Счетная табличка. Фрагмент хозяйственной книги. Урук, IV тыс. до н.э. (по Жорж Жану, 2005)

Шумерские названия некоторых звезд (созвездий и иных светил) и их лексические соответствия в ингушском языке

*«Названия космических объектов
одни из самых древних, они могли бы
многое открыть в истории народов Кав-
каза и их языков» (Никонов, 1975, с. 116).*

*«Они небо звездное знали, пути на
земле знали» («Песня Инанны и Думузи»).*

Краткая история изучения звездного неба в Месопотамии в древности. Возникновение астрономов. История изучения звездного неба (Зодиака) – одна из наиболее интересных глав в истории астрономии. Большое внимание к Зодиаку объясняется той огромной ролью, которую эта концепция играла в астрономии, астрологии и культуре на протяжении около трех тысяч лет (Куртик, 2002, с. 76; Ван дер Варден, 1991, с. 13-16, 53-137; Березкин, 2017, с. 14-19; Еремеева, Цицин, 1989, с. 19-56; Николов, Харалампиев, 1991, с. 31-46).

По мнению А. А. Гурштейна и других ученых, названия созвездий обладают такой же высокой степенью устойчивости, как топонимы и гидронимы. Об этом убедительно свидетельствует и сам изучаемый материал – названия и изображения зодиакальных созвездий. Мы располагаем письменными свидетельствами о них за тысячелетия, включающие цивилизацию Древнего Шумера и Древнего Египта, закат месопотамской культуры, античность, эпоху эллинизма, рождение христианства, взлет мусульманства. При всех сменах социокультурного контекста, как внешний облик, так и названия этих созвездий в конечном счете со-

хранялись практически неизменными. Таким образом, мы рассматриваем символику зодиакальных созвездий и их конфигурации на небе в основных чертах неизменными со времени их возникновения (Гурштейн, 1991, с. 57-71; Гурштейн, 1995, с. 157; Гурштейн, 1994, с. 60-64, 69-71; Березкин, 2017, с. 180-210; Карпенко, 198, с. 3-83).

По выражению Ю. А. Карпенко, астрономы – «...это голос истории, свидетельства минувшего, дающие нам представления о том, как в древности понимали небесные тела, и о практическом использовании звездного неба для ориентации во времени и в пространстве. Космические названия – одни из ярких памятников истории астрономии» (Карпенко, 1981, с. 4). Попытка разобраться в языковых связях и условиях появления этих названий существенно пополнит наши знания в области истории астрономии.

В настоящее время историками астрономии признана большая роль в развитии знаний о звездном небе обитателей Месопотамии. Начало накопления сведений для вавилонских астрономических текстов MUL. APIN, известных по записям VII в. до н.э., относят сейчас, по крайней мере, к 2300 г. до н.э. Нет никаких сомнений, что наблюдения за небесными светилами происходили за много столетий до этого предполагаемого рубежа, поскольку с этим было связано, в частности, определение сроков сельскохозяйственных работ, а производящее хозяйство в интересующем нас регионе формируется в VIII-VII тыс. до н.э. (Куртик, 2013, с. 22-40; Куртик, 2012, с. 23-32; Куртик, 2011, 260-264; Литовка, 2011а, с. 98-113; Литовка, 2011б, с. 92-97; Ван-дер-Варден, 1991, с. 53-100; Антонова, 1995, с. 188-193. Рис. 1-2, 3-5, 6).

По мнению ряда ученых (Г. Е. Куртика, А. А. Гурштейна, Е. В. Антоновой и др.), выделение первых созвездий зодиака (первая четверка) относится к периоду формирования производящего хозяйства (VIII-VII тыс. до н.э.). Созвездия второго поколения (вторая четверка)

датируются серединой III тыс. до н.э. (Куртик, 1995, с. 175-178, 183-185, 188; Куртик, 2011, с. 260; Куртик, 2012, с. 23-26; Гурштейн, 1995, с. 159-160; Антонова, 1995, с. 188-193).

Однако известно, что шумеры начали расселяться в Нижней Месопотамии только в начале IV тыс. до н.э. (Ладынин, 2004, с. 75; Крамер Самюэль, 2002, с. 56; Бадак А.Н., Войнич И.Е. и др., 2000, с. 343).

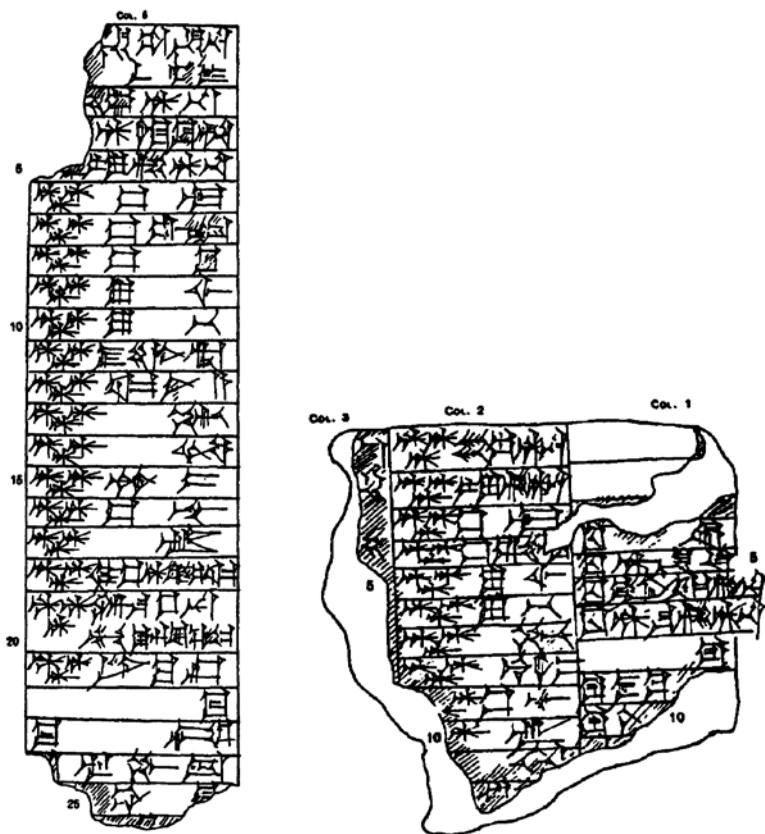

Рис. 1-2. Одноязычные списки звезд из Ниппура (начало II тыс. до н.э.) (по Г. Е. Куртику, 2007)

Следовательно, практика систематического наблюдения за звездным небом сложилась у аборигенов Двуречья задолго до прибытия сюда шумеров. Ко времени их расселения в этой области дошумерское население, судя по всему, должно было располагать определенными знаниями в области астрономии.

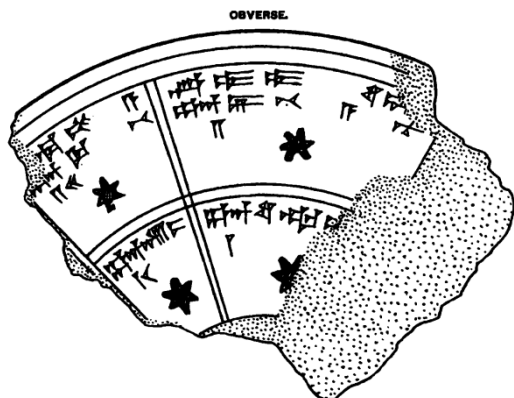

Рис. 3.

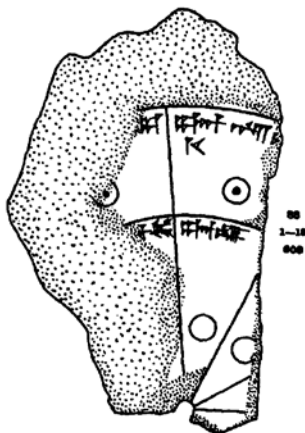

Рис. 4.

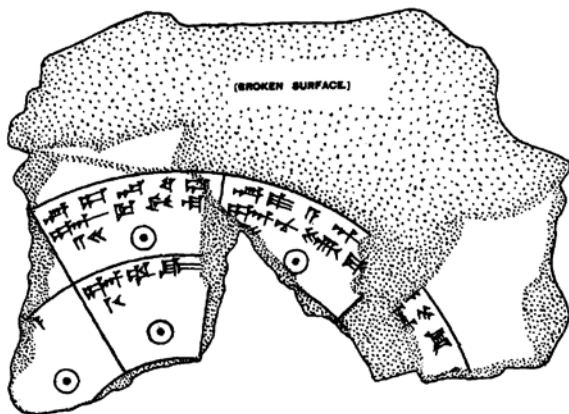

Рис. 5.

Рис. 3-5. Фрагменты звездных календарей, так называемые «круглые астролябии» из Ниневии (по Г. Е. Куртику, 2007)

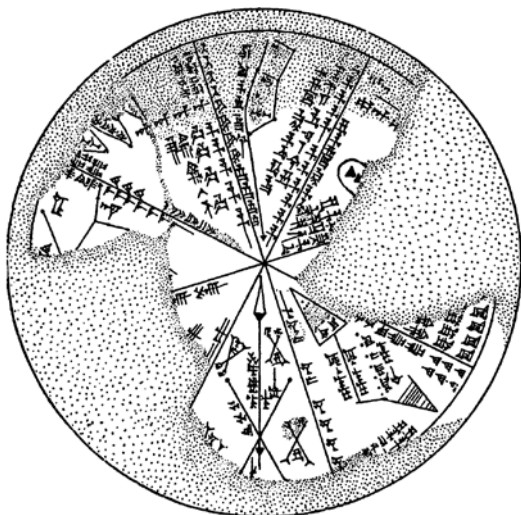

Рис. 6. Звездная карта из Ниневии («Планисфера») (по Г. Е. Куртику, 2007)

О дошумерских насельниках Месопотамии и их роли в освоении Двуречья. В VIII-VII тыс. до н.э. Верхняя Месопотамия была впервые заселена земледельческими племенами Загроса и Армянского нагорья. В VI тыс. до н.э. эти племена осваивают территорию Южного Двуречья до самого Персидского залива. Первые насельники Нижней Месопотамии (Южного Двуречья) и создатели дошумерской знаменитой убейдской (обейдской) культуры (V-IV тыс. до н.э.) известны под именем субареев (шум. «люди су»). Самоназвание этой племенной общности было «су», а обширная территория, занятая субареями, называлась Субир (шум. «Пространство су») (Ладынин, 2004, с. 74-76; История Древнего Востока., 2001, с. 100-101; Авдиев, 1948, с. 39-41, 356-359; Немировский, 2011, с. 72). (Более подробно об этнической ситуации VIII-III до н.э. в Месопотамии см. Массон, 1971, с. 13-14; Юсифов, 1987, с. 19-21, 25-28, 32-38; Меликишвили, 1965, с. 22-23, см. также 17-19; Бадак, Войнич, 2000, с. 344, 430; Хайров, 2019, с. 80-81; Хайров, 2011, с. 150-151, 152-154; Хайров, 2017, с. 42-44; Хайров, 2018, с. 76-77).

Сэмюэл Н. Крамер утверждает, что «субарийцы или субары были первой важной цивилизующей силой в древнем Шумере – первыми земледельцами, скотоводами, рыбаками, его первыми ткачами, кожемяками, плотниками, кузнецами, гончарами и каменщиками» (Сэмюэл Н. Крамер, 2002, с. 54-55).

И. А. Ладынина полагает, что в кутийский период правления (середина и вторая половина XXII в. до н.э.) хурриты ассимилировали субареев и унаследовали их наименование в месопотамских источниках (Ладынин, 2004, с. 83).

Как пишет В. И. Авдиев, «Шпейзер ... полагает, что исконным туземным населением не только Месопотамии, но и всей Передней Азии были предки эламитов, хурри-

тов, субарейцев и всех родственных им племен» (Авдиев, 1948, с. 31). По утверждению того же автора, «племена, населявшие в глубочайшей древности Месопотамию, принадлежали к древнейшему этническому слою Передней Азии, ... к которой принадлежали субарейцы северной Месопотамии и хурриты северо-западного Двуречья и северной Сирии» (Авдиев, 1948, с.39).

Племена хурритов, субареев (субары), кутиев (гутеев), луллубеев (луллу), касситов (касс; аккад. кассу), которые являлись оседлыми горными земледельцами и скотоводами, вначале опережали в своем развитии соплеменников, осевших в Двуречье (рис.7). Начиная со второй половины IV тысячелетия население Двуречья в своем развитии обгоняет соседей (Бадак А.Н., Войнич И.Е. и др., 2000, с. 344).

Хурритский язык, как и нахские, относится к восточнокавказским языкам. Субарейский язык известен по культурной лексике и именам, встречающимся в шумерских текстах (Крамер, 2002, с. 54-55; Оппенгейм, 1990, с. 35). Думается, что то же самое относится и к наименованиям многих созвездий в шумерском языке.

Заслуживает внимания авторитетное заявление С. Л. Николаева и С. А. Старостина относительно «картины лингвистической и этнической ситуации в дописьменной Передней Азии». По мнению этих лингвистов, *«...мы можем констатировать наличие активных языковых связей в период около V-IV тысячелетий до н.э. между носителями прасевернокавказского языка (и, позднее, правосточнокавказского и празападнокавказского), с одной стороны, и целым рядом других ближневосточных этнических групп, с другой стороны. Становится очевидным, что без учета северокавказских данных невозможно представить себе достаточно полную картину лингвистической и этнической ситуации в дописьменной Передней Азии. Вопрос о локализации*

ции прародины северокавказцев и о путях их дальнейших миграций ... может быть решен только совместными силами лингвистов и археологов» (Николаев, Старостин, 1984, с. 32; см. также Бертман, 2007, с.168; Нуруллин, 2018, с. 837-838).

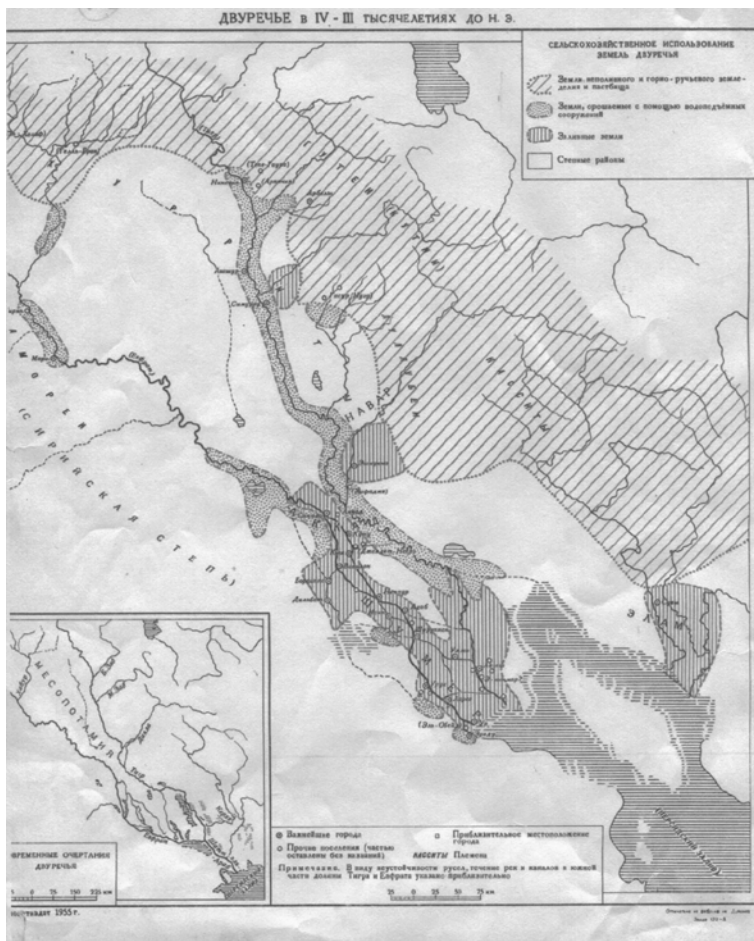

Рис. 7. Двуречье в IV-III тыс. до н.э. (по И. М. Дьяконову, 1983)

Существует целый ряд нерешенных вопросов, касающихся истории изучения созвездий. В данной работе мы хотим коснуться одного из них.

Для этого мы подвергаем этимологическому исследованию шумерские наименования созвездий с применением лексики ингушского языка (нахских языков). Стимулом для обращения автора к теме происхождения шумеро-аккадских названий звездных светил послужили следующие обстоятельства:

1) явное созвучие шумерских названий звезд с соответствующей нахской (ингушской) лексикой;

2) почти полное совпадение семантики указанных лексических единиц;

3) наличие в Южном Двуречье дошумерского субарейского (хурритского) населения, язык которого, как мы отметили, является близкородственным ингушскому (нахским);

4) высказывание В. А. Никонова, вынесенное нами в эпиграф, воспринимаемое нами как наставление.

Этимологическому исследованию (историко-сравнительному анализу) подвергается около двух десятков названий шумерских созвездий и других светил (по каталогу Г. Е. Куртика, 2007).

Ниже рассматриваются наименования шумерских созвездий и других светил из каталога Г. Е. Куртика, составленного им на основе клинописных текстов II-I тыс. до н.э. (см.: Куртик, 2007).

1. **а03. d A.KU**, эпитет Сина, бога Луны; **«Первенец, Старший сын»**; шум. **A** «сын, потомство» (Куртик, 2007, с. 22).

Ср. инг. во-I(a) «сын»; йо-I(a) «дочь», где *в-*, *й-* рассматриваются как окаменевшие классные показатели, а второй слог -I(a) следует понимать как «сын», «дочь»,

или, точнее, как «потомок». Данный этимологический процесс был представлен нами ранее (Хайров, Евлоев, 2005, с. 82-84; Хайров, 2011, с. 192-193; см. также Яковлев, 1990, с. 38-39; Бернард Комри, Халилов, 2010, с. 84). Этимология второго слога [KU] остается неясной.

2. **a20. mul/d ALAM**, вар. чтения: ALAN; 1) эпитет бога солнца Шамаша; 2) эпитет Иштар как планеты Венеры.

ALAM (шум.) – «фигура, изображение» (Куртик, 2007, с. 46-47, 629; см. также Антонова, 1977, с. 96); alam/alan «статуя» (Канева, 2006, с. 235); образ, статуя; облик, (по)явление, (внешний) вид (Тенгиз Гудава. Интернет-ресурс: <https://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html>).

Надпись на касситской печати: mulAlan sir. gal... «Звезда Алан, великий свет, украшение чистого неба» (Куртик, 2007, с. 47).

-sir- шум. – «свет»; см. ниже.

Ср. инг. алам – «флаг», «значок», «пектораль», «памятный шест с флажком (ставился на могиле павшему на поле битвы; погибшему и захороненному на чужбине)»; алам-бекъа «высокий шест с белым флажком, ставился в изголовье могилы умершего от ран» (Саидов, 1968, с. 205; Хайров, 2011, с. 201). Широко распространенный культурный миграционный термин переднеазиатского происхождения (см. Мapp, 1970, с. 351-352, 360; Ногаидели, Ломтатидзе, 2010, с. 508; Гиоргадзе, 2010, с. 401; Макс Фасмер, 1986; Срезневский, 1989, с. 14)¹².

¹² В. И. Абаев ошибочно возводит этот культурный миграционный термин к арабскому 'alam (Абаев, 1958, с. 125-126). Он упускает из виду, что 'alam и alam в арабском языке – два разных слова, которые различаются как по орфографии, так и по семантике. Араб. 'alam с начальным «'айн» означает «природа, мир, вселенная»; alam «знамя, значок».

Выше нами была приведена надпись на касситской печати с упоминанием звездного термина *alan / alam*.

Вторжение касситов в Месопотамию датируется серединой XVIII в. до н.э., а падение касситской династии – серединой XII в. до н.э. (см. Ладынин, 2004, с. 89-92). Выходит, что надпись на печати могла быть сделана не позднее XII в. до н.э., а возможно даже, что в XV в. до н.э., в период наибольшего могущества касситов в Вавилонии (см. Куртик, 2007, с. 716). Возникновение Арабского халифата и расцвет арабской культуры датируется ранним средневековьем (632-1258 гг.). Из сказанного следует, что арабы, как и многие народы Переднеазиатского круга, могли выступать только заимствующей стороной. По таким же основаниям следует признать ошибочным и определение И. И. Срезневского, по которому аламь древнерусских письменных источников (XIV в.) отнесен к тюркской лексике (Срезневский, 1893, с. 14-15).

3. **а33. (MUL) AN.TA.GUB**, вар. **AN.TA.GUB.BA** «**Стоящая звезда**», или «**Звезда, стоящая наверху**» [ASM 55; Donbaz-Kosh; G.34] (Куртик, 2007, с. 55-56).

Само слово «ан» стало составной частью многих шумеро-аккадских астрономических терминов. **AN** - шум. «небо» (в архаических текстах детерминатив звезды) (Куртик, 2009, с. 286-288; Куртик, 2014, с. 247-249). Идентично инг. устар. **ан(а)** «небо». Данный этимологический процесс был представлен нами ранее, где было установлено тождество данных лексем шумерского и ингушского языков (Хайров, Евлоев, 2005, с. 46-48; Хайров, 2011, с. 168-169; Хайров, 2017, с. 38-39).

ТА- шум. – «наверху» идентично инг. послелогу - **тIа**, (обозначает нахождение на чем-то или направление действия вверх); **тIе** – «поверхность» (Дешериев, 2006, с. 485; Барахоева, Илиева, с. 430; Ингушско-русский

словарь, 2009; Куркиев, 2004; Оздоев, 2003). Этот же послелог (или показатель локализации) [-тIа] присутствует и в аварском языке во всех его диалектах, что позволяет нам с уверенностью говорить о существовании данного форманта в правосточнокавказском языке еще до его распада (Алексеев, 2003, с. 135-137; 139). Период распада правосточнокавказской языковой общности относится к III тыс. до н.э.

GUB - шум. – «стоящая; стоять; ставить; быть поставленным» (Куртик, 2007, с. 629).

Ср. бацб. гIоб «забор»; инг. гIов *анатом.*, «стан»; «остов», «каркас», «забор», «стена»; (гIад, *анатом.* «туловище», «торс», «стан», *ботан.* «стебель») (слова относятся к разряду соматических названий, образованных путем метафоризации). Данный этимологический процесс был представлен нами ранее, где было установлено тождество приведенных выше лексем шумерского и нахских языков (Хайров, 2017, с. 31; см. также Дьяконов, 1967, с. 63; Климов, Халилов, 2003, с. 140; Хайров, 2019, с. 69-70).

В переводе без объяснений опущено слово ан «небо». Такое сокращенное написание астронимов было традиционно для шумерского языка.

Мы считаем, что перевод «*На небе стоящая звезда*» наиболее соответствует шумерскому словосочетанию.

4. **а34. (MUL) AN.TA.SUR.RA**, вар. чтения: **(MUL) AN.TA. ŠUR.RA**; аккад. šāriḡu «**Сверкающая (вспыхивающая) звезда**»; термин для обозначения метеоров или «падающих звезд» [BPO 2 10; G.36]; **mul AN.TA. ŠUR.RA** «**Звезда наверху вспыхивающая**» [Chadwick 1993 164] (Куртик, 2007, с. 56-57).

AN- шум. «небо»; TA- «наверху»; SUR.RA «вспыхивающая, сверкающая» (Куртик, 2007, с. 624, 635).

Компонент ŠIR, названный И. М. Дьяконовым зна-

ком светового божества *šir*, мы можем сопоставить с инг. *сердал*, чеч. *серло* «свет», «освещение», «зареву», производными от *ca* «свет», а также с именем урартской богини **Sardi**. Г.иА. Меликишвили полагает, что царское имя **Sarduri (sardiuri>sarduri)** образовано от имени этого божества и, так как оно изображается с помощью ассирийской идеограммы «богини Иштар», то **Sardi** в урартском пантеоне соответствовала Иштар у ассирийцев (Меликишвили, 1954, с. 249), символом которой (как и у шумерской Инанны), была светоносная планета Венера. [См.: ХУ ***seI-**: урарт. **sel-arde** «луна, божество луны» <ПВК *sVINV дарг. **sali** (диалект. *sala*) «свет»; цез. *resa* (<*sera*) «луч» (солнца); инг., чеч. **ca** «свет»].

Соответствия регулярны. Ср. греч. **σελας** «свет», **σεληνη** «луна» (по всей видимости, субстратные слова) (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 180).

Аналогично шумерскому *šir* звучит и хурритское *širi* «блеск, сияние» (Старостин, 2007, с. 750).

Составные части наименований шумерских созвездий, корнеоснову которых составляет **si, šir** «свет»:

SA4 – «блестящий, сверкающий»; **SUR** – аккад. *sararu* «сверкать, вспыхивать»; **ŠE.ER.ZI** – «сияние, блеск, излучение»; **ŠUR** – «сверкать, вспыхивать» (Куртик, 2007, с. 634-636)].

Ср. близкие по звучанию и смыслу общенахск. *ca* «свет» (и его производные формы), инг. сий(г), чеч. суй «искра», бацб. суй «горящий уголь, жар».

Данный этимологический процесс с привлечением обширного материала был представлен нами ранее (см.: Хайров, 2017, с. 32, 36).

5. **а36. (MUL) AN.ТА. ŠUR.RA, var. (MUL) AN.ТА. ŠU2. UR.RA** «Звезда, вспыхивающая наверху»; особая категория звезд, которые были видны на востоке непосредственно после захода Солнца, отмечая

начало ночи [ASM 55-56; Donbaz-Koch] (Куртик, 2007, с. 58).

То же самое, что и **а34. (MUL) AN.TA.SUR.RA.**

6. **g05. mul GAM-ti**, вар. **GAM**; = *mulkippatu* «**Кольцо, Круг**» ; 1) (α Coronae Borealis, Гемма), 2) группа звезд в Северной **Короне** (Coronae Borealis) [G.65; ANw 483; Schaumberger 1952].

Отождествление:

= α , β Coronae Borealis [G.65];

= звезды с большим блеском в западной части Северной **Короны**; согласно VAT 16436:3, содержит 9 звезд [Schaumberger 1952 219] (Куртик, 2007, с. 144-145).

Шум. **GAM** «**Кольцо, Круг**» (Куртик, 2007, с. 628) лексически и семантически соответствует инг. гом «круг», «кольцо» (как идея), «рамка, обрамление»; производное от го «окружность», «круг» (Ингушско-русский словарь, 2009; Куркиев, 2004; Оздоев, 2003).

7. **g06. mul/d GAM3**, вар. чтения: **mul ZUBI**; = **mul gamlu** «**Посох (с кривой ручкой)**»; 1) созвездие в Возничем (Auriga), 2) (α Aurigae, Капелла) [ANw 279a; CAD G 35b; G.64; Schaumberger 1952 228].

Божество: d gamlu – божественное оружие или какой-то другой предмет (посох), которому свойственна кривизна. О **gamlu** как божественном символе и инструменте заклинателя см. [Wiggermann 1992 61-62].

Символ. Посох с закругленной ручкой в виде бараньей головы. Символ известен со старовавилонского времени на печатях, а позднее на кудурру [Seidl 1968 165-167; Van Buren 1945 149-151], где изображался нередко рядом с козой-рыбой, что свидетельствует о его связи с богом Эа.

Части созвездия и отдельные звезды.

(1) **kišib gam3** «Рука на **Посохе**», см. k21 KIŠIB.

(2) **sag. du. mul gam3** «Вершина **Посоха**», см. список звезд в V R 46,1, u10UDU.NITA2. (Куртик, 2007, с. 145-149).

Шум. GAM – «гнуть, сгибать» (Куртик, 2007, с. 628) ; **gám** – серп, рукоять, рукоятка; сгибать(ся); гнуть(ся), изгибать(ся) (Тенгиз Гудава. Интернет-ресурс: <https://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html>).

Ср. инг. гоам-де *глаг.* «искривить, кривить, сгибать»; гоама «криво, неровно». Различные инструменты с фигурным изгибом (кривизной) носят название гам: а) уст. «хирургический инструмент с изогнутым концом»; б) «скребок», «стамеска»; в) «разновидность мотыги» (Ингушко-русский словарь, 2009; Куркиев, 2004; Оздоев, 2003). Чеч. **гõм**, чеч.-акк. **гом** «кривой». Цова-туш. (бацб.) **гаму(н)** «кривой» фонетически более приближено к шумерской форме (Бернард Комри, Халилов, 2010, с. 590 (ст. «кривой»). По Г. А. Климову и М. Ш. Халилову пранахск. форма ***gamV-**, бацб. **gamgarzõ** «кривой» (Климов, Халилов, 2003, с. 321 (ст. «кривой»)).

Очевидно, *гам* производное от *гоама*.

8. **g07. d Gamlu**, аккадская параллель к **mul GAM3(ZUBI)** «**Посох**» (Куртик, 2007, с. 149).

См. выше ст. 7. **g06**.

9. **g35. mul/d Gula**, **Гула** – **богиня-целительница**, одновременно богиня созвездия **mul UZ3** «**Коза**» в Лире (Луга); ее имя нередко использовалось в качестве названия созвездия [G.82].

Божество. Гула почиталась в Месопотамии как богиня-целительница, покровительница врачей и врачевания. Ее имя присутствует уже в списках богов из Фары [Krebernik 1986 194]. В эпоху III династии Ура почиталась в Ниппуре, Умме, Уре, Уруке, Исине под разными именами [Sallaberger I 13,29,125 и др.]. Ее основное святилище **E2.gal. mah** располагалось в Исине, где она бы-

ла известна как Нинисина («Госпожа Иссина»). Гула считалась супругой Нинурты или Пабилсага и матерью бога Дамы и бога Ниназу, которые были также богами врачевания.

Символ. Сидящая на троне богиня в высокой шапке и приподнятыми руками, рядом у ее ног собака.

Отождествление.

=Лира+южная часть Геркулеса [Weidner 1927 84].

=Lyra[3.Erg. 336].

=Lyra (?) [Mesop. Astrol. C] (Куртик, 2007, с. 199-202).

Ингушское предание сохранило память о легендарной деве-воительнице Гула (в инг. транскрипции – Гула), которая была удостоена чести быть погребенной в мавзолее (Муталиев, Чахкиев, 2004, с. 47; Чахкиев, 2009, с. 85; инф. Г.Ю. Чахкиев).

Лексическое соответствие полное.

Название святилища богини Гулы **E2.gal. mah** – сложносоставное и состоит из следующих шумерских слов: E2. gal. «дворец» (букв. «дом большой») (Канева, 2006, с. 190-191, 198-199). [Шум. **E2**, (полное написание (E-A)) соответствует инг. Ie-л «жилище, обитель место пребывания» (где -л словообразовательный суффикс) (от Ie «жить», «оставаться»). ПВК форма ζV - «быть, оставаться, сидеть» (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 192, ст. 159). Шум. **gal** «большой, великий» в ингушском, как и во многих древних языках, дало название каменному дому-крепости ГИала]. Данный этимологический процесс был представлен нами ранее (Хайров, 2011, с. 197; Хайров, 2019, 72; Хайров, 2017, с. 39-40). Шум. **mah** «величественно, великолепно, роскошно» (Канева, 2006, с. 188-190, 193); Ср. инг. мах «достоинство, оценка, а также цена, стоимость» (Бернард Комри, Халилов, 2010, с. 549, ст. «цена»; Куркиев, 2004).

10.g15. **mul gis GIGIR**, вар. чтения: **mul LAGAB** x **BAD**; = аккад. *Narkabtu* «Колесница»; созвездие, включавшее звезды северной части Тельца (*Taurus*) и южной части Персея (*Perseus*) [G.89;BPO 2 12; CAD N/1 353ff.]. Божество – Энмешарра.

Символ. Колесница (боевая. – Х. Б.) с телом Энмешарры.

Отождествление. =β+ζ *Tairi*[G.89,I]; =то арма «Колесница», которая упоминается в «Варварской сфере» греческого астролога Тевкра («Вавилонянина») (I в. н.э.) [ibid.; Boll 1903 108 ff.; Bezold-Korff-Boll 15:62] (Куртик, 2007, с. 156-158).

По мнению Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, «...разные этносы, жившие в пределах древнейшего очага зарождения и распространения «колеса» и «колесной повозки», обнаруживают фонетически сходные названия «колеса» и «колесницы»...: ср и.-е. *k[h]oek[h]olo-, шум. *GIGIR*, семит. *galgal-, карт. *grgar-*, *brbar-, ср также реконструируемую для предполагаемого древнекитайского заимствования (из и.-е.) праформу с начальным *gr- для названия «священных лошадей, впряженных в солнечную колесницу» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с.737).

Приведем для дополнительного примера др.-евр. *galgāl* «колесо»... араб. *galgal*, *galgāla* «колесо» (Дьяконов, 1967, с. 382); греч. *κίρκος* «круг» (Пизани, 1975, с.159).

Для сравнения: инг. герга *прилаг.* «круглый», чеч. горга *прил.* круглый; гагура горга «круглый-круглый»; бацб. гог «круг»; андийское гургума, хундзахское гор – «кружок», «звено», гургинизе – «округлять», гургин, гургинаб «круглый», грузинское горгали «клубочек» (Вирсаладзе, 1976, с. 142; Бернард Комри, Халилов, 2010, с. 513 (ст. «колесо»), 593-595 (ст. «круглый»); ст.

«сфера, шар»); Чеченско-русский словарь, 2005; Дешериев, 2006, с. 203, 430). Наиболее полно данный сравнительный материал представлен в работе Г. А. Климова и М. Ш. Халилова: авар. *gurgina-b*; анд. *gurguma*; кар. *gerganu-b*, *gergamo-b*; ахв. *gigada*; багв. *gurgina-b*; тинд. *qorqalu-b*; чам. *gurgina-b*; ботл. *gurgina-b*; год. *girgami*; хварш. *girma*; бежг. *gerdijo*; гунз. *gerdu*; таб. *gergmi*; цах. *girgara-n*; крыз. *gurgum* «круглый» (где *-b* является классным показателем). По мнению этих авторов, пранахск. форма **gorg-*; авар. *gurgina-b* и сходные формы других дагестанских языков содержат ономатопоэтический корень *grg-* (Климов, Халилов, 2003, с. 321; с. 143-144 (ст. «колесо»); с. 294 (ст. «круг»)).

По Шагирову, адыг. *гъуы / кûы* «арба», «телега», «повозка». По Яковлеву, первоначально означало «колесо». Балкаров (как считает Шагиров) справедливо сближает *гъуы / кûы* с чамал. *гъокв* «арба» (Лексические встречи, 98); ср. также авар. *гъоко*, дарг. *уркура* – то же. Обращает на себя внимание и.-е. *uogh-o-s*, греч. *okkhos* «колесница», «повозка». Убых. *кûы* «экипаж», «повозка» (Шагиров, с. 113, 115).

Как можно заключить по самым старым изображениям повозок, на Ближнем Востоке до 2300 г. до н.э. преобладали дисковые колеса (Хубшмид, 1990, №6, с. 41).

Естественно, изобретение колеса было революционным новшеством, а само колесо было основной и наиболее ценной частью повозки и его название легло в основу названия всей повозки.

На наш взгляд, в приведенном выше комплексе усматривается кавказская основа шумерского названия боевой колесницы, ассоциировавшейся именно с кругом, круглым.

Примечательно, что древнейшая колесная повозка

для хозяйственных нужд появилась «в Северной Месопотамии и на несколько более западных низменностях» (Кожин, 1986, с. 188). Центр распространения впоследствии конной колесницы по всей Евразии совпадает с ареалом изобретения повозки. (Кожин, 1986, с.189; см. Горелик, 1985, 183-202). По общему мнению П. М. Кожина и М. В. Горелика, «в научной литературе предпринимается попытка связать эти процессы с Кавказом» (Кожин, 1985, с. 176; Горелик 1991-192).

11. **g20. mul GIR3**, = «Нога», «Лапа»; элемент фигуры ряда созвездий.

Шум. GIR3 – «нога» (Куртик, 2007, с. 172, 628).

Ср. инг. гIа «шаг»; [ср. общенахское гIогI «бедро» (Бернард Комри, Халилов, 2010, с. 224); чам.-гак. габу, чам.-гиг. габу, хаш. хаьбаь, гунз. хаба, дарг. лит. къяш «нога» (Бернард Комри, Халилов, 2010, с. 210)]. Данный этимологический процесс был представлен нами ранее, где было установлено тождество шум. ġir «нога», «путь»; ġin «ходить», «идти» и инг. гIа (Хайров, 2017, с. 31). Эти два шумерских слова (ġir, ġin), по сообщению И.Т. Каневой, читаются не через смычный заднеязычный звонкий [г], а через гортанный, щелевой звонкий [гI] (Канева, 2006, с. 235).

12. **g26. mul GU.AN.NA**, вариант записи для mul GU4.AN.NA «Небесный Бык» (Куртик, 2007, с. 178).

Шум. GU3 – «крик, голос, возглас, звук» (Куртик, 2007, с. 628; Гельб, 1982, с. 302; Дьяконов, 1967, с. 80-81). В шумерских текстах детерминатив GU4 стоит перед названием домашнего скота.

Название домашнего быка в шумерских текстах различных жанров встречается очень часто. В хозяйственных текстах столь частое упоминание быка связано с его ролью основного тяглого животного в сельском хозяйстве, в посвячительных текстах бык – наиболее ценная и

желанная жертва богам («4 быка-однолетка, как посвя- тительный дар (для) Нинмар», по Каневой, 2006, с. 31). В богослужебных и литературных текстах домашний бык упоминается как символ плодородия, безудержной силы и мужества. В этих записях название быка обычно записано в форме gud (Канева, 2006, с. 22, 39, 42, 54, 65). По всей вероятности, gud в значении «бык» является производной формой от gú-dé (букв. «голос-лить») (Канева, 2006, с. 73-74), где [-dé] «создавать, делать, форми- ровать» (Тенгиз Гудава. Интернет-ресурс: <https://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html>). [Ср. общенахск. инг. де, цова-туш. да-р, чеч. да(н), «тво- рить, сотворить, делать» (Ингушско-русский словарь, 2009, Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984; Мациев, 2000)]. С ревом быка шумеры сравнивали звуки музыкальных инструментов (особенно струнных), гул реки в половодье, зычный голос правителя (Емельянов, 2001, с. 249).

Ср. 1) инг. б-угIа, где б- является окаменевшим классным показателем; увгIа // угIа глаг. «выть, рычать». Этимологический анализ данного процесса с привлече- нием данных нахско-дагестанских языков был представ- лен нами ранее, где было доказано, что в шумерском языке, как и в общенахском, в названии быка усматри- вается консонантный корень [гI] (Хайров, 2019, с. 70- 72). Следовательно, в обоих языках отражена ономато- поэтическая характеристика этого массивного животно- го, т. е. его способность к громкому, оглушительному реву.

Шум. AN.NA «небесный»; ср. инг. ана (устар.) «небо».

13.g28. mul GU2.AN.NA вар. чтения GUD.AN.NA, GU4. AN, AN.GU4; шум. «Небесный Бык»; созвездие в Тельце (Taurus) [G.77;BPO 2 12] (Куртик, 2007, с. 183).

См. выше статью 12. g26.

14.i13. **d INANNA**, вар. чтения: **d INNANA**, **dI-NANA**, **dINNIN**, **dMUS**, **dININNI**=Инанна; шумерская богиня плодородия, любви и распри, главная богиня шумерского пантеона, отождествляемая с Венерой; ее функции позднее перешли к Иштар [G. 203] (Куртик, 2007, с. 227-228).

Эмблемой Инанны был лев. Восьмилучевая звезда, которая иногда заключалась в круг, считалась ее знаком (Бертман, 2007, с. 141; Куртик, 2000, с. 94-95). Богиня обычно изображалась стоящей на льве (львах) или быке (Куртик, 2008, с. 39; Куртик, 2000, с. 95, 97; Берзин, 1995, с. 165-166).

Установлено, что шумерское имя Инанна в более отдаленный период являлось двусложным именем и состояло из Нана-ана (или Нин-ана) (букв. «госпожа небес»). Стандартный эпитет Инанны в шумерских литературных текстах «Великая дочь Нанны». Нанна, бог Луны, характеризуется иногда как ее отец. А в городе Уруке Инанна считалась дочерью верховного бога неба Ана (Куртик, 2008, с. 36-37, 41-44). По всей вероятности, изначально имя Инанны носило толковательный характер, где сочетались имена богов Нанны и Ана. Традиция слитного написания имени Инанны заложена в более поздние времена месопотамской истории и продолжена современными исследователями.

В шумерских текстах имя Инанны носит сложносоставной характер (например, Nin-an-na «Госпожа небес», Nin-si-an-na «Сияющая владычица небес», г. Иссин, XX в. до н.э.; Nin-gal-an-na «Великая госпожа небес»; Nin-e2-gal-la «Госпожа великого храма» и т.п.). Гельб приводит 16 форм записи имени Инанны. В современном «Пенсильванском шумерском словаре» для имени Инанны принята форма Инана (Куртик, 2008, с. 37, 41; см. также Дьяконов, 1990, с. 24, 280, 396).

Ср. инг. нана «мать», нани, нана «мама»; женские имена Нана, Нани. Вторая часть имени -ана означает «небо» (в смысле «небесная»). Данный этимологический процесс был представлен нами ранее (Хайров, 2011, с. 178-180; Хайров, 2013, с. 211-212; Хайров, 2015, с. 114; Хайров, 2017, с. 32; см. также Климов, Халилов, 2003, с. 54, 58-59; Бернгард Комри, Халилов, 2010, с. 81, 92).

В данном случае мы предлагаем вариант чтения на ингушском языке: Нана ана («Мать (-ерь) небес»).

Выше мы отметили, что Инанна часто изображалась стоящей на спине льва. В религиях Ближнего Востока лев обычно ассоциировался с богинями плодородия (Циркин, 2000, с. 304). Например, священным животным хурритской богини Хебат был лев. Хебат изображалась в женском облике, как и шумерская Инанна, и стоящей на спине льва. Другая хурритская богиня Сауска (Шаушка), отождествлявшаяся с Иштар, изображалась крылатой и также стоящей на спине льва (Гарни, 2002, с. 168-169). Лев у хурритов почитался как символ силы, запрашиваемой только у Сауски (Шавушки) (Вильгельм, http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/G_Vilhelm_Huriti.pdf). Урартский верховный бог Халди тоже изображался в человеческом облике, стоящим на спине льва (Пиотровский, 1959, с. 23, 223, 227). Список божеств, изображаемых вместе со львами, и география распространения этой традиции очень обширны. Это и сирийская Гера, малоазийские Кибела и Камрусеп, среднеазиатская Нанайа (Нана) и т.д. Традиция изображения богинь (и богов) вместе с почитаемым львом (пантерой, леопардом) своими корнями уходит в неолитическую древность Чатал-Гююка (VIII-VII тыс. до н.э., Восточная Анатолия) (Топоров, 1985, с. 147; Голан, 1993, с. 161-162; Ковалева, 1991, с. 211; Дьяконова, Смирнова, 1967, с. 74-83; Новиков, Анохин, 2015, с. 143-157).

Именно в Чатал-Гююке обнаружена одна из самых древних скульптурных изображений богини с леопардами. Она изображена восседающей на двух леопардах или на троне. Скульптурную композицию дополняют еще два леопарда, которые стоят по правую и левую сторону от божества (Ардзинба, 2015, с. 612).

Как полагает Вяч. Вс. Иванов, хатты продолжили «древнюю туземную малоазийскую традицию» почитания леопардов, о чем свидетельствуют хаттские ритуальные тексты (Иванов, 1978, с. 154-155; Луна, упавшая... с. 9-10, 260).

Традицию почитания священных животных льва-леопарда у хаттов впоследствии была перенята хеттами (Ардзинба, 2015, с. 611-613).

По сведению Э. О. Берзина, в IV-III тыс. до н.э. «изображения Великой Богини, стоящей на льве, распространились по всему Переднему Востоку (Берзин, 1995, с. 165-166).

Любопытно, что к кругу перечисленных божеств отнесена и ингушская покровительница плодородия Тушоли (см. Крупнов, 2008, с. 58-60). Культу этого божества были посвящены несколько святилищ в Горной Ингушетии, которые носили ее имя (Шиллинг, 1934, с. 100-101, 105, 112-114; Семенов, 2010, с. 40, 57, 99-100; Крупнов, 2008, с. 227-228, 239; История Ингушетии. 2011, с. 139). Тушоли была почитаема среди ингушей вплоть до начала XX в. Вероятно, ингушская Тушоли была самой последней в череде богинь плодородия на территории Передней, Малой и Средней Азии, а также Средиземноморья. Примечательно, что на лоб металлической маски богини Тушоли было нанесено изображение львиной головы, что говорит о ее связи с этим хищником (рис. 8) (Шиллинг, 1934, с. 106-107; Захаров, 1934, с. 118).

Рис. 8. Медная маска идола Тушоли с изображением головы льва из святилища Тушоли-Ерд, Горная Ингушетия, башенное поселение Ког (по Е. М. Шиллингу).

Надо признать, что заслуга в сближении богини Тушоли с сирийской Герой и фригийской Кибелой принадлежит исследователям материальной культуры ингушей А. А. Захарову, Л. П. Семенову и М. М. Базоркину (Захаров, 1934, с. 122-126; Семенов, 1959, с. 197-219; Базоркин, 2002, с. 239-240). Мы дополнили этот список сравнения шумерской Инанной, что особенно важно для нашего исследования (рис. 9).

Интересно, что имя Тушоли объясняется на основе шумерского языка. Оно восходит к шумерскому *tuš* «находиться», «обитать»; *tuš*-а «обиталище» (Канева, 2006, с. 32, 122, 185). В тексте летописи урартского царя Менуа, которая датируется IX – началом VIII в. до н.э., упоминается страна племени Тушури(ехи) (Арутюнян, 1988, с. 308, 310-311, 313). Сюда же можно отнести и

этноним тушин. Данный этимологический процесс был представлен нами ранее (Хайров, 2011, с. 202-204; Хайров, 2017, с. 34).

Рис. 9. Инанна, попирающая льва. Справа от нее изображение восьмилучевой звезды – знака Инанны.

«...Корни ингушского культа Тушоли, характерного для земледельческого обихода, следует искать не на Северном Кавказе, а в кругу старой земледельческой культуры, связанной с весенним праздником возрождающейся природы, божествами природы и фаллическими образами, направленными на обеспечение урожая» – отмечает Е. М. Шиллинг (Шиллинг, 1928, с. 98, 114, 126).

15. **i18. d/mul Ištar**, вар чтения: **d IŠ.TAR, d EŠ.DAR, d INNIN**; Иштар – богиня, имевшая западно-семитское происхождение и отождествлявшаяся с планетой Венера, ее имя нередко использовалось как название планеты [G. 203] (Куртик, 2007, с. 233-235).

В мифологии ингушей упоминается Ел-Да (Ел-Да) «владыка подземного мира мертвых», который известен под несколькими именами. Одно из этих имен Эштр (Даьла-Эштр) (Крупнов, 2008, с. 223; см. также Мифология народов мира, 2000, с. 430), близко по звучанию к имени аккадской Иштар (Инана, Иннин, западносемитская Астарта) и, по-видимому, является отголоском древнейших культов ингушей. Данный этимологический процесс был представлен нами ранее (Хайров, Евлоев, 2005, с. 107; Хайров, 2011, с. 180). Этимологию Ел (инг. транскрипция Ел) см. выше, ст. 9. **g35. mul dGula.**

16. **1 09. d/mul LU.LIM**, вар. чтения: mul **lu.lim**; = **lu-limu** «Олень»; 1) созвездие на востоке Андромеды (Andromeda) и в центральной части Кассиопеи (Cassiopeia), 2) группа звезд в Кассиопее (Cassiopeia) [G. 248].

Божество. О ритуальном и божественном статусе Оленя практически ничего неизвестно. В шумерской литературе олень упоминается редко. Название **lu.lim** как царское имя приводится в допотопной части «Шумерского царского списка». Среди царских эпитетов I тыс. до н.э. **lu-li-mu ersu** «мудрый олень», **lu-li-mu suru** «славный олень».

Символ. Олень. Многочисленные изображения на печатях III тыс. до н.э. Однако неизвестно, имеют ли они астральное значение (Куртик, 2007, с. 277-280).

По В. В. Емельянову: шум. *lû* «бык» (очевидно, **бык** оленя – Х.Б.), *lulimu* «олень» (Емельянов, 2014).

Ср. чеч. лу (Мациев, 2000), инг. лийг «косуля» [ингушское название является уменьшительной формой от лу; лу > лийг]; убых. *li*; хварш. *led*; бежт. *led* гунз. *læd*; гин. *lid* «олень» (Климов, Халилов, , 2003, с. 238).

В тохарском *A lu* "животное-тотем"; "животное, приносимое в жертву". (Маковский, 1998, с. 156,158).

Остается неясным характер этого заимствования в тохарском языке. В китайском lu (лу) «олень» (Баранова, Котов, 1990), а также мифическое существо, имеющее бычий облик (Кауров, Степугина, 1995, с. 173).

17. **s03.**(mul)SA4, mul DIL.BAD «(Звезда) с большим блеском», букв. «блестящая, сверкающая». 1) Эпитет Венеры, 2) определение, употребляемое по отношению к ряду звезд из разных созвездий.

См. выше, статью 4. **a34.**

18. **s22.** mul SIPA.ZI.AN.NA, вар.: mul SIPA.AN.NA; шум. «Праведный Пастух Ану»; 1) созвездие в Орионе, 2) обозначение знака зодиака Близнецы в поздних текстах.

Шум. 1) sipad, sibad, sira «пастух» (Тенгиз Гудава. Интернет-ресурс:

<http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary2.html>).

Слово *sipa* – «овечий пастух», стало эпитетом правителя; «праведный овечий пастух» (*sipa-zid*) был постоянным эпитетом царя (Емельянов, 2001, с. 37, 50). (Ср. праведный пастырь в христианстве);

2) sira «праведный»; (suru «славный»; см. выше lu-li-mi suru «славный олень»).

В шумерском эпосе о Гильгамеше Урук описывается как «сияющая гора, светлая овчарня» (kur šuba2 amaš giri17 zal). Сочетание kur šuba2, является устойчивым эпитетом Урука в шумерской литературной традиции (Коган, Нуруллин, 2012, с. 211-212).

Ср. инг. супа «священный», «святой», «набожный» (Ингушко-русский словарь, 2009; Куркиев, 2004); чеч. супа «набожный», «богомольный» (Мациев, 2000, с. 383); ср. хеттское supas «чистый» (очищенный огнем); šurri «(ритуально) чистый, священный» (Маковский, 2002, с. 69; Иванов, 2008, с. 10); арм. сурп «святость»

(Ямпольский, 1960, с. 233). «Сурп» – обычная приставка к названиям средневековых армянских храмов и монастырей; ср. инг. супа элгац-аш «священные святилища (храмы)» – эпитет средневековых ингушских святилищ (Ингушский фольклор, 2002, с. 475).

Из вышесказанного следует, что данный культурный термин шумерского происхождения (или дошумерского?) был довольно широко распространен в Передней и Малой Азии.

19. **n06.d NANNA**, вар. чтения: **NANNAR**. Нанна – шумерское божество Луны, имя которого в значении «Луна» иногда используется в старовавилонских и средневавилонских астрологических и мифологических текстах (Куртик, 2007, с. 364).

В предыдущей работе (Хайров, 2017, с. 38) нами было сказано, что шумерскому имени «Нанна» в ингушском языке соответствует слово нана «мать», которое применимо как уважительная форма обращения к лицам обоего пола (отдельно, или применительно в виде приставки к имени), к настоящему времени почти вышедшая из обихода. Существование такой формулы как нельзя лучше согласуется с высказыванием И. М. Дьяконова о том, что в историческое время *nin* означает только «госпожа», «царица», но эта форма часто встречается в составе имен также и мужских божеств (Дьяконов, 1967, с. 430; см. также Авдиев, 1948, с. 35; Бертман, 2007, с.144). Более того, И. М. Дьяконов считает слово *nin* производным от термина родства (Дьяконов, 1996, с. 86). Данный этимологический процесс был представлен нами ранее (Хайров, 2011, с. 178-182; Хайров, 2015, с. 114, Хайров, 2013, с. 193-196, 198-199, 211-212).

См. выше статью **14. i13. d INANNA**

20. **n26. d NIN.AN.NA**, «Госпожа небес», эпитет Иштар как богини Венеры. В списке богов **d AN: Anum: d NIN.AN.NA** «Госпожа небес», «Богиня звезд» (Куртик, 2007, с. 377).

Данный этимологический процесс был представлен нами выше.

Ингушский вариант прочтения названия созвездия: Нана ана («Мать (матерь) небес»).

Заключение. Таким образом, мы вправе говорить о лексическом и семантическом совпадении некоторых шумерских названий созвездий с соответствующей лексикой ингушского языка. Установление соответствий на формальном уровне дает нам возможность интерпретировать обозначенные шумерские названия звезд (в том числе и сложносоставные) посредством лексики современного ингушского (нахского) языка.

Соответствия наименований звезд и созвездий в обозначенных языках свидетельствуют о том, что в древности нахские племена были причастны к процессу накопления знаний о небесных светилах. По всей вероятности, представители восточнокавказской языковой общности и были пионерами в этой области. От них шумеры могли перенять искусство наблюдения за движением небесных светил, и, соответственно, их названия.

Использованная литература

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958.
2. Авдиев В. И. История Древнего Востока. ОГИЗ, 1948.
3. Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.

4. Антонова Е. В. К изучению ранней истории сложения астральных символов в Месопотамии // ВДИ, №1, 1995.
5. Алексеев М. Е. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков категории имени. М., 2003.
6. Ардзинба В. Г. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритология. М., Сухум, 2015.
7. Арутюнян Н. В. К чтению и интерпретации фрагмента летописи Менуа // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
8. Бадак А. Н., Войнич И. Е. и др. Всемирная история. Каменный век. Минск, М., 2000.
9. Базоркин М. М. История происхождения ингушей. Нальчик, 2002.
10. Баранова З. И., Котов А. В. Русско-китайский словарь. М., 1990.
11. Барахоева Н. М., Илиева Ф. М. и др. Современный ингушский язык. Морфология. Нальчик, 2012.
12. Березкин Ю. Е. Рождение звездного неба: представления о ночных светилах в исторической динамике. СПб: МАЭ РАН, 2017.
13. Берзин Э. О. Зодиак и архаические мифологии // ВДИ, 1995, №1.
14. Бернард Комри, М. Халилов. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. Лейпциг-Махачкала, 2010.
15. Бертман С. Месопотамия. М., 2007.
16. Ван-дер-Варден Б. Л. Пробуждающаяся наука II. Рождение астрономии. Пер. с англ. Г. Е. Куртика. Под ред. А. А. Гурштейна. М., 1991.

17. Вильгельм Г. Древний народ хурриты. Интернет ресурс: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/G_Vilhelm_Huriti.pdf
18. Вирсаладзе Е. Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976.
19. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. II. Часть 2. Тбилиси, 1984.
20. Гарни О. Р. Хетты. Разрушители Вавилона. М., 2002.
21. Гельб И. Е. Опыт изучения письма (Основы грамматики). М., 1982.
22. Гиоргадзе Д. Об одном традиционном обычае в горной Восточной Грузии // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика», 2009. Тбилиси, 2010.
23. Голан А. Миф и символ. «Руслит», 1993.
24. Горелик М. В. Боевые колесницы Переднего Востока III-II тысячелетий до н.э. // Древняя Анатолия. М., 1985.
25. Гурштейн А. А. Минувшие цивилизации в зеркале Зодиака // «Природа», 1991, №10.
26. Гурштейн А. А. Небо поделено на созвездия в каменном веке // «Природа», 1994, №9.
27. Гурштейн А. А. Зодиак и истоки европейской культуры // ВДИ, 1995, №1.
28. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения горских кавказских народов. М., 2006.
29. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

30. Дьяконов И. М., Старостин С. А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
31. Дьяконов И. М. Люди города Ура. М., 1990.
32. Дьяконов И. М. Шумеры и афразийцы глазами историка // ВДИ, 1996, №4 (219).
33. Дьяконова Н. В., Смирнова О. И. К вопросу о культуре Наны (Анахиты) в Согде // СА, 1967, №1.
34. Емельянов В. В. Древний Шумер. Очерки культуры. СПб, 2001.
35. Емельянов В. В. Бестиарий аккадского эпоса о Гильгамеше Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме. СПб, 2014. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). РАН http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-271-5/ © МАЭ РАН.
36. Еремеева А. И., Цицин Ф. А. История астрономии. М., 1989.
37. Захаров А. А. Ингушская богиня Тушоли и Dea Syria Лукиниана // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Т. IV, вып. 2. Орджоникидзе – Грозный, 1934-1935.
38. Иванов Вяч. Вс. Разыскания в области анатолийского языкознания, 3–8 // Этимология. 1976. М., 1978.
39. Иванов Вяч. Вс. Анатолийские личные имена и слова в староассирийских текстах XX-XVIII вв. до н.э. – древнейшие свидетельства об индоевропейских языках // ВЯ, 2008, №2.
40. Ингушский фольклор. Составитель А. У. Мальсагов. Магас, 2002.
41. Ингушско-русский словарь. Нальчик, 2009.

42. История Древнего Востока. М., 2001.
43. История Ингушетии. Магас, 2011.
44. Канева И. М. Шумерский язык. СПб, 2006.
45. Карпенко Ю. А. Названия звездного неба. М., 1981.
46. Кауров Э. Н., Степугина Т. В. Древнекитайский миф и мифологическая основа созвездий зодиака // ВДИ, 1995, №1.
47. Климов Г. А., Халилов М. Ш. Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М., 2003.
48. Ковалева Н. А., Рапопорт Ю. А. Траурная сцена в настенной росписи из Хорезма // ВДИ, №2, 1991.
49. Коган Л. Е., Нуруллин Р. М. Гильгамеш И. М. Дьяконова: попытка реставрации // ВДИ, №3, 2012.
50. Кожин П. М. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М., 1985.
51. Кожин П.М. Первые повозки // ВИ, 1986, №7. <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/7079311>
52. Костоева Ф. М. Наименование разных типов жилищ в ингушском языке // Ученые записки. Серия «Филология». Вып. IV. Магас, 2012.
53. Крамер Сэмюэл Н. Шумеры. Первая цивилизация на Земле. М., 2002.
54. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. Магас, 2008.
55. Куркиев А. С. Ингушко-русский словарь. Магас, 2004.
56. Куртик Г. Е. История зодиака согласно клинописным источникам // ВДИ, 1995, №1.
57. Куртик Г. Е. Отождествление Инанны с планетой Венера как критерий для определения времени

- выделения созвездий в Месопотамии // ВДИ, 2000, №1.
58. Куртик Г. Е. О происхождении названий греческих зодиакальных созвездий // ВИЕТ, 2002. Т. 23, №1.
 59. Куртик Г. Е. Звездное небо Месопотамии: шумеро-аккадские названия созвездий и других светил. СПб., 2007.
 60. Куртик Г. Е. Венера как богиня Инанна // Иштар в шумерской астрономии // ВИЕТ, 2008, №4.
 61. Куртик Г. Е. Наблюдения Венеры в архаическом Уруке: проблема исследования // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция 2014. М., 2014.
 62. Куртик Г. Е. О происхождении системы 12 зодиакальных созвездий в Древней Месопотамии // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция 2010. М., 2011.
 63. Куртик Г. Е. Введение зодиака как полосы созвездий в месопотамской астрономии // ВИЕТ, 2012, №17.
 64. Куртик Г. Е. Измерение времени и календари в древней Месопотамии (шумерский период) // ВИЕТ, 2013, №4.
 65. Куртик Г. Е. Звезды в шумерских мифах // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция 2014. М., 2014.
 66. Ладынин И. А. История древнего Востока. Восток, Греция, Рим. М., 2004.
 67. Литовка И. И. Представления о пространстве и времени в древней Месопотамии касситского и

- ассирийского периода // *Философия науки*. 2011а, №4 (51).
68. Литовка И. И. Начала астрономии в Месопотамии // *Вестник НГУ. Серия: Философия*. 2011б. Т.9, вып.1.
69. Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. Пер. с древнемалоазиатских языков Вяч. Вс. Иванова. М., 1977.
70. Маковский М. М. Метаморфозы (Табуирующие маркеры в индоевропейских языках) // *ВЯ*, 1998, №4.
71. Маковский М. М. Семиотика языческих культов (мифопоэтические этюды) // *ВЯ*, 2002, №6.
72. Макс Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. Т.1. (А-Д). М., 1986.
73. Марр С. М. Мохаррам (Шиитские мистерии как пережиток древних переднеазиатских культов) // *Сборник музея антропологии и этнографии, XXVI. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии*. – Л., 1970.
74. Массон В. М. Первые земледельцы Месопотамии (К проблеме происхождения) // *ВДИ* № 3 (117), 1971.
75. Мациев А. Г. *Чеченско-русский словарь*. М., 2000.
76. Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи (указатель) // *ВДИ*, №1, 1954.
77. Меликишвили Г. А. Возникновение хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // *ВДИ*, 1965, № 1(91).
78. *Мифология народов мира*. Том 1. М., 2000.
79. Муталиев Т. Х.-Б., Чахкиев Д. Ю. Славные сыно-

- вья и дочери Ингушетии // Архивный вестник ГАС РИ. Вып. Назрань, 2004.
80. Николаев С. Л., Старостин С. А. Севернокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Древнего Востока. Ч. 3. Языковая ситуация в Передней Азии в VIII тысячелетиях до н.э. М., 1984.
 81. Немировский А. А. Месопотамия // Всемирная история. Т. I. Ред. Чубарьян. М., 2011.
 82. Николов Н., Харалампиев В. Звездочеты древности. Пер. с болгарского. М., 1991.
 83. Никонов В. А. Состояние и задачи ономастических исследований Кавказа // ВЯ, 1975, №4.
 84. Новиков С. В., Анохин А. С. Восточные кампании Антиоха IV Эпифана (165-164 гг. до н.э.): Прерванный великий поход? // Проблемы истории филологии. 2015, №1.
 85. Ногаидели Н., Ломтатидзе Т. Отражение древнейших верований в народных играх и забавах (по этнографическим материалам Аджары) // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика», 2009. Тбилиси, 2010.
 86. Нуруллин Р. М. К вопросу о шумерских заимствованиях в аккадском. Часть 1 // ВДИ, Т. 78, №4, 2018.
 87. Оздоев Р. И. Орфографический словарь ингушского языка. Магас, 2003.
 88. Оппенгейм А. Лео. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1990.
 89. Пизани В. Etymologica Harerga // Этимология, 1973. М., 1975.

90. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.
91. Саидов И. М. Мехк Кхел (Совет Страны) у нахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. II. Очерки по этнографии Горной Ингушетии. Тбилиси, 1968.
92. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. Назрань, 2010.
93. Семенов Л. П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Т. I. Вып. 1. История. Грозный, 1959.
94. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Том первый. А-К. СПб, 1893.
95. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Том первый. Часть I. Репринтное издание. М., 1989.
96. Старостин С. А. Hurro-Caucasica // Старостин С. А. Труды по языкознанию. М., 2007.
97. Тенгиз Гудава. До и после Библии. Шумеро-русский словарь. Ч. первая: А-Л. Интернет-ресурс:
<https://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html>. Дата обращения: 14. 07. 2020 г.
98. Тенгиз Гудава. До и после Библии. Шумеро-русский словарь. Ч. Вторая: М-З. Интернет-ресурс:
<http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary2.html>. Дата обращения: 14. 07. 2020 г.

99. Топоров В. Н. Из хеттско-лувийской этимологии: теофорное имя Kamrušera // Этимология 1983. М., 1985.
100. Чахкиев Д. Ю. Древности Горной Ингушетии. Т. 2. Нальчик, 2009.
101. Чеченско-русский словарь. Составитель И. Ю. Алироев. М., 2005.
102. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. (А-Н). М., 1977.
103. Шиллинг Е. М. Культ Тушоли у ингушей // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Т. IV, вып. 2. Орджоникидзе – Грозный, 1934-1935.
104. Хайров Б. А., Евлоев Я. И. Нахи: предки и наследники шумеров. Смоленск, 2005.
105. Хайров Б. А. Некоторые страницы из истории ингушей. (На инг. языке) // ВИИ. Вып. 8. Магас, 2011.
106. Хайров Б. А. О некоторых именах из припевов грузинских народных песен // Известия Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. Магас, 2013, №2.
107. Хайров Б. А. Наименование птиц, зверей и домашних животных в ингушском годовом календаре как проявление культа этих животных // Известия Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. Магас, 2015, №1 (5).
108. Хайров Б. А. К вопросу исторической этимологии наименований некоторых шумерских городов // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. Магас, 2017, №2.

109. Хайров Б. А. К вопросу шумеро-ингушских лексических соответствий и этнической атрибуции дошумерских насельников Месопотамии (К постановке проблемы) // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. Магас, 2019, №2.
110. Хубшмид И. Два румынско-славянско-тюркских этимологических гнезда и названия повозок в тюркских языках // ВЯ, 1990, №6.
111. Циркин Ю. Мифы Финикии и Угарита. М., 2000.
112. Шиллинг Е. М. Культ Тушоли у ингушей // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Т. IV, вып. 2. Орджоникидзе-Грозный, 1934-1935.
113. Юсифов Ю. Б. Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона) // ВДИ, 1987, №1(180).
114. Яковлев Н. Ингуши. М. – Л., репринт. изд. Назрань, 1990.
115. Ямпольский З. И. Пиры Азербайджана // Вопросы истории религии и атеизма. 1960, вып. 8.

Список условных сокращений

- ВДИ – Вестник Древней Истории
 Вестник НГУ – Вестник Новосибирского Государственного Университета
 ВИЕТ – Вопросы истории естествознания и техники
 ВИИ – Вопросы истории Ингушетии
 ВЯ – Вопросы языкознания
 ГАС РИ – Государственная Архивная служба Республики Ингушетии
 МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии

имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук

СА – Советская археология

Ст. – статья

V – любой гласный звук

gis – детерминатив, означающий «деревянный», «из дерева» (gis «дерево»), ставился в начале слова, не произносился при чтении и свидетельствовал о том, что далее речь идет о дереве или о предмете из дерева

GU4 – детерминатив перед названием домашнего скота

d – детерминатив божества – это особый знак dingir, который ставился в начале слова, не произносился при чтении и свидетельствовал о том, что далее идет имя божества или название священного предмета (по Г.Е. Куртику, 2009)

mul – детерминатив перед названием звезды, светила (mul «звезда, светило»)

mul/d – детерминатив перед названием звездного или светоносного небесного божества

Сокращения названий языков и диалектов

Араб. – арабский, авар. – аварский, адыг. – адыгский, аккад. – аккадский, анд. – андийский, араб. – арамейский, арм. – армянский, багв. – багвалинский, бацб. – бацбийский (цова-тушинский), ахв. – ахвахский, бежт. – бежтинский, ботл. – ботлихский, вар. – вариант, гин. – гинухский, год. – годоберинский, гунз. – гунзибский, дарг. – даргинский, др.-евр. – древне-еврейский, и.-е. – индоевропейский, греч. – греческий, инг. – ингушский, кар. – каратинский, карт. – картвельский, лит. – литературный, крыз. – крызский, ПВК – правосточнокавказ-

ский, семит. – семитский, ст. – статья, таб. – табасаранский, тинд. – тиндинский, урарт. – урартский, убых. – убыхский, хаш. – хашархотинский диалект бежтинского языка, хварш. – хваршинский, ХУ – хуррито-урартский, цах. – цахурский, цез. – цезский, цова-туш. – цова-тушинский (бацбийский), чам. – чамалинский, чам.-гак. – гакваринский диалект чамалинского языка, чам.-гиг. – гигатлинский диалект чамалинского языка, чеч. – чеченский, чеч.-акк. – аккинский диалект чеченского языка, шум. – шумерский.

К вопросу о названиях музыкальных инструментов из «царских гробниц» Ура

При раскопках на месте древнего шумерского города Ур Объединенной экспедицией Британского музея и Пенсильванского университета под руководством Леонардо Вулли в конце 20-х годов XX столетия был обнаружен грандиозный некрополь, часть которого составляет комплекс «царских гробниц» (Вулли, 1961, с. 1, 12-14, 51-97).

По выражению Н. Ф. Боровской, «в изучении культурного наследия Шумера Раннединастического Периода (XXVI-XXIV вв. до н.э.) памятники из «царских гробниц» в Уре занимают важное место. Обширное собрание вещей, разнообразных по характеру и назначению, создает достаточно глубокое представление об особенностях исторической и духовной жизни того времени» (Боровская, 1997, с. 3).

По мнению того же автора, «самыми интересными и сложными из них можно считать лиры – музыкальные инструменты, обнаруженные в трех захоронениях из шестнадцати» (Боровская, 1997, с. 3).

Экспедиции Л. Вулли удалось спасти пять музыкальных инструментов. Трем из них были присвоены индивидуальные названия – «золотая лира» (U. 12353), «серебряная лира» (U.12354), «серебряная лира-ладья» (U. 12355) (Боровская, 1997, с. 3; Вулли, 1961, с. 62, 64, 72-73).

Для наших исследований важно отметить, что «в урских гробницах представлены два типа инструментов: 1)

прямоугольный резонатор сочетается с двумя колонками и перекладной, вместе образующими трапецию; на торце резонатора расположены голова быка (или коровы) и инкрустационная композиция. Таковы лиры U. 12353, U. 12354, U. 10412, U. 10556; 2) инструмент имеет две колонки и перекладину, но форма резонатора напоминает маленькую изящную ладью; возле передней колонки помещена фигурка оленя, иконографически близкая знаменитой золотой статуэтке «козел в зарослях» (Боровская, 1997, с. 6).

«Сложность и большая религиозная значимость семантики, высокий художественный уровень соединяются со столь высоким уровнем технического устройства, и это делает инструменты из Ура поистине уникальной частью культурного наследия древней Месопотамии» (Боровская, 1997, с.13).

Наши же исследования связаны с названиями этих музыкальных инструментов и в основном относятся к области исторической лингвистики. Суть исследований в том, что «шумерское слово *giš*)ZÁ.MÍ (отсюда аккад. *sammûm*) – «лира» – без детерминатива переводится как «хвалебный», что указывает на предназначение лиры для сопровождения панегирических гимнов и песен. Они представляли собой специальный жанр с тем же названием – ZÁ.MÍ» (Боровская, 1997, с. 10).

В шумерском тексте, приводимом И. Т. Каневой, *zá-mí* тоже переводится как «хвала» (Канева, 2006, с. 107). В третьем источнике этот термин интерпретируется как (гимн) (по)хвала; восхваление; (*giš*)za-mi музыкальный инструмент, лира (Тенгиз Гудава. Интернет-ресурс: <http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary2.html>).

Это значение термина для нас является основополагающим, но оно не было исходным, как будет показано ниже.

По мнению В. В. Емельянова, термин *za-mi* является сложным словом, содержащим в своем составе *ME* (суть, бытие): *za3-ME* (букв. «сила *ME*» или «территория *ME*»), обычный перевод – «хвалебная песнь»).

В. В. Емельянов считает, что «в старошумерских текстах из Абу-Салябиха (современное название городка близ Ниппура, шумерское имя которого неизвестно) и в царских надписях из Лагаша (GABW. 365) только *za3-ME*, в более поздних *za3-mi2*. Чтобы прочесть здесь *ME* как /mi/, исследователи приписали этому знаку значение *mi3*. Но это явно искусственное чтение. Мы понимаем сочетание *za3-ME* как «сила *ME*» и исходим из значения *ZA3=em_qu* «сила, мощь». Также должен был называться и музыкальный инструмент, славящий *ME* богов» (Емельянов, 2003а, с. 75; см. также Емельянов, 2000, с. 150-174; Емельянов, 2009, с. 59-66, 110-127, 171).

Мы придерживаемся чтения этого шумерского термина, предложенного здесь В. В. Емельяновым, но, тем не менее, по некоторым соображениям будем следовать общепринятой традиции правописания.

Для целей нашего данной работы мы используем перевод термина *za-mi* «хвалебная песнь». По мнению В. Афанасьевой, к «хвалебным песням» шумеры относили произведения, называемые ныне «и гимном, и мифологическим эпосом, и героической песнью» (Афанасьева, 1973, с. 120, 666).

Таким образом, исходя из нескольких значений этого шумерского термина, мы располагаем возможностью последовательно, хронологически расположить эти самые значения. Итак, шумерское слово *za-mi*, первоначально означает «хвала» (в свою очередь, как мы сказали выше, слово это обязано происхождением архаическому словосочетанию *za3-ME* – «сила *ME*»). По мере

того, как усложнялся религиозный ритуал, хвалебные гимны божествам и героям сложились как отдельный жанр и термин *za-mi* принимает новое значение «хвалебная песнь». И, наконец, ввиду того, что со временем хвалебные гимны стали сопровождаться инструментальной музыкой, это слово перешло на музыкальный инструмент.

По мнению В. В. Емельянова, одним из многих понятий МЕ является «слава». «Слава» объекта нуждается в прославлении, отсюда и хвалебные песнопения (Емельянов, 2003а, с. 83). И. М. Дьяконов по этому поводу отмечает, что важной частью богослужения было вознесение ему «хвалы». Певчие, поддержанные хорами, при сопровождении оркестровой музыки целыми днями распевали непрерывную славу божеству (Дьяконов, 1990, с. 289).

Своеобразие нанесения на глиняную табличку шумерских литературных текстов породило письменную традицию отделять тексты друг от друга колофоном. Колофон указывал на принадлежность текста к одному из известных родов. Так, гимнические тексты – гимны богам, храмам, царям или героям – имели колофонную формулу *za-mi-dug* «(Такому-то) хвала сладка!». Мы видим, что письменная традиция способствовала появлению нового понятия, отличного от исходной формулы *za-mi* «хвала».

Как это ни странно, но выясняется, что трапециевидная форма лиры способствовала сложению некоторых шумеро-аккадских математических терминов. Выше мы отмечали, что Л. Вулли, исходя из их конструкции, разделил лиры из гробниц на два типа, первый из которых имеет форму трапеции. «Он предположил, что резонатор трапециевидной лиры – это схематическое

изображение туловища лежащего быка». Замечание Вулли подтверждается анализом изображений лиры на печатях и рельефах и математическими терминами, обнаруженными А. Д. Килмер «в старовавилонском тексте A3553, который включает в себя список коэффициентов геометрических фигур:

1) аккадск. *hasis sammim*, шумер. *GEŠTU. ZÁ.MÍ*, букв. «ухо лиры» и обозначает трапецию;

2) аккадск. *apsamikkum*, шумер. *AB. ZÁ-MÍ*, букв. «корова лиры» и относится к вогнутой поверхности;

3) аккадск. *rūt alpim*, шумер. *SAG.KI.GUD*, дословно «лоб быка» – связано опять же с понятием трапеции. По мнению А.Д. Килмер, оно также обязано своим происхождением лире, хотя слово «лира» – *sammim* (шумер. *(giš)ZÁ-MÍ*) – в нем и не употребляется (Боровская, 1997, с. 5, 6).

В обиходе ингушского языка существует слово «за́ме» – шафер, участник или участница свадебной процессии. Термин во множественном числе образует форму «за́ме-ш», под которым ныне понимается свадебная процессия в целом (Ингушско-русский словарь. 2009); чеч. «за́мо» – поезжанин (на свадьбе) (Мациев, 2000).

Этот термин получил распространение в некоторых нахско-дагестанских языках и сближение, усмотренное лингвистами, вполне вероятно: лезгинск. *šam*, табасаранск. *žam* «жених»; лакск. (с метатезой) *maša* «родственник»; аварск. *maž-ik* (с аналогичной метатезой) «троюродный брат»; чеч. *zamō*, инг. *zame* «шафер» (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 183).

Появление личного имени Замо, засвидетельствованное в ингушском предании, и связанный с этим именем микротопоним Замо́й Гала – «башня Замо́я», следует, на наш взгляд, связать с понятием за́ме, за́мо – шафер.

Кроме того, сохранился своеобразный фольклорный жанр хвалебных свадебных песен «за́ме илли» (илли – песня, или сказание). Эта песня обычно исполнялась молодыми участниками свадебной процессии со стороны жениха в доме родителей невесты. Смысл этого песнопения заключался в том, что певицы со стороны жениха всячески восхваляли достоинство жениха, а певицы со стороны невесты – ее красоту и нежность (Ингушский фольклор. 2002, с. 472-483).

Таким образом, выходит, что хвалебная песнь «*zami*» Гильгамешу в поэме «Послы Аки...» у шумеров (Афанасьева, 1997, 204-207, 409; см. также Афанасьева, 1979, с. 83-84) и хвалебная песнь «*зами илли*» жениху и невесте у ингушей, имеют лексическое и семантическое тождество. Более того, они относятся к одному и тому же литературному жанру.

Название еще одного музыкального инструмента *bala* (*bala(g)*) в точности совпадает с названием жанра погребальной песни или плача. Хотя первоначально термин бала(г) – арфа в литературных текстах часто употребляется для обозначения барабана. Песня бала(г) исполнялась под музыкальный инструмент бала(г) и являлась ритуальным плачем о всенародном бедствии (Афанасьева, 1997, с. 433, 440). Здесь улавливается та же закономерность возникновения новых названий, связанных с назначением инструмента, о которой мы говорили выше. Любопытно совпадение названия шумерской погребальной песни *bala(g)* на формальном уровне с ингушским словом *бала* – «горе, беда, невзгоды», «мука, страдание» (Ингушско-русский словарь, 2009). Вряд ли приведенные нами лексические совпадения можно назвать случайными.

В ходе войны между городами Уммой и Лагашем,

которая длилась два года, были разорены и разрушены все общины и храмы, лежащие на границе с Уммой. В это время сложился «Плач по Лагашу» (Емельянов, 2001, с. 73-74).

В 2024 г. до н.э., в период царствования Иббисуэна, пятого и последнего царя могущественной третьей династии Ура, государство третьей династии Ура было разгромлено эламитами, субаритами и амореями. Город Ур был разрушен. Этим периодом датируется создание плача о разрушении города Ура ««Он покинул свое стойло...», состоящий из десяти песен (Афанасьева, 1997, с. 8, 271-287; 435-439; Дьяконов, 1990, с. 11-13, 380).

Кроме названных нами, в шумерских письменных памятниках различных эпох упоминаются многочисленные названия музыкальных инструментов и песенных жанров. Мы здесь излагаем далеко не полный их перечень: *гусилим*, *лилис* (*тамбурин или большой медный барабан*), *уб* (*вид барабанов*), *меси* (*мези*) (*род литавров*), *шир* (*флейта*), *балаг* (*арфа или барабан*), *пукку* (*барабан*), *тиги* (*ti-gi₄ – гонг в виде медной полусферы, обтянутой телячьей кожей*), *шем* (*свирель*), *миритум*, *адаб* (*струнный инструмент*), *алгар*, *ала*. На название последнего мы обратили внимание по той причине, что в лексике шумерского музыкального искусства мы находим очень похожее на него слово *аллари* – «песня радости» (Крамер, 1991, с. 111, 214; Емельянов, 2003б, с. 268, 270, 271; Афанасьева, 1997, с. 433, 163).

Основная же причина, привлекающая наше внимание и побудившая нас взяться за сравнительный анализ обозначенных шумерских музыкальных терминов – это их соответствие на формальном уровне ингушскому слову *áла* – сказать, произносить, молвить, вымолвить, выра-

зять, выговорить; *алар* – сказать, сказание (Ингушско-русский словарь. 2009). К примеру *илли ала* – петь (букв. сказать песню), где *илли* песня (эпическая, героическая или сказание; самостоятельный песенный жанр); *иллиа-лар* – песнопение. [Ср.: шумерское *i-lu*: песня, плач, погребальная песнь; *i-lu...du₁₁/e*: петь погребальную песню; *dug₄, du₁₁*: *суц.* речь) (Тенгиз Гудава. Интернет-ресурс: <https://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html>).

Чуть ниже мы опять вернемся к этой проблеме.

Что же касается шумерских терминов, мы предполагаем, что термин *аллари* генетически связан с названием музыкального инструмента *ала*. Здесь можно усмотреть тот же принцип усложнения семантики термина, какой мы видели в рассмотренном нами шумерском термине *za-mi*, т. е. процесс перехода названия песенного жанра на название музыкального инструмента. Разница лишь в том, что здесь название музыкального инструмента приходится признать исходным. В связи с этим важно отметить и другое обстоятельство, где шумерские песенные жанры *шир-гид-да* «длинная песнь», *шир-нам-ур-сага* «песнь в честь судьбы героя», *шир-ра-нам-ен-на* (*šir-ra-nam-en-na*) или *шир-ре-нам-нир-ра* (*šir-re-nam-nir-ra*) «песня господства», «песнь шир-суд» сопровождаемые аккомпанементом на флейте *шир* своим происхождением опять-таки обязаны названию флейты (см.: Емельянов, 2003б, с. 268, 277; Тенгиз Гудава. Интернет-ресурс: <http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary2.html>).

Само же название флейты, видимо, происходит от шумерского слова *šir...áa*: петь; кричать, плакать (*šî; šur*: *суц.* песня; плач) (Тенгиз Гудава. Интернет-ресурс: <http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary2.html>).

[Ср.: цезские языки: инхокваринск., квантладинск., шору, хваршинск. шойру, гинухск. шуршатIу – «флей-

та); даргинские языки: губденск. шетI, мегебск. шетI дукIани, мекегинс. шятI, хайдакск. сирситIан, агульск. суретI – «флейта» (Бернард Комри, Халилов, 2010, с. 783). Я бы сюда добавил и инг. шедол(г) – «свирель».]

Что касается исторической этимологии ингушского *ала* и его соответствий в нахских и других языках, то мы располагаем прекрасным сравнительным анализом, произведенным в свое время Ю. Д. Дешериевым: урартск. *ali*, бацб. *альо*, чеч. *ол-а* (< *ал-о*), инг. *оал* (< *ал-о*) – «говорит»; ср. еще чеч., инг. *ал(а)*, бацб. *аль(а)* – «скажи, прикажи». По признанию Ю. Дешериева, указанные формы восходят к исходной основе *ал-* (ср. чеч., инг. *ал(а)*, бацб. *аль* – «скажи, говори, прикажи, повелевай») (Дешериев, 2006, с. 49, 50, 52-53; 136-137; 225); инг. *ала* (оал, аьлар, аьннад, аргда) сказать, произнести, молвить, вымолвить, выразить (Ингушко-русский словарь. 2009). [Ср.: цезские языки: инхокваринск., квантладинск., хваршинск. *илла*; цезск.-мококск., цезск.-сагадинск. *эла* – «сказать» (Бернард Комри, Халилов, 2010, с. 765).]

И. М. Дьяконовым и С. А. Старостиним также было выявлено сближение нахского термина *ала* с термином ХУ **xill-*: хурр. *xill* «говорить» в хуррито-урартских языках (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 187).

Согласно С. А. Старостину, северокавказские языки вместе с енисейскими и тибето-китайскими принадлежат к сино-кавказской макросемье языков. В этом направлении С. А. Старостиним был произведен сравнительный анализ исследуемого нами термина и полученные им результаты напрямую связаны с нашим исследованием: «сказать» ПБК **ʔilLV*, ПСТ **lā* (где знак *ʔ* обозначает звук [ʔ] ингушского алфавита или арабск. «Iайн»; *V* – любой гласный звук) (Старостин, 2007, с. 271, №47).

В этом свете для нас также важны исследования отечественного ученого В. И. Анучина в области языка енисейских народов, проведенные в начале XX столетия. Мы находим слог автора своеобразным и слишком сложным для переложения и потому излагаем текст дословно в авторском варианте. Итак, по сведениям В. И. Анучина, «понятие «шаманъ» енисейцы выражают словом *çéniñ*, «шаманка» – *çéniñ*... Шаман шаманит = *çéniñ dújhot*. В понятии *dújhot* (прошедшее совершенное будет *dil`hot*) есть некоторый намек на пение; песня = *il*; повелительное наклонение: шаман = *il`hot!* – что одновременно значит *пой* (*петь*), хотя шаманская песня называется *кут`* (Анучин, 1914, с. 23).

Обратим внимание на слова *il`* «песня» и *il`hot* «пой (петь)».

Бросается в глаза, что хуррито-урартское *xill* «говорить» и кетское (устар. остяцкое) *il`* «песня» несколько ближе к ингушскому и чеченскому *илли* «эпическая, героическая песня», «сказание», чем к общенахскому ал(а) «сказать», «говорить». Очевидно, что оба термина имеют единый консонантный корень [л] и, вероятнее всего, нахские слова *ала*, *илли* развились из единого корня.

Расхождение трех подгрупп (севернокавказской, сино-тибетской и енисейской) сино-кавказской семьи С. А. Старостиным приблизительно датируется IX-VIII тысячелетиями до н.э. (распад прасевернокавказского и прасинотибетского соответственно датируется IV-VI тыс. до н.э.) (Старостин, 2007, с. 282). Так как присутствие исследуемого нами термина засвидетельствовано во всех подгруппах синокавказской семьи до их расхождения, мы вправе говорить об очень глубокой древности исследуемого нами термина.

Само имя города, в котором были обнаружены лиры,

и с которых мы начали свою речь, имеет параллели в ингушском языке.

Общепринятое название города Ур (Ури, Урим (URIM₂) – другое написание имени этого города»; в библейском тексте также передается как Урим) восходит к шумерскому *uru* (*uru*₍₂₎(*ki*) – «поселение, город, округ»; «община» (Канева, 2006, с. 26, 35-38). По мнению И. М. Дьяконова, во времена, когда еще не было терминологического различия между «городом» и «деревней», шумерский термин *uru-bar(a)* обозначал не «деревню», а «временное становище пастухов и охотников» (Дьяконов, 1973, с. 32). Термины ингушского языка *урд* «надел, участок пахотной земли», а также *урам* «улица» восходят к шумерскому *uru*. Данный этимологический процесс был представлен нами ранее (Хайров, 2011, с. 160-161; см. также Хайров, 2017, с. 33-34).

Город Ур величался «городом Нанны» по имени шумерского бога луны и времени Нанны, главного божества этого города. Нанна – он «свет, блеск, венец Ура». Ему было посвящено святилище Экишнугаль в Уре. Второй важный культовый центр бога Нанны – в Харране, на севере Двуречья. Нанне поклонялись во всем Шумере. До нас дошло множество молитв, обращенных к этому богу, и хвалебных гимнов в его честь. Священным животным бога луны Нанны был бык, рога которого образуют полумесяц; один из наиболее распространенных эпитетов Нанны – «бык с лазуритовой бородой». Скульптурные золотые головы быков с лазуритовой бородой и рогами украшали резонаторы лир (мы о них упоминали выше). Как известно, бык – животное, обладающее громким голосом. Поэтому с ревом быка шумеры сравнивали звуки музыкальных

инструментов (особенно струнных), гул реки в половодье, зычный голос правителя (Емельянов, 2001, с. 249). Известно, что многие из божеств, причисляемых к шумерскому пантеону, на самом деле являются субстратными дошумерскими божествами (Дьяконов, 1982, с. 28; Оппенгейм А.Лео, 1980, с. 35; Массон, 1971, с. 14). Имена шумерских божеств Нанна (Нана), Инанна (Инана, Иннин), Нанайя (Нанайа) (Дьяконов, 1990, с. 27, 401; Канева, 1964, с. 195) восходят к ингушскому нана – «мать». Данный этимологический процесс был также представлен нами ранее (Хайров, 2011, с. 178; Хайров, 2017, с. 38; Хайров 2013, с. 196-198).

Обычай сопровождать погребения воинов струнными музыкальными инструментами «дахчан-пандараш» («дахчан-пандар» – струнный музыкальный инструмент наподобие скрипки), подобно погребениям в гробницах Ура, отмечен в наземных склепах горной Ингушетии. Так, при раскопках в башнеобразном склепе горного селения Эгикал Л. П. Семеновым были зафиксированы погребения двух воинов XVII-XVIII вв. Помимо комплекса вооружения (мисюрка, щиты, боевые топорики, сабля, боевые ножи, луки со стрелами), в погребальный инвентарь усопших входили два струнных музыкальных инструмента «дахчан-пандар». По мнению археолога, один инструмент «представляет выдающийся интерес, так как на обратной его стороне сделан резной рисунок линейного типа, изображающий охоту на оленя; тематически этот рисунок сходен с фреской на наружной стороне юго-западной стены того же склепа» (Семенов, 1960, с. 48, 49, 52)¹³.

¹³ В этой связи примечательно, что возле передней колонки «се-

Аналогичный музыкальный инструмент входил в состав богатого погребального инвентаря (кольчатый панцирь, шлем, налокотники, сабля, боевой нож, лук и стрелы) ингушского воина XVI-XVII вв. из наземного склепа Фалханского некрополя. Помимо набора воинского снаряжения, «дахчан-пандар» был отмечен и в воинском захоронении XVII-XVIII вв. в наземной усыпальнице у села Эрзи (Джабраилова, Чахкиев, 1991, с. 34, 35).

По сведениям И. Ш. Джабраиловой и Д. Ю. Чахкиева, «эпизодические находки подобных музыкальных инструментов в уже разграбленных местных наземных коллективных склепах, также наряду с разнообразными предметами вооружения, были известны В. Ф. Миллеру, Л. П. Семенову, Е. И. Крупнову, В. Б. Виноградову, М. Б. Мужухоеву» (Джабраилова, Чахкиев, 1991, с. 35).

Далее, как сообщают И. Ш. Джабраилова и Д. Ю. Чахкиев, «...в прошлом в местных боевых отрядах или ратном ополчении довольно часто находился воин-певец «илланча» (от *илли* – «героическая песня», «сказание»), умело слагавший и исполнявший традиционные песни (обычно героического содержания) и подобным образом вдохновлявший соплеменников на стойкость, мужество и победу. Обычно непосредственно перед началом сражения, а порой и в самый драматический, критический момент боя, он воодушевлял воинов (особенно молодых) эмоциональным исполнением наиболее ярких героико-эпических песен предков» (Джабраилова, Чахкиев, 1991, с. 35).

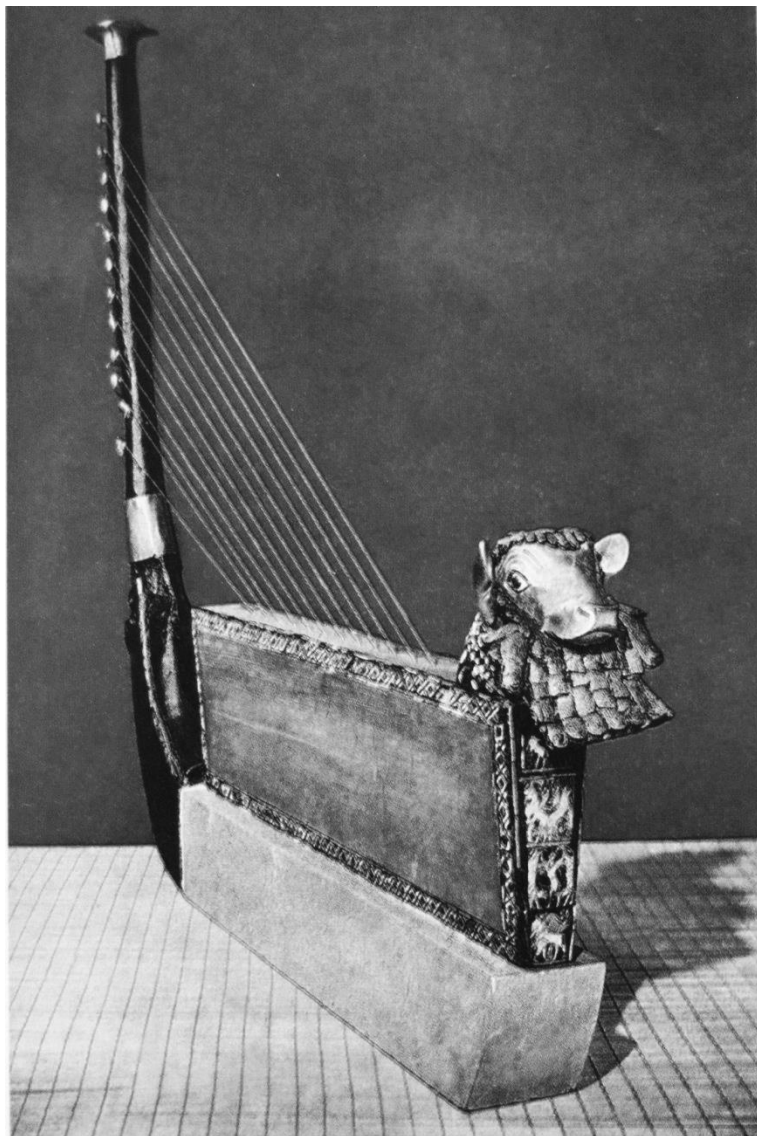
По мнению Р. М. Мунчаева и др., «несомненно, в

ребряной лиры-ладьи» или «лиры-ладьи» (U. 12355) из гробницы Ура помещена фигурка оленя (см. Боровская, 1997, с. 5).

настоящее время, то, что через приморский Дагестан пролегал важнейший путь проникновения переднеазиатских этно-культурных влияний в центральные и западные районы Северного Кавказа. Именно результатом этих влияний стало формирование на данной территории феномена майкопской культуры». Далее, считает Р. М. Мунчаев, «можно констатировать, что накопленный к настоящему времени археологический материал позволяет с достаточной очевидностью установить весьма тесные связи Восточного Кавказа с Ближним Востоком в 4-3 тыс. до н.э. и довольно активные этнокультурные влияния, в частности Месопотамии, на Восточное Закавказье, Дагестан и Серный Кавказ в целом» (Мунчаев, Амиров, Магомедов, 2010, с. 321; см. также Ахундов, 2010, с. 62; Андреева, 1996, с. 88-90; Амиров, 2014, с. 10-11, 14).

Итак, подводя итоги, мы можем констатировать, во-первых, удивительное соответствие шумерских терминов *за-ми*, *бала*, *ала* // *аллари* ингушским терминам *земе*, *бала*, *ала*. Во-вторых, удивительное сходство традиций погребальных обрядов, которое выражается в сопровождении усопших музыкальными инструментами. В-третьих, совпадение названия шумерского города, где были обнаружены музыкальные инструменты – *Ур*, с терминами *урд* – надел, участок пахотной земли и *урам* – улица в ингушском языке. В-четвертых, полное созвучие имени шумерского бога луны *Нанна* с ингушским *нана* – мать.

Эти лексические параллели недвусмысленно свидетельствуют о глубоких генетических связях культуры кавказских народов с культурой древних государств, и, в первую очередь, Шумера.

Арфа из гробницы царицы Шубад. Ур, III тыс. до н. э.
(по Афанасьева и др., 2000)

Голова быка из золота с лазуритовой бородой
(навершие резонатора арфы). Около 2500 г. до н. э. Шумер
(по Афанасьева и др., 2000)

Литература и источники

1. Андреева М.В. К вопросу о знаковой роли посуды из раннебронзовых памятников Кавказа (конец IV-III тысячелетия до н.э.) // ВДИ, № 1, 1996.
2. Амиров Ш.Н. Месопотамско-кавказские связи IV-III тыс. до н.э. в свете климатических флуктуаций // КСИА, вып. 233, 2014.
3. Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сборник Музея Антропологии и Этнографии при Императорской Академии Наук. Т. II. 2. СПб., 1914.
4. Афанасьева В. К. Литература Шумера и Вавилонии // Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
5. Афанасьева В.К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979.
6. Афанасьева В. К. От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб., 1997.
7. Ахундов Т. Динамика расселения на Южном Кавказе в эпоху неолит – ранняя бронза (центральный и восточный районы) // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Тбилиси, 2010.
8. Бернанд Комри, М. Халилов. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. Лейпциг-Махачкала, 2010.
9. Боровская Н.Ф. Лиры из «царских гробниц» Ура как памятники шумерской культуры раннединастического периода // ВДИ, №4(223), 1997.
10. Вулли Л. Ур халдеев. М., 1961.
11. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы проис-

- хождения и исторического развития горских кавказских народов. М., 2006.
12. Джабраилова И. Ш., Чахкиев Д. Ю. Музыкальные инструменты в воинских захоронениях 16-18 вв. горной Ингушетии // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986-1990гг.). Грозный: 1991.
 13. Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э. (По материалам города Ура) // Древний Восток. Города и торговля (III-II тыс. до н.э.). Ереван: 1973.
 14. Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. I // ВДИ, №3, 1982.
 15. Дьяконов И. М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
 16. Дьяконов И.М. Люди города Ура. М., 1990.
 17. В. Афанасьева, И. Дьяконов, В. Якобсон, И. Ключков. Когда Ану сотворил небо. М., 2000.
 18. Емельянов В.В. О первоначальном значении шумерского МЕ (методология исследования категорий мироощущения) // ВДИ, 2000, №2.
 19. Емельянов В. В. Древний Шумер. Очерки культуры. СПб., 2001.
 20. Емельянов В. В. Категория МЕ в старошумерских и саргоновских текстах // ВДИ, №1, 2003а.
 21. Емельянов В. В. Ритуал в древней Месопотамии. СПб., 2003б.
 22. Емельянов В. В. Шумерский календарный ритуал (Категория МЕ и весенние праздники). СПб., 2009.
 23. Ингушский фольклор (на инг. языке). Составитель А.У. Мальсагов. Магас, 2002.

24. Канева И.Т. Шумерский героический эпос. Транскрипции, перевод, комментарий и вводные статьи И.Т. Каневой // ВДИ, №3, 1964.
25. Канева И.Т. Шумерский язык. СПб., 2006.
26. Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991.
27. Массон В. М. Первые земледельцы Месопотамии (К проблеме происхождения) // ВДИ, №3, 1971.
28. Мациев А. Г. Чеченско-русский словарь. М., 2000.
29. Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., Магомедов Р.Г. Восточный Кавказ и проблема кавказско-месопотамских связей в 4-3 тыс. до н.э. // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала, 2010.
30. Оппенхейм А. Лео. Древняя Месопотамия (Портрет погибшей цивилизации). М., 1980.
31. Семенов Л. П. Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал // Известия НИИИЯЛ. Т. 2. вып.1. 1960.
32. Старостин С. А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и севернокавказскими языками // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007.
33. Тенгиз Гудава. До и после Библии. Шумеро-русский словарь. Ч. первая: А-Л. <https://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html>. Время обращения: 14. 07. 2020 г.
34. Тенгиз Гудава. До и после Библии. Шумеро-русский словарь. Ч. вторая: М-Z. Интернет-ресурс: <http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary2.html>.

35. Хайров Б. А. Некоторые страницы из истории ингушей. (На ингушском языке) // Сборник «Вопросы истории Ингушетии». Выпуск VIII. Магас, 2011.
36. Хайров Б. А. О некоторых именах из припевов грузинских народных песен // Известия Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, 2013.
37. Хайров Б. К вопросу исторической этимологии наименований некоторых шумерских городов» // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева. 2017, №2.

Сокращения названий языков, диалектов и говоров

аварск. – аварский, агульск. – агульский, аккадск. – аккадский, бацб. – бацбийский (цова-тушинский); даргинские языки: губденск. – губденский диалект, мегебск. – мегебский диалект, мекегинс. – мекегинский диалект, хайдакск. – хайдакский диалект; инг. – ингушский, лакск. – лакский, лезгинск. – лезгинский, *ПВК* – правосточнокавказский, *ПСТ*– прасинотибетский, табасаранск. – табасаранский, урартск. – урартский, хурр. – хурритский, ХУ – хуррито-урартский; цезские языки: гинухск. – гинухский, инхокваринск. – инхокваринский диалект или говор, квантладинск. – квантладинский говор инхокваринского диалекта хваршинского языка, цезск.-мококск. – мококский говор цезского языка, цезск.-сагадинск. – сагадинский диалект цезского языка, хваршинск. – хваршинский язык и диалект; чеч. – чеченский, шумер. – шумерский.

Прочие сокращения

gis – детерминатив, означающий «деревянный», «из дерева» (gis «дерево»), ставился в начале слова, не проносился при чтении и свидетельствовал о том, что далее речь идет о дереве или о предмете из дерева

za3, (URIM₂) – шумерский язык был односложным, что явилось причиной множества омонимов. Для исключения путаницы в значениях принято их нумеровать.

Историко-этимологический аспект термина «буру // бурув»

В плоскостной и предгорной зоне Ингушетии выявлены многочисленные археологические памятники оборонного характера – городища. Городища – это земляные укрепления, крепости, оборудованные мощными валами, рвами и другими оборонительными системами (например, брустверами и цитаделями). Исходя из естественной географией местности, городища имеют различный план – четырехугольный, овальный, круглый и т.п. Как правило, расположены городища на стратегически важных местах – на возвышенностях, прибрежной зоне рек и ручейков, а также в местах их слияний. Относятся они к различным историческим периодам, начиная от эпохи ранней бронзы (III тыс. до н.э.) и вплоть до средневековья (V-XIII вв.). Большинство городищ на нашей территории сосредоточено вблизи или на подступах к древнему городу Магас, образуя собой цепь взаимосвязанных укреплений.

Многие из городищ имеют собственные названия – например, Экажевское городище «Ачам-Боарз», Газийуртовское городище «ЙиГий-Боарз», Ачалукские городища «Дидиг-гув» и «Темарха-Боарз», Насыркортское городище №2 «Бур(у)-Боарз» (букв. «крепость-курган»), Кантышевское городище «Бур(у)-Боарз» и т. д. [1].

Любопытно, что в середине XIX в. к северо-востоку от крепости Владикавказ топографами зафиксирован курган под названием «Буру-барз» [2].

Добавим, что любое городище на ингушском языке носит название – «буру(в)-боарз» (букв. «крепость-курган»), который имеет смысл «укрепленное поселение», «земляное городище».

В настоящее время на территории Ингушетии и по соседству с нашей республикой имеются несколько населенных пунктов, названия которых состоят из основы «буро(у)»: Буро(у)кIал(хе) (букв. под крепостью); БуромагIа (букв. «верхняя оконечность крепости, или поселение, расположенное выше крепости» – ингушское название поселка Южный); Буруче – устаревшее название крепости Назрань. Буру гIала, Шахьар Буру, Буру(в) – ингушское название города Орджоникидзе (ныне Владикавказ). [3].

Названия же «Буру гIала» и «Шахьар Буру» – термины-дуплеты, означающие «город-крепость», «город-укрепление».

Этот список можно продолжить дальше: Ир-Буру-Корта – топоним в Ассинском ущелье, вблизи с. п. Мужичи; в средневековых источниках упоминается укрепленное поселение Бури-Берд из тех же мест, уничтоженное войсками Тимура.

Среди укрепленных поселений Центрального Кавказа, в том числе и Ингушетии, исследователи выделяют две группы.

К первой группе относятся так называемые «каменные городища» – расположенные в предгорьях и горных районах поселения с оборонительными стенами из камня, ингушское название которых двояко – *gIann, gIala. GIann* («крепостная стена», «крепость») – это поселение с каменными оборонительными стенами по окружности.

Башенная архитектура исторически засвидетельствована у хурритов – наличие многоярусных общесемейных каменных жилищ у этого народа на Иранском нагорье известно с IV тыс. до н.э. [4]. Как известно, хурриты относятся к нахско-дагестанским народам [5] и, как заявляют ученые-лингвисты, по языку они наиболее близки к нахам.

По утверждению Джандиери М. И. и других авторов многочисленные указания древних источников на широкое распространение комплексов башенного жилища на территории Закавказья и Кавказа позволяют отнести этот район к одному из очагов зарождения этой формы [6].

Сам термин гала «башня» через gaI «большой», «великий» восходит к шумерскому e-gaI «дворец» (букв. «дом большой»). Из Двуречья этот культурный термин получает широкое распространение во многие языки древней Передней Азии. При этом, несмотря на растянутость процессов заимствования во времени, семантика его во всех заимствованиях остается неизменной. К примеру, в урартских надписях мы этот термин находим в той же шумерской форме È-GAL и не только в значении «дворец», но и в значении «цитадель, крепость» [7].

Ко второй группе оборонительных сооружений относятся так называемые *буру(в)* «земляные городища», «укрепленные поселения», на равнинах с оборонительными системами, включающими рвы, валы, брустверы и цитадели, при возведении которых использовалась земля, глина и сырцевой кирпич. В этом состоит их основное отличие от каменных оборонительных сооружений «*гала*» и «*гипп*».

Конструктивные особенности укреплений вызваны по преимуществу геоморфологией Северного Кавказа и, очевидно, временем их сооружения, отмечает В. Б. Ковалевская [8].

В отличие от этого автора, мы склонны считать, что архитектура этих укреплений традиционно сложилась еще в глубокой древности в среде этноса, постоянно обитавшего в гористой местности и широких межгорных долинах и обладала тенденцией цепкого наследования на протяжении многих тысячелетий, вплоть до начала XIX века.

Мнение В.Б. Ковалевской о принадлежности укрепленных поселений кочевым племенам легко оспаривается одним общеизвестным фактом: кочевые племена не оставляют архитектурных свидетельств.

В современном ингушском языке слово *буру(в)* имеет несколько значений: 1. резец гравера, сверло; 2. название земляных укреплений, городищ [9].

Любопытно, что в шумерском языке, впрочем, как и в современном ингушском, термин *bûru* имеет несколько значений и эти значения в обоих языках довольно близки между собой:

1) Шум. *buru, bur*: резец гравера; нитка, нить (глагол: просверлить, прокалывать; проникать).

2) Шум. *bûru(-d), bûr*: дыра, начало; рудник; копь; шахта; глубина [10].

Как видим, значения этого термина в обоих языках очень близки между собой.

По сведению И.М. Дьяконова, шумерское название реки Евфрат «Буранун» состоит из двух основ *bur-a+nun*, вероятно, «бездна (букв. «выкопанная») великая» [11].

Заметим, что шумерское *buru* у И. М. Дьяконова имеет значение «выкопанная или выкопанный».

Отсюда, на наш взгляд, напрашивается однозначный вывод о том, что первичным в этой терминологии в обоих языках являются названия некоего шанцевого инструмента или процесса, связанного с землестроительными работами. Безусловно, исследуемые нами древние земляные укрепления буквально выкопаны, сложены из глины. «Буру(в)» как название укрепленного поселения, а в последующем и города, следует рассматривать как вторичное явление.

Литература и источники

1. Реестр археологических памятников предгорной и плоскостной зоне Ингушетии // Вестник Археологического Центра. Вып. I. Назрань: 2001. С. 5-15; Кодзоев Н. Крепость Назрань. Назрань: 2004. С.3-5; 27-28; Дзауров М. А. Гамурзиевское городище // Вестник археологического центра. Вып.1. Назрань: 2001. С.74.
2. Карта «План Владикавказа с окрестностями (1850-ые г.г.)» // РГВИА. Ф. 418.Оп. 1. Д. 805. Л.1.
3. Куркиев А. С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. – Грозный, 1979. С. 215, 234; Мальсагов З. К. Грамматика ингушского языка. Грозный: 1963. С. 142.
4. Ильин Г. Ф., Дьяконов И. М. Первые государства в Индии. Предгородские культуры Средней Азии и Индии // История древнего мира. Ранняя древность. М.: 1983. С. 178.
5. Дьяконов И. М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: 1988. С. 164-165, 203-204.
6. Джандиери М. И. Древнее башенное общинное жилище // ВДИ 1981 №2 (156). – С. 136; Худадов В.Н. Мегалитические памятники Кавказа // ВДИ. № 1. 1937. С. 196-215.
7. Меликишвили Г. А. Диаухи // ВДИ. №4. – 1950. С. 38; Хайров Б. ГалгIай исторен цхъайола оагIонаш. (На инг. яз.) // ВИИ. – Вып.8. – Магас, 2011. –С. 169, 196, 197, 198.
8. Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С. 146.

9. Куркиев А. С. Ингушко-русский словарь. Магас: 2004.
10. Тенгиз Гудава. До и после Библии. Шумеро-русский словарь. Ч. первая: А-Л. Интернет-ресурс:
<https://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html>.
Время обращения: 14. 07. 2020 г.
11. Дьяконов И.М. Языки Древней Передней Азии. М.: 1967. С. 50.

ГІалГІай исторен цхъайола оагІонаш

Хъа вошал да [са халкъ]
Дунен тІа мел дахача е даьхача халкъашца,
Палеолита, мезолита ханашкара хъабоаГІа
Хъа ира, шира мотт.

Хъоашалнаькъан Іаьла

Гетгара шира ханаш

ХІанзарчул 10-13 эзар шу хъалха, мезолита (кхеран заман юкъера зама) замалахъ, Тигри Евфрати яхача шин хин аренца доазув долча лоаман моттигашка кабола эрий ялаташ лохьдар чІоагІа хувцалу: цу заманчухъ саго буача кхачах дикка дакъа дІалоац цу ялаташа. Цул тІехъаГІа, массехк эзар шера, ялаташ леладарцеи хъайбаш карадерзадарцеи оамал бу цига даьхача адамаша. Из зама исторен гетгара белгала я, хІана аьлча, кхоачам болаш кхача Іалашбе Юмалу вай бувца нах. Из гойт археологен оахкамаш деш корадаьча марсаша, ялата фийгаш оатача кхертІоша, саг ваьхача моттигашка устагІан а газан а тІехкаш совъяларца. Іан замалахъ лоаман хъагІарашка, хІаьта ахкан замалахъ хин юхе, аренца Іа адам. Ахка даккха саьргах (эрзах) дийца топпар хъаьха цІенолгаш де Юмалу уж. Адамаша эггара хъалха яьча гІишлонех яраш я уж. ТІехъагІо, цхъа ха-зама яьлча, бийдача топпарах яьча кирпишкех гІишлош хъалъе болалу лоамашкара ЮкІалбаьнна нах. Таханарча гІишлоний хъисапе хиннай уж.

Ийс-итт эзар шу хъалха, неолита замалахъ, Лакхерча Месопотаме эггара хъалха даха ховш лаьтгеи хъайбаши леладу къамаш. Царех цхъадолчар, Загрос яхача лоамашкара ЮкІалдаьнначар, Тигр яхача хин аренца Юле-

ста моттигаш дІалийцай. Уж къамаш хассунски а, хІаъта цунна тІехъатІайоагІача самаррски а археологически культуран викалаш да.

Къулбаседара, Эрмалой лоамашкара (геттара ширача замалахъ «Уруатре, Ур-Аратте» а оалаш хиннад цу лоамех) ЮкІалдаънна къамаш Евфрат яхача хин аренца леста даха хайшад. Уж къамаш халафски археологически культуран викалаш да. Лакхе вай хьоахадаъ къамаш Хълхашкарча Азе эггара хълха боахам билла даха хайшачарех да.

Белгалдаккха деза, Месопотаме (яний меттала «хи юкъ, е шин хин юкъ» яхилга да из) Тиграи Евфратаи юкъе ула мохк болга. Из мохк шин дакъе бекъ: Лохера Месопотаме, Лакхера Месопотаме. Лохера Месопотаме Тиграи Евфратаи юкъера аре готта йолча ула мохк ба. ШоллагІа дакъа, вай ма аллара, Лакхера Месопотаме я. Укхаза шин хин юкъера аре цаъхха шерлу. ТІаккха ший аргІанца Лохера Месопотаме а шин дакъе екъалу: Къулбехъа улача мехках Шумер яха цІи дІаяхай, къулбаседа улар Ки-Ур (МагІа ула мохк, лаътта), е Аккад (Агаде) яха цІи йолаш хиннаб. Лохерча Месопотаме дола лаътта ерригача а Хълхарча Азен мел долча лаъттал хъаънагІа хиннад.

БархІ эзар шу хълха самаррски культуран викалаш Лохерча Месопотаме гІюлла дІабаържаб. Пирсаъний айманга (Персидский залив) кхаччалца йолча моттигашка баха хайшаб уж, укхаза йоккхийча юртий хъисап дола шахъараш Ю а ехкаш (История древнего мира, 2001, с. 113-114; Авдиев, 1948, с. 39-41; Мерперт, Мунчаев, 1971, с. 141-169; Массон, 1971, с. 3-12; Чайлд, 1956, с. 165-192; Амиров, 2000, с. 30-46).

Къулбаседера лоамашкара денача, шин хин юкъе улача мехка вахар диллача къамо шийх йоаккхаш йола цІи «су» хиннай. Ширача замалахъ 3-ча эзар шерашка

шумерий йоазонашка «Су-бир» яха цИи йолаш ба вай дувца къам даьха мохк. Историка И. А. Ладынина язdech, цу деша маІан эрсий меттала «Пространство су» да. ПалгІай меттала «су мохк» аьнна, таржам де мегаргдолаш я из термин. ТІаккха тІехьагІо, III-гІа эзар-шераш чакхдоалаш, II-ча эзар-шерашка аккадий йоазонашка «Субарту» е «Шубарту» аьнна язью цу мехка цИи. Таханарча Илманна йовзаш яр цу деша овлан тІара йоагІаш йола субари (субареи, субарийцы) яха цИи я. ДукхагІболча Илманхоша субариташ а хурриташ а цхьа къам лоархІ. Белгалдаккха деза, III-гІа эзар-шераш дІадолалуш Кавказа лоамашкара Месопотаме баьхкача хурритех субариташ оалаш хинналга. Цу шинна къаман мотт а культура а йоккха юкъ йоацаш хинналга белгало я из. Вай ювчача ханашка Шумере бувцаш кхо мотт хиннаб: шумерийи, хурритийи, аккадийи. Су-бире нах баха моттигаш (эрсий «поселения»), вай ма аллара, геттара а ширача замалахь Іоехка хиннай. Шумераш кхетадеш хиннаб хьалха цу мехка субариташ баьхалга а, тІехьагІо уж шоай мехкахой а, лоалахой а хинналга (Ладынин и др., 2004, с. 74-77; Авдиев, 1948, с. 356-361; Всемирная история, 2000, с. 342-346; Дьяконов, 1958, с. 26-27; Архипов, 2002, с. 76-97).

Ширача замалахь, V-ча эзар-шерашка, IV-гІа эзар-шераш долалуш (V-IV тысячелетие до н. э.) Лохерча Месопотамерча субариташа хьакхолл къаьстта белгала йола убейдски (эль-убейд, эль-обеид, Обейд – тайп-тайпара язью цу моттига цИи) археологически культура. Цу хана цІаста довзаш хул царна, тІаккха субариташ дІаюха баржарца цІасталоаладар а, цунах цхьацца оатхалаш яра а говзал кхьйолча моттигашка дІайовз.

Лакхерча Месопотамеи Шаьмеи ГІолла моттигаш дІа а лувцаш, Юкьерча форда (Средиземное море) йисте кхоач субариташ. Иштта Кьулбаседа-Малхбоален Арави

дІалоц цар, хІанзара Бахрейн яха гІайре чу а лоацаш. Лохера Месопотаме а чулоацаш бола из Іалаьмата боккха мохк вай ювчача замалахь цхьа кьам дахаш а, цхьа культура йолаш а хиннаб. Уж, вай ма аллара, субариташ хиннаб. Шумераш Месопотаме бахкалехьа, цу мехка бувцаш хинна мотт субаритий мотт ба, лингвисташа *прототигритски* мотт оал цунах (Ладынин и др., 2004, с. 75; История древнего Востока, 2001, с. 114; Авдиев, 1948, с. 39-40; Массон, 1971, с. 12-13).

Прототигритски меттацара шумераша хьаййца дешаш Іилманхоша белгалдаь да: *пен, кирпишк, кеп, махьар, цІаста, пхьар, цІаста пхьар, ахархо, бежъІу, маша бар, гІишлошъяр, тІонговзанча*, иштта кхьдараш а. Цу темах лаьца Чикагски университетерча профессора А. Лео Оппенхейма язду: «Материальни культура белгалйоаккхача шумерий дошлорга алсама дакьа дІалоц шумерий а е семитий (протоаккадий) а меттала йоацача терминашеи дешашеи.

Уж дешаш, хетаргахьа, кхы а ширагІа болча метта е массек меттай лараш я. Вай Евфрата арен цивилизаци аьнна белгалйоаккхача эггара хьалхарча цивилизацен викалий мотт ба из. Цу ширача меттала (е массек меттала) я шин хин (Евфратеи Тигреи) аренца яьдача моттигий цІераш, шумерий пантеонерча дуккхача *даьлий* цІераш.

Цу геттара ширача меттий лараша вайна аьттув лургба йоазув оттале лаьттача замалахь Месопотамен Малхбоаленца, Малхбузенца, Къулбаседанца хиннача бувзамий кьайленаш гучаяха. Кхетаде доагІа, цу тайпара тохкамаш геттара чоалхане хилар а. ХІаьта а, цу оагІора тохкам бе боагІа, из гІовзбалар кхера а ца кхераш. Из тохкам беш пайда эца беца шумераш укхаза кхачалехьа кІалха лебаьча метта хиннача социальнийи экономическийи сферий терминех, иштта кхерий, баьций, хьайбай цІераех. Вай ювчача оагІора де доагІа тохкамаш оаха

белгалдахара а, дешашволчун теркам тАбахийта хъжара а бахъан укх тайпара да: Месопотаме хъахинна цивилизаци кхыдолча мехкашца бувзам боацаш, ше къабстга цхъаь хиннаяц; из кхыдолча дуненах къоастае йиш яц» (Оппенхейм 1990, с. 35-36).

Месопотамен истори, из истори ше дАдолалехъа геттара а хъалхара зама дАлархIа эттача, чоалхане структура йолаш да. Таханарча дийнахъа цу хъакъехъа лингвисташа баь тохкам кхоачам болаш бац, цо гайтац из чоалхане хъал. Шумерий метто ше бийцача замалахъ хиннача хIамашта тешалаш ду; аккадий метто тешалаш ду ханаш сел шира яц (ширача заман III эзар-шера тIехъара тIаьшеренаш). ХIаьта шумерий а аккадий а метташца хъалха укх мехка хиннача цхъан е массехк культуран викалий метташцара хъатIаийдаь дешаш да (Оппенхейм, 1990, с. 36; цул совгIа хъажа: Крамер, 2002, с. 54-55).

Месопотаме халаффски, хассунски, самаррски культураш кхелла къамаш, хетаргахъа, бувцача метга а культуран а йоккха башхалонаш йоацаш хиннад. Убейдски культура дегIаенача замалахъ вай хъоахаяь башхалонаш царна юкъера дIаяьнна хилар шеко йоацаш да, хIана аьлча, археологаша дувцачох, цу юкъа Юхерча Малх-боалехъа эттар цхъа археологен культура я ала мегаргдолаш да.

Хъалхашкарча Азе даьхача къамий лаьрххIа овла техкача Шпейзера йоах, Месопотаме меттел, еррига а Хъалхашкара Азе чулоацаш, моцагIа денна укхазга баьхачарех ба эламитий, хурритий, субарий, урартий, хеттий (протохетташ, е несий), царца гаргалол йолча касситий, каспий, лулубий (лулахи, луллу), кутий (гугтий) яхача къамий дай. Н. Я. Марра тIеххъа, яфетидаш яха цхъа цIи а тилле, хIаьта Шпейзера цхъан тоабе вIашагIтох уж деррига къамаш (Авдиев, 1948, с. 31; 444-

445; Марр, 1933, с. 218, 291, 310; История древнего Востока, 2001, с. 100-101; Юсифов, 1987, с. 19-40; Чайлд, 1956, с. 38-39). М. М. Дьяконова тешал ду лакхе вай хьоахадаьча къамех цхьаккхе а индоевропейски мотт бувцаш ца хилар (Дьяконов, 1961, с. 34-36, 39-40; цул совгIа хьяжа: Оппенхейм, 1990, с. 47-48). Эрмалой лo-амашка а, Къулба Кавказ а дIалоацаш, ширача заман IV-III эзар-шерашка даьха къамаш къулбаседа-малхбоален-кавказерча къамех хиннад, хIаьта хурритий а, урартий а даьй царех хиннаб, аьнна тешал ду И. А. Ладынина а (Ладынин, 2004, с. 106).

Шумерий ханаш

Ширача замалахь IV эзар-шерий юкъ екъалуш Лохерча Месопотамера убейдски археологически культурана хувцамаш хул. Ширьяьннача убейдски культуранна когаметта Урук (ширача заман IV-гIа эзар-шераш) яха культуран зама дIайолалу. Цу культуран кертера белгало адамий кулг-говзал совьялар я. Тайп-тайпара пхьоленаш ехка болалу йоккхача шахьарашка баха кулг-говзал йола нах. Уж пхьоленаш ши-ший даькый хул: топпара пхьегIа пхьоле (изобретен гончарный круг), дахчанца болх бу пхьоле, цIаста а, гIаьле маIда Iалашдар, из лоаладар, цул совгIа цIастеи борзеи оатхалаш ю пхьоле, тхах маша бу, гетях кIада ду пхьоленаш, дошув-дотувца болх бу пхьоле, иштта кхьяраш а. Мел волча пхьареи, цар дезалеи болх а кхыметтал деррига вахар а пхьоленца дувзаденна хул, кха а хьайба леладара болх хьадда бут цар. ХIаьта пхьарий кулг-говзал совьяларца балха толамаш а совдул. Пхьоаленашка хьакхоллаш мел хинна адама эшаш бола тайп-тайпара гIирс духхьал бохка билла кхолл. Из бахьан долаш мехка эцар-дохкар совдол. ХIаьта из болх шой аргIанца кара-

берзабу совдегархоша (История древнего Востока, 2001, с. 114-116; Авдиев, 1948, с. 43-46).

Вай зама йолаялалехъа, IV-III-чеи эзар-шерий юкъ йекъалуш (вешта аьлча, пхи эзар шу хьалха), Лохерча Месопотаме керда къам – шумераш кхоач. Дуккхачар яхачох, из къам даьнна мохк малхбоалехъара е къулбаседа-малхбоалехъара (Каспийски фордан берда йист) лоаман мохк ба. ХIаьта шумерий мифашка диллача, уж баьнна мохк Дильмун (Бахрейн) яха гIайре я (История древнего Востока, 2001, с. 100; Авдиев, 1970, с. 32, 100; Чайлд, 1956, с. 38, 165, 181).

ГIорваьннача историка, академика Б. А. Тураева язdechох, шумераш Месопотаме къулбаседа-малхбоален оагIорахъара баьккаб. Цар керттера шахъар Ниппур хиннай. Ирана лоамашкара Месопотаме шаьрача арен ЮкIалбоалача наькъа тIа илай из (ХIиндера кир кхухъа никъ ба вай бувцар). Укхазара шумераш къулбехъа Юберз, шин хин аренца, фордан берда йист (Пирсаьний айме берда йист) а дIалоацаш (Тураев, 2002, с. 64; цул совгIа хъажа: Белицкий, 2000, с. 53-54).

Субариташ шоашта тIабаьхкача шумерашца дIаув, цхьабакъда, шоай аргIагIа, шумераша цар дин а, мас-сайола кулг-говзал а, искусство а караерзаю. Къаьстта белгалдаккха деза шумерашка кхача йоазув (Белицкий, 2000, с. 56-57, 60-61).

ГIишлош яра оамал (архитектура) шумераш бахкарца хувцалац, кхыметтел хьальеш лаьтта гIишлош а юкъахъялац. Цо гойт, шумераш тIабахкар машаре хилар. Илманхоша язdechох, Месопотаме хьатIабаьхка шумераш укхаза дахача къамашца дIайинначул тIехьагIа а хьалхале убейдски культура кхеллача къаманга хиннай. Иштта машаре сурт дул цу заман цхьаболча историкаша (Емельянов, 2001, с. 59-61; Вулли, 1961, с. 47-48).

ЦIихезача американски шумеролога С. Крамера яз-

ду, шумераша тІабаьхка, готтабаь убейдски культуран цхьабола викалаш Месопотамера дІабахий, Инд (ХІинд) яхача хин аренца баха ховш, аьнна. Укхаза вай дувчача къамо 5 эзар шу гаргга хьалха хьакхолл тахан ціи хеза йола хараппски цивилизаци (Крамер, 2002, с. 14; Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 63).

Хараппски гІалий культура Месопотамерчеи Мисар мехкарчеи культурал эсалагІа хиннаяц, цхьадолча даькъе из культура тІеххинналга тешал а ду Иилманхоша. Хараппски культура гучаяккхар а из тахкар а геттара чІоагІа лоархІаме да. Цу культуран овла Месопотамера болга бакъду цхьаболча Иилманхоша (Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 62, 64). Белгалдаккха деза, «Хараппа» яха топоним а, къаьнача гІалгІай юрта ціи Хьарпе а (Хьарапе) хІама ца эшаш цаІ хилар¹⁴.

Шумераш Месопотаме бахкарца, субарий мохк шин даькъе бекъалу: 1) Къулбаседа Лакхера Месопотаме а, Загросс а чулоацаш болча мехках Субарту оал; 2) тІаккха Элама (ширача заман паччахьалкхе), доазон йисте субариташ баха бисача боккха боацача мехках Субар

¹⁴ По мнению многих ученых, «Мелухха» шумерских источников – это область хараппской цивилизации. В XIV-XIII вв. до н. э. индоарии, двигаясь на восток, расселились в Пенджабе. Они застали здесь потомков Хараппской культуры и обозначили своих неарийских соседей как "млеччи", и этот этноним отражает самоназвание страны Мелухха (Ладынин, 2004, с.158-159)

Археолог и краевед В. Б. Виноградов рассказывает о том, как в горах Ингушетии неожиданно встретил кандидата исторических наук, специалиста по Индии и лауреата премии имени Джавахарлала Неру Л. В. Шапошникову.

«Изучая самобытную культуру дравидийских народов Индостана, этнограф обратила внимание на черты явного, как ей показалось, сходства с некоторыми элементами культуры народов Кавказа. Подобные параллели могут быть и случайными, и таящими какую-то древнюю и утерянную связь...» (Виноградов, 1980, с. 154).

оал (Ладынин, 2004, с. 75). Ширача заман кхоалагIеи-шоллагIеи эзар шераш декъалуш, Субарту мехка баха субариташ, цхъаболча историкаша дувчачох, шоай къулбаседарча лоалахошца хурриташца дIаув. Месопотамерча йоазонашка хурритий къаман цIи «субари» е «шубаре» аьле язъю. Паккха Элама доазонца, Субаре баъхе субариташ («люди су») хана йIоахалца эламиташца дIаув. Эламиташта лоаллаха Загроса лоамашка баъхаб царца гаргало йола *луллу*, е *луллуби* (Архипов, 2002, с.19-20, 23-26; Ладынин и др., с. 83).

Вай темаца бувзам болаш я Элама истори а, цу мехка даьхача къаман мотт а. Эламитий мотт тохкаш белхаш яздаьд Вейсбаха, Шейла (Шейль), Хюзинга, Борка. Цу Илманхоша белгалъяьккхай массехк эламитий метта диалект а, иштта фонетически законаш а. Эламитий мотт кавказерча меттаех хилар шеко йоацилга белгалдаьккхад цар. Цу хьакъеха тешалдаьд гIорваьннача академик Н. Я. Марра (Тураев, 2002, с. 66). Кхыболча исторен Илманхоша а тешал ду цу хьакъехья: «...ХIаьта Месопотаме къулбаседа оагIорахъеи, Ирана лоаме йистош лаьцеи, Тигреи Евфратеи арен малхбоалехъара хьатIаотташ, дуккха а къамаш даьхад. Царех цхъадараш, хетаргахъа, дийна долча цхъадолча таханара кавказски метташца гаргалол йолаш да», – аьнна (Всемирная история. Т. 1., 2000, с. 344).

Шумераша шоай къамах болча нахах *санг-нгига* (*sag-giga*) «Iаьржа кортош [дараш]» (*санг*, е *саг* шумерий меттала «корта» яхилга да) оалаш хиннад, къаман цIи из лоархIаш а хиннай цар. Шумер, е нийсса аьлча, сумер (аккад. *šu-me-ru*) царех аккадаша тилла цIи я. Эггара хьалха из къаман цIи нийслу хьалхарча замалахь XXIII бIаьшара даьча йоазон тIа. ХIаьта шумераш шой мехках Ки-эме-гир («земля (место) благородного языка») оалаш хиннад (Канева, 2006, с. 8-9; Емельянов, 2001, с. 30-31).

Кхыча паччахьалкхенашка Илманца дІанийсьеннар «сумер» яха цІи я. ХІаьта советски а Россен а Илманхоша «шумер» яха цу цІера вариант юкьейоалаый. Вай а царех дІахо шумераш аргда, нийсагІа «сумер» яха цІи яле а.

Мичара баьннаб, малагІча метташца гаргало йолаш ба шумерий мотт? Лингвисташа цу хьакъехьа тоьал тохкамаш даьд.

Цхьаболча лингвисташа гипотетически шумерий мотт сино-кавказски (*син*- укхаза китайски къаман цІи я) меттаех лоархІ, амма таханарча ден цу хьакъехьа дола тешалаш кхоачам болаш ца хилар белгалду царех цхьаболчар. Метта системага диллача, кавказерча къамий метташ санна (картвельски, абхазо-адыгски, нахско-дагестански), эргативни мотт ба шумерий бар. Цу оагІонга диллача, эргативни хиларца эггара хьалха белгалбаьнна йоазон мотт а ба из. ХІаьта метта юкье долча дешашка диллача, агглютинативни хьисап долаш ба шумерий мотт. Иштта агглютинативни хьисап долаш да гІалгІай а, нохчий а, кхыдолча кавказерча къамий а метташ.

Христиан Викторга гипотезах шумерий мотт кавказски метташца гаргало йолаш ба. Эреду яхаш хиннача шахьаре археологен тохкамаш деш, эль-Обейде баьхача наьха керта тутех яьча антропологически анализа Шарлотта М. Оттена тешал ду шумераш кавказерча къамах хилар (Белицкий, 2000, с. 52). А. Дирра язdechох, кавказерча къамий меттала тоьал дукха дешаш цхьан дешдакъах е морфемах латташ да, дукхагІча даькъе иштта из белгало йолаш да шумерий меттацара дешаш а. «Лоацца аьлча, – язду А. Дирра, – тахан кавказски метта дІатГаязду дуккха а переднеазиатски а средиземноморски а метташ. Царна юкьера тахан дийна ба духхьала цхьа баский мотт» (Чикобава и др., 1952, с. 142).

Вай белгалъяха шумерийи кавказскийи метгай вѡашкаотташ йола моттигаш кхоачам боацаш лоархI цхъаболча лингвисташа. Тахан латгача хъалах шумерий мотт тошкаш болча Илманхоша дукхагIча дакъе сино-кавказски метташца (сино-кавказская макросемья) дIанийсбу из мотт. Из бакъдеш ба тоьал Илманхой-лингвисташ, царех ба, масала, Н. М. Хольмер, В. Христиан, А. Фалькенштейн¹⁵.

Бакъда, цу метгай юкъера бувзам а гаргало а тошкаш дола белхаш кIезига хилар белгалдоаккх цхъаболча лингвисташа. Цул совгIа, Илманхоша белгалдаьккхад цу хъакъехъа дола тошкамаш цахаддаш де дезалга.

Шумерий метга проблема тахан а латташ я. Кхоачам болаш дукха дешаш да гIалгIайи шумерийи метташца юкъе, лексика а маIан цаI е гарга долаш. Техкача, иштта цу хъале хила тарлу кхыдолча къулбаседа-малхбоален-кавказерча къамий метташ а. Цхъаболча лингвисташа кавказерча къамий метташцара шумераша дIаийдаь дешаш (кавказски субстрат) лоархI царех.

МалагIча къаман мотт ба шумерий меттаца ийнар?

¹⁵ Известный специалист по переднеазиатским языкам Вяч. Вс. Иванов, говоря о генетической принадлежности шумерского языка, выражает следующее мнение: «На протяжении будущего столетия можно надеяться на уточнение отношений между основными макросемьями языков мира (с праязыками древнее 10 000 лет), как и в пределах каждой из этих семей: северо-кавказско-енисейско-сино-тибетская (+на-дене?) (в эту макросемью могли также входить отдельные изолированные языки Евразии: баскский, бурушаски, мертвые языки Ближнего Востока: шумерский) (Иванов, 2004, с. 136-137).

Желающие более подробно ознакомиться с данным вопросом могут обратиться к работе Ф. Борка (*Bork F. Das Sumerische eine kaukasische Spache. – Orientalistische (1924), XXV11, 4, col. 169-177*, и к исследованию М. Церетели о шумеро-картвельском родстве (*Tsereteli M. Zur Frage der Verwandtschaft des Georgischen (Kartvelischen). – Bedi Kartlisa, (1966), Vol.XX1-XX11, s. 128-139*).

И. А. Ладынина яздарак, шумерий шоай а доацаш, цар метта юкье дола дешаш е дешай пласт субарий меттацара дАийца дешай пласт лоархIаш я. Илманхоша «прототигритский», е «банановый» субстрат оал цу дешай пластех. Ала деза, «протитигритский» мотт яха цИ хиларал совгIа, кхыдолчоа из малагIча метташца гаргало йолаш ба аьнна, баь болх боацилга. ДIахо яздарак, шумерий цхьаболча даьлий цIераш цу меттацара я. Иштта И. А. Ладынина язду, III-гIа эзар-шераша II-гIа эзар-шераша декьалуча хана, хурриташца дIаув субариташ, аьнна (Ладынин, 2004, с. 75). Цу авторо субариташи хурриташи шин къамах бекье а, шеко яц, цу къамий метташ шоайла геттара гарга хилар, диалектни башхалонаш мара йоацаш. ХIана аьлча, шоайла атта вIашкаув уж, тIаккха культура цаI хилара дуккха тешалаш а да. Метташ гарга хилари культура цаI хилари бахьан долаш цу шерашка шумерий йоазонашка хурритех субари (шубари) оал. Ширача замалахь, диьлагIа эзар-шераш долалуш, Лохерча Месопотаме кердача къаман нах баха ховш. Уж ба, гучох, малхбоалера кхаьча шумераш, бакьда, Илман тIа из къам даьнна мохк сецца белгалбаь бац. Шумераш, вай лакхе ма аллара, хана йIоахалца субариташца дIаув. Иштта субаритий говзалаш караерзаю цар, Iаьдалаш а Iадаташ а дIаэц. ДIахо, вай ювчача оагIора метта тохкамаш а даь, цу хьакьехьа дуккха а материалаш хьаIайча, хувцамаш хила тарлу. Шумерийи вайнаьхеи метташ шоайла гаргало йолаш хилар лингвистике дIачIоагIдаларга догдаохилга да тIехьатIадоагIача шерашка.

Шумераш баьха мохк тахан Ирак яхача паччахьалкхен доазонца ба, дукхагIча даькье Тигри Евфрати яхаш долча шин хин юкье ул из. Хан-заманца дуккха а хувцамаш хинна моттиг я шумерий мохк.

МалагIа бахьанаш да адамашта из къам диц ца да-

лар? Цу хьакъехьа эггара лоархIаме дола бахьан да шумерех дуса йоазув. Белгалдаккха деза, шумерий йоазув ширача заман IV-ча эзар-шерашка отта доладар (6 эзар шу хьалха). Вай заман XIX-ча бIаьшере археологаша ахка а тахка а йолаю царех юхейиса, гIомарашта кIалгьяха шахьараш. Уж шахьараш археологаша оахкаш гучадоал цар йоазув хинналга. Топпарах даьча улга тIа деш хиннад цар из. Йоазув дича, топпара улг докьадеш хиннад, хIаьта йоазув лоархIаме дале, улг цIерала дотташ хиннад. Загала йоазув аьнна цIи тиллай цунах Илманхоша. Тахан пхи бIаь эзар совгIа загала йоазув тIадола топпара улгаш да тайп-тайпара йолча институташка, музейшка, укх дунен массе миIинге. Шумерий а, диь эзар шу хьалха цар мохк караберзабаьча семитий фух хиннача аккадаш яхача къаман а да из йоазув. ТкъестлагIча бIаьшера шоллагIча даькъе, загала йоазонаш доашхаш, гучадоал шумераш яха къам хинналга. Шумераш малагIа, фу къам хиннад, цар мотт, вахар Илманхоша тахан а тохкаш да.

Вай белгалдаьккхадар шумерех юхейисача тIехьаленах эггара лоархIамегIа дар йоазув да, аьнна. Йоазонал совгIа, укх дунен тIа дукхагIа мел йолча говзала лард еллараш а уж лоархI Илманхоша. Йоазонга а культурага а диллача, ала деза, шумерий цивилизацен лард кхы а ширагIа йолга. Шумераша шоаш а дуккха хIамаш хьаййцад цу мехка хьалха даьхача къамашкара, вай хьоахадаь йоазув а царгара хьаййца да. Цихезача американски историка Л. Оппенхейма яздаьд: «Бакъхила тарлуш да, хьалха укх мехка хиннача цивилизацес кхелла йоазон система а техника а шумераша шоай хьашташца дIанийсьяр. Йоазон система кхьйолча, хьалха хиннача цивилизацен я...» (Оппенхейм, 1980, с. 48). Гетгара шира дола Месопотамера «шумерий» йоазонах дола памятникаш, бокьонца аьлча, шумерий меттала

дац. Уж йоазонаш прототигритски (е протоевфратски) меттала да, тIаккха уж тахан дашханза а тахканза а да. Эггара тIехъа даьча тохкамаша а тешал ду, йоазув хьакхолла доладенна ханаш геттара а шира йолга: цун юхьиг хана XLI-бIаьшерагара XXXIX-бIаьшерага кхочаш я (Гельб, 1982, с. 69; см. также Вайман, 1976, с. 578-585; Фалькенштейн, 1976, с. 572-578; Дьяконов, 1976, с. 569-571; Дирингер, 1963, с. 67-68). Из шира йоазув суртий хьисапе хиннад. Ха-зама йаьлча иероглифий хьисапе дерз из. III эзар-шераш юкъе кхаьчача мара хоадам болаш загал хьисапе дерзац из (Липин, 1964, с. 11; Дьяконов, 1976, с. 569; Фалькенштейн, 1976, с. 572-573; Дирингер, 1963, с. 59, 62). Йоазув де доладенна эзар шу гарга даьлча мара кхацац укх мехка шумераш. Вай лакхе ма аллара, шумерашка кхаьчар кхыдолча къаман тIехъле я.

Йоазув хьахинна проблема а, метта проблема а, кхыйола исторически процессаш а вай ювцаш, дешархоша къаьстта теркам бе боагIа вай дувцараш массежк эзар шу долга. «Истори Шумерара дIадолалу», – аьннад дерригача дунен тIа вовзаш волча американски профессора, шумеролога С. Крамера. Из цIи йолаш да шумерий истори а цар мотт а бувцаш цо яздаь кинижка. «Деррига Шумерара дIадолалу», – иштта да цу дешай маIан. Гишлош яр, вIаштIараяьраш а йолаш, гIаппе хьисапе чоагIъаь шахьараш яр, кемаш дар, хьайбаш караIомадар, уж леладе хар, ялати сомий бешамаши лелае болабалар, кхашка хий дилла яьха геттара чоалхане сангараш, пхьегIа хьаяр (топпарах хинна а ца Iеш, дото а, дошо а яраш), барзкъан ла баккхар, из тегар, илии алар, мукъам бар, из дIаязбар, тайп-тайпара музыкальни инструменташ, литература, поэзи, шоай дин, Iадат, кхел, геттара гаьнарча мехкашца дувзаденна дохкар-эцар, кхы а дукха да уж тахка. Вахара морзо ший оамалца йолаш

къам хиннад из (Оппенхейм, 1980, 322-343; Крамер, 1991, 68, 74-75, 84-85; Емельянов, 2001, с. 49-50).

Ала деза, шумерий мехка гонахъа даьхача цхьадолча къамий вахар хIама ца эшаш акха хьисапе хилар. Шумерий культура гIоръяннача хана а, хъайбаш, ялат леладу говзал караерзаяь хиннабац царех цхьабараш, кхы дIахо мел йола говзалаш ювца а мича эш. Ара лохъабаь сом, баьцадаар, баьца овлаш, чарахъера ена фос – из хиннад цар даар.

Шумерий боахам лелабара йола говзалонаш, цар леладеш дола хъайба, ялат, сом, кхыдола хIамаш дунен тIа гонахъа дIадаьржад. Шумерашкара дуккха а говзалаш Мисар мехка кхоач, цигара Африкерча мехкашка дIа-са а ярж (Крамер, 2002, с. 321-325).

Шумерий мохк семитий фух болча аккадаша боаккх, шумерий говзалаш караерзаю цар а. Йоазув а шумерий мотт а Юмабе болалу уж, хIана аьлча цу замалахь шумерий мотт Илман мотт хинна дIаэтта хиннаб. Шоай хана пирсаьнаш а яний а Юмаде болалу шумерий Илма. Вайна вовзаш волча гIорваьннача яний Илманхо Пифагор лаьрххIа Илма Юмаде Мисар-мехка вода. Цъа ха яьлча Мисар-мехкара ваьле Вавилоне кхоач из. Вавилоне вахаш дизза 12 шу доаккх Пифагора. Цу юкъа дайза хила тарлу цунна вавилонски Илмаш: математика (геометри), астрономи, географи, медицина, иштта кхы а. Тахан вай хIаране ишколе геометрех Юмаю Пифагора теорема а цу мехка яйза хила тарлуш я (Шюре, 1914, с. 220-223; Вайман, 1961, с. 4-6, 130-131, 185-186; Къера, 1984, 82-84). Кхыча къамашкара янашка кхоач шумерий Илма а, искусство а, кхыйола говзалаш а. Тахан вайна исторе тIара йовзаш йола яний архитектуран, скульптуран, ерригача антични культуран лард еллараш шумераш ба ала йиш я. ТIаккха, вайна ховш ма

хиллара, Македонски Александра кхелла импери бахъан долаш, антични культура дерригача дунен тIа дIа-хъа ярж (История древнего Востока..., 1983, с. 461-462; Струве, 1965, с. 14). Адамашта юкъе эггара хъалха иман дайзараш, дикадар е водар (хъаьнал-хъарам) къо-астаде болабеннараш шумераш лорхI. Дала доккха дика денна къам хиннад из. Шумерий хам баъ даргдац адам, ер дуне мел латт.

Вай лакхе ма яздарра, дуккхача Илманхоша яхарах, шумерий мотт кавказерча къамий метташ тIа дIатIаязбе мегаргболаш, цунца гаргало йолаш ба. Кавказера шира культура а шумерий культура а шоайла бувзам бола культураш хинна ца Iеш, цхъа овла, цхъа дух долаш хиллар а тешал ду археологаша. Цу хъакъехъа дуккха археологен факташ я. Вай ма аллара, Кавказа культура я аьнна белгалъяккхча я Къулбехъарча Месопотамера убейдски культура.

Тпаккха вай къам деций шумерий исторен а культуран а дакъе? Вай къаманга кхачаций цар сийлен дакъа? Деррига дувца аьттув беце а, цхъацадола масалаш доаладаь, хъоажаргва со, уж дешаш бакъхиларах шо тешаде.

Пхи эзар шу хъалха тоабенна латтар шумерий мохк. МоастагIчун ка яргйоацаш, шахъарашта гонахъа детта лакха пенаш, массехк гIайт дола лакха цIенош, беркате кхаш, сомий бешамаш, ялатах диза доаш, хъайбай Iулаш, хи тIа гIолла лела кемаш, барзкъа эздий дола адамаш – иштта дар цу мехка сурт-сибат.

Дукха шахъараш яр Шумерий мехка: *Ур, Лагаш, Гирсу, Эриду(г), Эрех (Урук), Ларса, Ниппур (Нибру), Сиппар, Арбела*, иштта кхыяраш. ПIалгIай металла шеко йоацаш *Ур, Лагаш, Гирсу (Гирс), Эридукъ, Ларс, Сиппар, Аьрбала* аьнна цIи яккха йиш я цу шахъарий. Сога

хаьтгача, уж цѣраш вай меттала яшха а цар маІан де а дукха къахъега дезац.

Ур яхача топонима этимологи тахка хьожаргда вай. Цѣнача шумерий меттала *Урим* я цу шахъара цІи, хІаьта Товрата тІа а *Урим* аьнна хьоахаяьй из. Шумерий метта *уру* яха дош маІанаш тайп-тайпара да: *uru* (*uru*₍₂₎(*ki*) «поселение, город, округ»; «община»; «хозяйство общины» (Канева, 2006, с. 26, 35-38; Емельянов, 2001, с. 47). И. М. Дьяконовс язду из термин геттара шира я аьнна, эггара хьалха цу дешаца белгалъеш я беж-Іуши чарахъаши ха яккха бу теа моттиг (Дьяконов, 1973, с. 32).

Общепринятое название города *Ур* (*Ури*, *Урим* (*URIM*₂) – другое написание имени этого города); в библейском тексте также передается как *Урим*) восходит к шумерскому *uru* (*uru*₍₂₎(*ki*) – «поселение, город, округ»; «община» (Канева, 2006, с. 26, 35-38). По мнению И. М. Дьяконова, во времена, когда еще не было терминологического различия между «городом» и «деревней», шумерский термин *uru-bar(a)* обозначал тогда еще не «деревню», а «временное становище пастухов и охотников» (Дьяконов, 1973, с. 32). Термины ингушского языка *урд* «надел, участок пахотной земли», а также *урам* «улица» восходят к шумерскому *uru*. Данный этимологический процесс был представлен нами ранее (Хайров, 2011, с. 160-161; см. также Хайров, 2017, с. 33-34).

ГІалгІай меттала цхъан овлан тІара дола дешаш *урд*, *урдув* шумерий *ур*, *уру* яхача дешашца геттара гаргара бувзам болаш да. ГІалгІай *урд* (дукх. т. *ардаш*) «лаьттан дакъа, кха» да; *урдув* «иййхача кхалсага луш дола лаьттан *урд*» хиннад ширача замалахь. Шумерий Іадатах маьре яхача кхалсага ший доалахъа хиннад *урдонца* дола лаьттан дакъа.

И. М. Дьяконовси С. А. Старостинеи яздарях, хурритий а урартий а меттала да цу этимологех дешаш: хурр.-урарт. *ard-*: хурр. *arde* «город», урарт. *ardi-ne* «Город»=Муцацир. праНах. (1) *urd* (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 175, ст. 41). Шерра йаьржа культурни термин я *урд*. Дуккхача меттала башхало йоацаш цхъантайпара да из дош: арамейски *эрд* (*erd*) , е *эрц* (*ertz*); иврите *эрец* (*eretz*); курдски *эред* (*ereds*); юкьерча энглизий (среднеанглийский) *эрте* (*erthe*), хІанзарча энглизий *эрс* (*earth*); готически *эрта* (*airtha*), е *эрата* (*aratha*); немций *эрде* (*erde*); исландски *йордх* (*jordh*); датски *йорд* (*jord*) (Конелес, 2000, с. 78). Цу деша овлах латташ тоьал топони-маш я вай мехка. Масала: Маьлха ардаш, Аьги-ардаш, иштта кхы дІахо а (хоам баьр М. Х. Гандаур-Эги).

Фусам-нанас шийна бокьо елча, цІендас леладеш хиннад урдонна денна лаьттан дакъа, цунах пайда а эцаш. Нана дІакхелхача, цун берашка кхоачаш хиннад наьна доалахьа хинна лаьттан дакъа. Цул совІа, вай а нохчий меттала *урам* яха дош а цу овла тІара да.

Шумерий меттала *ура-лаль* оалаш хиннад фот дІаденнача урдах (лаьттан дакъах). Хьалхара дешдакъан маІан вайна довзаш да. ШоллагІдола -*лаль* яха дешдакъа гІалгІай меттала *лоал* яхача деша лексикаца, маІанца дІатарде йиш йолаш да.

Лакхерча Месопотаме улача мехка цІи а хиннай *Ур(и)*, *Ури-ки* (*Ki-urі*) яхаш (Канева, 2006, с. 154). ТІехьо Агаде (*A-ga-de*) (хІанзара Аккад) оалаш хинна мохк ба из (Канева, 2006, с. 192). Цу мехках из цІи дІайодача замалахь вай дийчача, *ур* яхача деша маІан хувцаденна хинначох тара да. Укхаза, хетаргахьа, *ур* яхар «лакхе ул-ла мохк» яхилга да. *Ур*, *урагле*, *ура* ягІа хІама «лакхе тІа-вала везаш вола мотт» я тахан бувчача гІалгІай меттала (уралатт ма оалий вай). Укхаза *ур* яха дош «лакхе, е лакха, айенна улла мотт» яха маІан долаш да.

Цул совгIа, Урарту яхача паччахьалкхен цIи а цхьан даькъе вай тохкача топонимаца ювзаенна я. Урарту яхаш Кавказе ширача замалахь хиннача паччахьалкхенах (ширача заман VIII – VI бIаьшераш) Илманхоша тайп-тайпара цIераш йоах: *Уруатре*, *Ур-арате*. Товрата тIа *Уру-аратера* (*Арарата*) лоамаш белгалдаьхад, Нухь-пайхамара кема, дувцачох, цу мехка сацарах. 1948 шера Палестине Кумран яхача моттиге хьагIар чура корадаьча Товрата кулгйозонаш тIа из мохк *Урарат* аьнна язбаьб (Учение..., 1993, с. 63, 273). Лоаман цIи *Арарат* а цу деша овла тIара я (эрмалоша тахан Масис оал цу ломах) ХIаьгта вай меттага диллача, Ур-АратIе да из. Шумерий замалахь *Аратте* (вай меттала *АратIе*) яхаш паччахьалкхе хиннай вай бувцача лоаман мехка. Цар «ворхI лоаман тIехьашка ула *АратIе* (*Аратте*)» оалаш хиннад цунах (Юсифов, 1987, с. 20, 23-24, 32-34; Ладынин, 2004, с. 142; Крамер, 2002, с. 305-306). Цу деша овла *аре* ба, тIаккха дештIехье *-те* топоформант я. Из дош юкъе долаш дукха моттигаш я шумерий иллешца, фаьлгашца, легендашца. Цхьаболча историкаша а мотт тохкача Илманхоша а белгалду цу мехкара къами шумераши шоайла метта гаргало йолаш хилар. Хетаргахьа, шумераш а сакхеташ хиннаб, АратIера лоаман къамаш шоашца гаргалол йолаш хиларах. Цу хьакъехьа теркам бе боагIаш да ширача иллецара дешаш («*Энмеркар и владыка Аратты*»):

МоцагIа
Дерригача дунено, масса а адамаша
Цхьан меттала хестафора сийдола Ан-лел...

(Таржам даьр – Х. Б.)
 (Афанасьева, 1997, с. 104)

ХІанз «Лагаш» яхача шумерий топонима этимологи тохаргья вай¹⁶.

Шумерий элгац, зиккурат, лагай хьисапе хиннад. Ширача хана, субарий замалахь, зиккурат кхо лага е, нийсагла аьлча, кхо гайт долаш хиннад. Пехьаго, шумерий замалахь, ворхI лага долаш деш хиннад из. ВорхI лага ворхI сигален кеп лоархар шумераша. Бокьонца дола элгац ворхIлагIдола лага (гайт) дар. Вешта аьлча, зиккурата бухь, цун зIогал яр из. Цунах «даьлан ца» оалар. Лохера хьал «даьла цIен» тIа кхаччалца урагIдолхар лагаш. Зиккурат лакха дар, лагаш тIа гIолла урагIвода

¹⁶ Лагаш – древнее государство в Шумере на территории современного Ирака. Включало ряд поселений: Гирсу (современное городище Телло), собственно Лагаш, или Урукуга (современное городище Эль-Хиба), Сираан, или Нина (современное городище Сургуль) и др. Археологические раскопки велись с 1877 французскими археологами Э. де Сарзекон, Г. Кросом, А. де Женуяком и А. Парро. Первые поселения на месте Лагаша относятся к концу 5-го тыс. до н. э. В письменных памятниках Лагаш упоминается, начиная с 26 в. до н. э. и кончая временем Селевкидов (до II в. до н. э.). Расцвет Лагаша относится к правлению династии, основателем которой был Ур-Нанше (26-24 вв. до н. э.). Наследники Ур-Нанше Эаннатум и Энтемена подчинили себе значительную часть Шумера. Одна из побед Эаннатума (над г. Умма) отражена в надписи и рельефах на знаменитой "Стелле коршунов" (25 в. до н. э.). От времени правителей Лугальбанды и Урунимгины (24 в. до н. э.) дошел крупный архив храма богини Бабы, или Бау, который дает важные сведения для выяснения социально-экономических отношений в Шумере. В 24 в. до н. э. Лагаш был завоеван аккадским царем Саргоном Древним. Новый подъем Лагаш пережил при правителе Гудеа (22 в. до н. э.). В многочисленных надписях и культовых поэмах, записанных на статуях и глиняных цилиндрах, он сообщает о храмовом строительстве и о многочисленных торговых связях с другими странами. При Гудеа влияние Лагаша распространялось на значительную часть Шумера. С XXI в. до н. э. Лагаш утратил своё значение (История древнего Востока, 2001, с. 120-121; Оппенгейм, 1980, с. 377; Белицкий, 2000, с. 126-134).

саг сигала кхоачаргва моттаргдолаш. Шумерий кхетамах, сигала урагГбодача лоамен («лестница небес») символ яр лаГаш. ХІаьта зиккурат ший арГанца хІара шумерий шахъара символ яр – шахъара юкъе айденна даГІа лаГІай хъисапе дола зиккурат (Традиционное искусство Востока..., 1997, с. 16).

Цихеза Вавилонера зиккурат (Товрата тІа ювцаш йола Вавилонера гІала) 91 метр лакха хиннад, хІара оаГІув а хиннаб цун 91,25 м бІаьха. Шахъара гІаппа наІарех араара чубоаГІа хІара никъ нийсса зиккурата тІабодаш хиннаб. Товрата тІа дувцарах, деррига адамаш цхъа мотт бувцаш хиннад, сигала кхоачаш гІала йоттаргъя вай, аьнна, цар барт баьча хана (Немировский, 2001, с. 230-231).

Лагаш (ЛагІаш) яха шумерий дош тахан а гІалГІай метта юкъе доаГІача *лагІа* яхача деша овлан тІара да. Цу деша маІан тохкаш, автора гучадаьлар нохчий метта чІаьбарлой диалекте *ла* яха, тІаккха вай метта *гІа* («шаг») яха дешаш цхъа маІан долаш хилар. Вай метта *ла* яхача деша массах маІан да: 1) барзкъа лаьрхІа кІада тедаш лелабеча бустамах *ло // ла* оал; 2) йІоахалла хІама йиста баьккха бустам а *ла* ба; 3) барга бустамах говра тохаш дар *ла* да (Ингушско-русский словарь, 2009). *ЛагІа* шин овлах латта дош долга тешал да из, тІаккха *лагІаш* дукхален таьрахъ да. Саго боаккхача гІанца нийсбаь гІирс ба лаГІа. ЛаГІай хъисапе тхъамаГІаш латт вай къаман гІалаш тІа а. Иштта я шумерий Лагаш яхача топонима этимологи¹⁷.

Вай хьоахадаьча Вавилонерча керттерча зиккурата цІи *Этеменанки – Э-те-мен-ан-ки* («Храм краеугольного камня небес и земли») вай къаманна геттара боккха

¹⁷ Ср.: нумератив, который обозначает меру длины *гІулч* «шаг» (от *гІа* – автор) (Вагапова, 1986, с. 25).

лоархIам болаш хила тарлу. Цу термина цхъадола деша доакъош хьалха техка да: шум. э – гIалгI. «Iе», эрсий «храм»; *-ан-ки* – гIалгI. *ана* «сигале», эрсий «небес и земли»; *-ки* – укхаза «кIийле, лаьтта». Юхедиса дешдоакъоаш, таржама маIанца дIатардича, *-те-* «тIо» («камень»); *-мен-* «миIинг» («краешек, конец, уголок»). Цу термина деррига а доакъош вIашагIтехача, *Ie-mIo-miIан-ан(a)-ки* хьахул (Хайров, Евлоев, 2005, с. 45-46).

Гирсу е, вай меттала аьлча, *Гирсу* яха топоним, сога хаьтгача, яшхара дукха къахъега ца дезаш я. Цу деша массехк маIан вай массане кхетадергдолаш да. ГIалгIай меттаца йола «гI» яхача оаза когаметта таржам деча хана «г» яха оаз оттор мара, кхы башхало йолаш дешаш дац шумерий *Гирсу* а вай *Гирсу* а. Масала, са беррига гIирс ер ба-кх, оалаш хеза ма хургдий шоана. Иштта гIирс яхача дешо белгалдоаккх цIа, деррига ков-карт. Вай меттацара *гIишло* яха дош «харцахъа» дош долчох тара да, хетаргахъа, хьалха *гIирсло* оалаш хиннад. Шумерий *Гирсу* а гIалгIай *гIирс* (*гIирсло* > *гIиришло* > *гIишло*) а цхъан овлан тIара дешаш да.

Эридук е, вай метта диллача, *Эридукъ* оалилга да контексте а, цу топонима деча таржама а маIанашка диллача. Яьсса улача, эрийча моттигера дукъ яхилга да из, эрсий меттага диллача, «необжитый, пустынный хребет». Тахан вай «Нана-Наьсаре» оалаш санна, массе гIалай нана лоархIар шумераша *Эридуках* (*Эри-дукъах*), хIана аьлча, эггара ширагIа йола шумерий шахъар яр из. Тахан Iарбаша цу моттигах йоаккхача Абу-Шахрейн яхача цIеро а бакъду из гIала эггара ширагIа хилар. Абу-Шахрейн «*шахъарий да*» яхилга да. Топпара улга тIа даь укх тайпара загала йоазув да *Эридукъ-гIала* хъехаеш: «Эрз тIабаланза бар. Га кхолланза яр. ЦIа динза дар. ГIала (шахъар) йилланза яр. Дерригача лаьтта форд латтар. Цул тIехъа *Эриду(к)* кхелла хиннай». Укхаза белгалдоаккх из шахъар эггара хьалха йилла хилар.

Эридук шумерий меттала «лакха, айенна моттиг» («возвышенность») яхилга да. Из термин шин дешдакъях латташ я. Хьалхара дакъа *эри-* да, укхун маІан гучадоаккх «эри-аре», «эри-лаьтта» яхача дешаша. Тааккха шоллагІдола дакъа *-дукъ* да. Цул совга, из дешдакъа шумерий меттала ше къаьстта лелаш дола дош да. Шумерий *Дуку* «супа дукъ» («священный холм») яхилга да.

Дукха ха йоаццаш гІалгІай бахаш а гІалгІай мехкаца лоархІаш а хиннай Тийрка чЮжагІа ула Ларс (Лаьрс) яха юрт. Шумерий *Ларса* («Место бога солнца») (Тураев, 2002, с. 75) яхача шахъара цІи а вай ювцача юрта цІи а шоайла ювзаенна я. Тяхъа кхы тешал ца дезаш, лексика цаІ я цу цІерий.

Sinnar яхача гІалий цІи, вай металла *sin* (приспособление для отвода мочи у детей в люльке (полая трубка из кости) яхача деша тІара я. Хин хьоарсамашца (хьоарсам=сип) ювзаенна хила еза цу гІалан цІи.

Арбела хІанз а тІехъа Эрбиль олаш я, хІаьта хьалха Урбилум, Арбилум е Арбаил[у] аьнна, йоаккхаш хиннай цун цІи. Цу цІеран нийса этимологи оотгаелга дац, бакъда, Нохчий мехка я Аьрбала (Йоккха Аьрбала, ЗІамига Аьрбала) яха топоним.

Нин (янаша а эрсаша а Ниневия оал цох) шира ассирийски (ассурий) шахъар лоархІ историкаша. Ши эзари ворхІ баъ шу хьалха Ассуре паччахьал даьча Синнахериба Ассирен керттера шахъар ю цох. Бакъда, уж ханаш таакхачале ши эзар шу хьалха йиллай Нин. Цун хьалхара цІи Нинуа яхаш хиннай. Цу шахъара цІи Иннана=Нана (Иштар Ниневийская) яхача цІувна цІераца ювзаенна я. Товрата гІа а дукха ювц из шахъар (Оппенхейм, 1980, с. 381).

Вай хьоахаяьча а, кхыйолча а шахъарашка, шумераш мел бахача, доаккхаш цхъа илли хиннад. Ширача хана

Урук яхача шахьар тIа оалал даь *Гильгамеш* ва цу иллеца хеставеш хиннар. «*Хийла хIамаш бIаргадайнар*», «*Хийла хIамаш дайзар*», «*Хийла хIама довзаиш хиннар*» – укх тайпарча эпитеташца хоаставора илле тIа Гильгамеш. Тахан шумерий литература кхолламах цIихезачарех я гIорваьннача турпалхочох Гильгамешах («*О все выдавшем*»; «*О все познавшем*»; «*О том, кто все видел*»; «*О видевшем истоки*») йола эпос. Топпара улга тIа даьча загала йоазонца яздаь, вай ханага кхаьчад уж иллеш. Белгалдаккха деза, эпос адамий эггара хьалхара болча литературни кхолламах лоархIилга. Хьалхашкарча Азен ширача биь меттала яздаь да Гильгамешах дола иллеш: шумерийи, аккадийи, хурритийи, хеттийи. БIарчча дола илли кхо эзар стихах латташ да.

Урук яхача шахьара паччахь хиннав Гильгамеш 4800-4700 шу хьалха. Гильгамеш бокьонца ваьха саг лоархI Илманхоша. Из илли тIадола эггара къаьнагIа дола топпара улг 4500 шерал дукхагIа ха йолаш да. Илманхоша тахкарах гучадоал вай дувца иллеш пхи эзар шу гаргга хьалха кхелла доладалар. Илли даккхале хьалхагIа а, дуккхача шерашка легендий хьисапе дола дувцараш хиннад уж. Хана йIоаххала тайп-тайпарча жанра дукха вариантш хьахиннай Гильгамеш вувцаш долча легендах.

Элиан цIи йолча римски йоазонхочо (яний меттала яздеш хиннад цо) дIаязъярах йовзаш я Гильгамешах долча дувцарий циклах йола цхьа вариант. Из укх тайпара я. Шумерий Урук яхача шахьара паччахьага хоам бу каьлас, хьай йиIий воIо хана йIоахалца оалал доаккхаргда хьогара, аьле. Из кхел кхаочаш ца хилийта гIерташ, паччахьа ший йоI саг тIакхоачаргвоацаш лакхача гIалий чу йолл.

Цхьа ха яьлча, вувца да воацаш, воI ву паччахьа йоIо. Из дIахайнача паччахьа амарах, гIалий тхов тIара

чукхосс кІаьнк. Вала Іоажал кхаьча хилац цун. Ляьтта кхачале аьрзело лаьца а лаьце, сомий беш лелаеча сагага кхеве дІалу из. КІаьнках Гильгамеш аьле цІи тул беш лелаш волчо. Гайна-ганза наьна-даьгара оалал доаккх Гильгамеша.

Элиана ювчача сюжетах тамаш йилла тара сюжет йолаш фаьлг ба гІалгІай. Хьай йиІий воІо оалал доаккхаргда хьогара аьнна, хоам баьб каьла саго цхьан паччахьага. Саг гІакхоочаргвоацача лакхача лоаман зІогала тІа а яьккхе, Іохоаю паччахьа ший йоІ. Из паччахьа йоІ езалу цхьан турпалхочоа. Йийнача говра че чу дІалачкь из. ТІаккха цу лоаман зІогала тІа бІена кІоригаш йолча аьрзело царна кхачанна хьо из говр. Иштта шийна езацунна тІакхув турпал.

Шумерий а аккадий а йоазон бокьонех цу иллен хьалхарча мугІара дешашца дІаязьяь латт илле цІи каталога тІа. Эрсий транскрипцех, вайна ма йовззара, «Гильгамеш» аьнна язью из.

Ала деза, кхыча кьаман меттала болча кхоллама таржам деча хана, «х» е «хІ» яхача хьаракий когаметта эрсаша «г» отгаделга. Из бахьан долаш а, шумерий мотт хІанз а дикка техка ца хилар бахьан долаш а, шоай ларда тІара доал дукха дешаш. Царех да Гильгамеш яха дош а.

ХІаьта а эрсий меттала «*О все выдавшем*», е «*О все знающем*» яха хьалхара мугІ цу илле цІи а хиле дІаотт. Цул совгІа дІахо дІайодача хана уж дешаш эпически турпалхочун ший цІи а хиле дІаовтт. Гильгамеш яхача цІера таржам лоархІаш да уж дешаш.

«*Все выдавший*» («*Все знающий*», «*Все познавший*») гІалгІай меттала «Хийла хІамаш (дайнар)», «Хийла хІамаш (дайзар)» яхилга да. Вай дувцар дикагІа кхетадергдолаш гІалгІай меттала таржам дергда вай эпоса хьалхарча мугІарашта:

Хийла хІамаш дайначох – дунен миІингашка кхаччалца,
Хийла хІамаш дайзачох – фордан талГенаш,
лоамий довкъаш,
Ший доттагІчунца цхъана хийла моастагІа эшаваьчох,
Зиракал ваьнначох, сакхеташ хинначох.
(Таржам даьр – Х. Б.)
(Когда Ану..., 2000, с. 137)

«Хийла хІамаш...» илле хьалхара дешаш да. Уж дешаш харцахъа кхетадарах а, гІалат долаш яздарах а, «Гильгамеш» яха цхъа дош а цІи а хъахиннай царех. МаІан-м, вай ма аллара, шеко йоацаш гІалгІай меттала да.

Вайна ха дезаш да, цкъа-дале, массадолча ширача метташка даьча йоазонаш тІа къоастора хъаракаш хиннадац, цул совгІа, моттигаш нийслу деррига дешаш шоайла дувзадена долаш а.

Аккадаша шумерий мотт а йоазув а карадерзадар гІалаташ доацаш хиннадац. ТІаккха цхъадолча дешай хьалха хинна маІан дицлуш е харцахъа кхетадеш хиннад. Лакхе вай белгалдаьккхадар шумерий йоазонах дешаш юкъе юкъ йоацаш яз деш хинналга, беррига мугІ цхъатарра дІаязбеш хинналга. Иштта «Хийла хІамаш дайначох» («Хийла хІамаш дайзачох») юххера а «ХийлахІамаи» («ХийлхІамаи») >Гильгамеш хъахул.

Вай замалахъ, XIX бІаьшере шумерий йоазонаш даьшхачул тІехъагІа, эрсий меттала таржам "Гильгамеш" аьнна ду. Кхыча индоевропейски метташка, масала, немций е энглизий «Хийлхамаш» (е «Хильхамеш») хила тарлу, «г» яхача оаза когаметта «х» е «хІ» яха оазаш а йолаш. Из вариант вай метта тоьал гаргагІа я.

Гильгамеша цІи йоашхаш вай баь тохкам гІалгІай къаман исторена а метта а геттара лоархІаме тохкам ба.

Вай хьалха ма яздарра, шоай къамах болча нахах *санг-нгига* «*Аьржа кортош (дараш)*» оалар шумераша. Шумерий *sag* «корта» (цхьайоалча моттиге цІен-саг «жрец») яхилга да. Шумерий меттала дукха дешаш *sag* яхача дешаца дувзаденна. Масала, *nu-sag* (нусаг) «жрец»; *dumi-sag* (думу-саг) «первенец + голова»; *sag-gig* «черноголовые» (Канева, 2006, с. 32-33, 101, 187, 235; Дьяконов, 1983, с. 53). ГІалгІай *саг* маІан кІоаргагІа долаш да, шумерий дешаца нийсдича. Шумерий *нгига* «*Аьржа*» вай меттала «негІе» яхача дешаца бувзам болаш хила тарлу. НегІе (ногІай), цкъа-дале, тюркий къамах йоаккха цІи я, цул совгІа «негр» яхача деша синоним а я.

Шумерий вахара керттердар шоай даьлий хьехабар, царна Іамалъяр дар. Саг ший даьлашта Іамал е кхеллав, яхаш бар цар дина керттера хьехам. Боаккхаш мел бола ког шоай даьлий ца хьоахабеш баккхацар цар. Даьлий тоьал дукха бар шумерий динца: *Ана, Энлиль, Энки е Эа, Нанна, Инанна, Нинхурсаг, Нинту, Нинмах, Гештинана, Мами (Мамиту), Думуз* – иштта я цар цхьабарий цІераш. ХІарачун ший сув яр.

Ан сигален доал деш вола цІув лоархІар шумераша. Кхы мел болча цІувнашта юкъе керттера вар из. Цул совгІа, шумерий меттала *ан(а)* «сигале» яр, иштта сигален доал деш волча даьлах а из цІи йоаккхар. ГІалгІай меттаца тахан нагахьа мара ца нийслой а, долаш да *ана, ане* яха шира дош («сигале» яха маІан да цун). Цул совгІа, вайна ма харра, *анаюх (анайист)* «сигалеи лъьттеи вІашкаотта гом» ба; *ане* – малхбоалехье, *анзе* – малхбузехье яхача дешай синонимаш да.

Вай дувцар нийса долга гойт Коазой Тимура язьязьча «Наьсари Ачами» яхача поэме. Укхаза вайна корадоагІа «*ана*» яха дош вай дувца маІан долаш хилар:

*Ма шера я ана,
ГГай-доазув ва доацаш,
Ма гГийла я нана,
ЦаI мара воI воацаш!*

Цхъайолча вайнаьха мифашка *Ана*, *Нана*, *Льатта* цIувний хьисапе лоархIаш ба. Ана юхь малхбоалехъа йийрза я, цIаьскар цун лир да; тIаккха пхьукIоаге малхбузенгахъа йийрза я. Малх Ана букьтIехъашкахъа чубуз.

Мифашка дувцарах, сечал Ана керахь доал. Цу кхетамца ювзаенна я цу мифашка ювчача Аначен цIи – цун керара арадоал са мел доалла хIама.

Ан(а) шумерий динца «цIувний да» лоархIаш хиннав. Деррига доал цун кара хиннад. *Ана* символ муIаш ягIа кий яр. Цул совгIа, Урук яхача шахъара кертера цIув лоархIаш а хиннав из. Цу шахъар тIа хиннад цуннеи цун йоIа Инаннеи хетадаь керттера *Эана* («дом небес», «дом Ана») цIи йола элгац. Шумерий меттала *Эана* «сигаленний цIа», «Ана цIа» яха маIан долаш да. ГIалгIай меттала из дош дашха хьожаргда вай.

Хьалхара дешдакъа э- («божественный дом, храм»; иногда «ступенчатая пирамида») шумерий меттала «цIа», «цIувна цIа», «элгац», «фусам» яха чулоацам болаш да (моллагIа саг чуIеш йола гIишло). Э- яха шумерий дош вай метта «Iе» е «Iе(л)» аьнна, кхетаде доагIаш да. ГIалгIай меттаца йола архаизм я из. Из дош ширача хана малагIа маIан чулоацаш хиннад хьагойт вай къасташ боаккхача ловцо: *Иадика хийла* «Iеш (Iа, Iел) вола мотт дика хийла» яхилга да из. Вай ширача динца хиннад *Iел дуне* «байначар синош Iеш дола дуне». ХIаьта *маьлхе* е *маьлха дуне* дийначар дуне да. Вайна ма харра, гIалгIай мифашка вувц *Iел-да*. Шумерий э- гIалгIай «Iе, Iе(л)» да.

Укхаза дукхагІча дакъе «бехке» транскрипци я, хІана аьлча цхьанна индоевропейски меттала яц «І» яха оаз. Оаз ца хилча, графема (алап) а хулилга дац.

ШоллагІча дешдакъан, *-ана* яхачун маІан «сигаленаш» да. ТІаккха, вай лакхе ма аллара, шумерий *ан* а гІалгІай *ана* а цхьатарра маІан долаш да. Вай баьча тохкамо хьагойт шумерий *Э-ана* а гІалгІай *Іе-ана* а яздарі маІани цаІдола дешаш долга. Цун тара этимологи йолаш яр *Эриду(2)* яхача шахьар тІа хиннача зиккурата цІи *Э-Дуку* («дом Священного Холма») – супа *дукъ* тІера *Іе(а)*.

Ана сув я *Анту*. Хьалхара дешдакъа *ан-* вай даьшха да. ШоллагІдола дешдакъа *-ту* да; цу деша лексикан а маІана а хьакъехьа лакхе доаладаь масал юха кердадоаккхаргда вай. Вай ма аллара, И. Ю. Алироевси О. В Чапановси яздарех, «сту//ту//су «княгиня, госпожа, благородная женщина»; инг. сув, акк. сива, итум. су (Алироев, Чапанов, 1986, с. 5-6).

Шумерий *-ту* вайнаьха *сту//ту//су* санна маІан долаш да. Шумерий *Анту* вайнаьха меттала Ан-ту, Ан-сту, Ан-су(в) аьнна язде мегаргдолаш да.

Шумерий меттала тоьал терминаш я *ан* яха овла болаш е цу дешаца кхьбола бувзам болаш. Царех цаІ я *анси* (*энси*). Шумераша шоай аьлах анси оалаш хиннад. Анси е, нийсагІа яздича, «ана сий"» (сигален сий), цІена вайнаьха дош да, тахан вай бувчача меттаца из долаш деце а. Вай дувцар бакъхилара тешал да «анасиз» яха ширдаьнна дош тахан вай меттаца хилар.

ГІалгІай метта цхьадола керда дешаш хьахиннад деша овла тІа *-за* яха дешдакъа тІатохарца, масала: къа > къиза, дог > дегаза, дакъа > дакъаза, сий > сиза, иман > имансиза. Цу метта оамало вайна бокъо лу вай тохкаш дола *анси* (ана сий) яхача деша аналоги лаха: *анси* > *анасиза*. ТІаккха гІалгІай багахбувцамца долча берий иллецара корадоагІа вайна «анасиза» яха дош:

*Цоги-моги, цлог доаца маймал,
Тоха буши анасиз(а) доаккхаш,
Гуйре я, сайре я йоагIаш,
Цлог доаца маймал да доагIаш.*

Ан(а) яхача цIувна гарга лоархIар шумераша шой аьла. ТIаккха *Ан(а)*, сигален цIув, ше сий долаш вар. *Ана* сийлен дакъа аьлага а кхоачар – цигара йоагIаш яр *анси* (ана сий) яха цIи. ХIаьта тахан *анасиз* яха дош бувцача вай метта юкьера дIадаьннад. Цун когаметта да *иманасиз(а)* (хьажал: имана сий > имана сиз(а)).

Цхьаькха, *ануннаки* яха термин я укхаза тахка тоам болаш. *Ануннаки* («семя князя», «порождение божественного владыки») – шоайла гаргара болча лаьттарча а сигаларча а цIувний тоаба (цхьайолча мифашка духхьал Iел-дунен тIара бу царех). Беррига ануннакаш 600 вар: 300 лаьттарей, 300 сигаларей. *Ануннакаш Ана* тIехье лоархIаш яр. Термина хьалхара дешдакъа *Ан(у)*- да. Лакхе эрсий меттала даьча таржамах «князь», «божественный владыка» *Ана* эпитеташ я. ТIаккха шоллагIа дешдакъа - *наки* «семя», «порождение» яха маIан долаш хул. Цул совгIа, вай ма аллара, *ануннакаш Ана* тIехье я. Из тохкам бича, вай духтIадоал -*наки* яха шумерий дош вай меттала «наькьий» («тIехье») долга.

Анзу(д) – шумерий мифашка дувца геттара доккха аьрзел, цхьайолча моттигашка лома корта болаш дувц цун сурт-сибат. Паччахьа Iаьдала доале хиларал совгIа, цун символ а я из оалхазар. Цул совгIа, догIан морха персонификаци лоархIаш хиннай *Анзу(д)ах* (Немировский, 2001, с. 46-51; Мифы народов мира, 2000). Анзу дувцаш йола мифаш, цун сурт-сибат, из лархIар шумерашкара кхыча къамашка кхоач. Хурриташа, урарташа, хетташа, пирсаьнаша, руми (Рим, Византи) – аргI-аргIанца дуккхача къамаша лела а даьд, хIаьта таханарча замалахь лела а ду цу оалхазара сурт-сибат.

Хурритий замалахь шин дакъе доаккх *Анзу* сурт-сибат. Товраца аьрзел шин дакъе а даьккхе, фусама чувоалача лакхе хьалтохаш *Аьдал* хул цар. Циггара хьайоагIаш я ши корта болча аьрзела символ – «шин дуненна доал ду аьрзи»¹⁸. Шумерийи, хурритийи, гIалгIайи мифашца ювзаенна я из символ. Цу хьакъехьа поэта Хьоашалнаькъан *Аьблас* язъь стих я:

...Алхха аьрзи я-кха *Аела*,
Малха мел дар гуш.

Далла нийсса бIарахьажа
Оамал беннабац...
Малха нийсса бIарахьожаш
Аьрзи мара яц.

¹⁸ «...Орел – почитаемая птица у многих народов мира, в том числе и у кавказских горцев. Он – олицетворение спокойной силы, уверенности в себе, стремительности и неотразимости нападения. Сильная хищная птица – излюбленный персонаж в фольклоре горцев, а ее изображения – частый мотив в орнаментике различных исторических эпох.

В 1931 г. в ауле Эрзи была сделана редчайшая и очень важная находка: бронзовая курительница в виде фигуры орла.

...По-видимому, сильная птица пользовалась особым почитанием местных горцев, возможно, была тотемом жителей Эрзи, их божеством и покровителем.

...Не случайно..., что река Армхи, ревушая глубоко в теснине, получила у соседей-осетин на первый взгляд неожиданное имя «Маккал-дон» («Река коршунов»), а сами ингуши – обитатели ущелья – зовутся у осетин «маккал», или «маккалон», т.е. «люди-коршуны». Орел и коршун в орнитологии (науке о птицах) – «близкие родственники», они принадлежат к одному семейству, ястребиных. Следовательно, за осетинским «макал» и ингушским «эрзи» таятся близкие понятия о пернатых хищниках, особая роль которых в жизни и религиозных представлениях населения Джерахского ущелья оставила неизгладимую память в этих местах» (*Виноградов, 1966, с. 159-160*).

...Цудухъа я из (вай из аьннад)
лаьтга мел дар ховш:

аьрда бIарг Iаьхарга кхоачаш,
аьттиг – дунен тIа...

...Шин дуненна доал ду аьрзе.
Маьлха никъ ба из:
хъахул ане, чубуз анзе –
кхоачашдий параз...

...Аьрзи я вай айлама да,
аьрзи – ба сиглен бIарг.

Вайна ма харра, Византера Россегга кхоач из пач-
чахьалкхен символ.

Шумерий *Анзу* яхача деша чулоацами вай меттала *аьрзел* яхача деша чулоацами шоайла геттара гарга да. Вай *аьрзел* «аре зе» яхачара доагIаш да; шумерий *Анзу* «ан (сигале) зе» яхачара хъадоагIа. Теркам бел: нохчий меттала *аьрзу*, чIаьбарлой *арзовл* // *арзуол*, бац. *арцIив*, гуржий *арцIиви*. ДIахо: ХУ * *ars`ib/w-*: урарт. *ars`ib/ve*; эрмалой *arcui*, диалект. *arciw(c=цI)*, гуржий *arc`iv* – «аьрзел»; праславянски *орьль*, эрсий *орел*, полякий *orzель*, ширача прусски меттала *arelie*, литовски *ere~lis*, диал. *are~lis* (Фасмер, 1987; цул совгIа хъажа: Дьяконов, Старостин, 1988, с. 184; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 929). Вай доладаьча масало тешшаме хъагойт из дош цIена гIалгIай хилар. Шумерий *Ан-зу* яхача деша чулоацами, вай *аьрзел* (аре-зе) яхача деша чулоацами цаI ба. Кхыча къамаша вай меттацара из дош дIаийцад, хIаьта вай меттаца дика яьржа йолча -л яхача форманта вай дувцар дIачIоагIду.

Шумерийи аккадийи мифологех эггара хьалха сига-

ленашка оалал деш хиннав *Алалу* яха цИи йола цУув. Из доалах воха а ваь, эттав Ан сигленашка оалал де. «Ерригача фусамий паччахь...» яхача шумерийи аккадийи поэма тIа ба укх тайпара мугI: «...*В полях заглушу восклицанья «Алала!»*». Гота воаллача ахархоцо цу тайпа мухь бетташ хиннаб. Адамашта у а дайта, цар гота соцоргья аз яха маIан да цу дешай (Когда Ану..., 2000, с. 122, 437; Немировский, 2001, с. 129-130).

Хурриташа *Алала* (*Алалу*) хьувкъама (цул совгIа ялата а, маькха а цУув хила тарлу) цУув лоархIаш хиннав (Дьяконов, 1990, с. 101-102, 138-139, 146). ХIанзарча гIалгIай меттала *Иалаьлай* // *Иалаьлов* (межд.) саг цецвоалаш е оарц доаккхаш доала цIогIа да (дистал: яний *аIаIа* «алала», крик воинов при схватке или приступе; вообще, крик, ликование (Вейсман, 1899)). Иштта шумерийи, хурритийи *Алалу* яха термини гIалгIай *Иалаьлай* // *Иалаьлов* яхари лексика цаI йола дешаш да.

Сигалени лаьттани юкье доал кара долаш хиннав *Энлиль* (вай *Ан-лел* аргда цунах). *Ана* воI лоархIаш хиннав *Энлиль*. «ЦIувний да», «сигаленийи лаьттани аьла», «дерригача лаьттений паччахья», – иштта эпитеташ хинний цун. «Сигаленаш – из цар аьла ва; лаьтта – из цун Воккхий ва», – уж дешаш Энлила хетаяьча шумерий гимна тIара да. Фо, мух, морх, вешта аьлча, сигалени лаьттани юкь, дийнат Энлила доалахья хиннад. ТIаккха *Энлиль* ше феи михеи персонификаци я (Немировский, 2001, с.11-14, 25-28).

Камаьрша хиннав *Энлиль*. *Энлела* адамашта ший беркат, рузкъа лора. Адамашта нухи диги деннар *Энлиль* лоархIар шумераша. Адамаш дезаш, царна мутIахья вар из. *Энлела* лоIамах ди доагIар. Цунна дагадохарах а, цун лоIамах а кхеллар ги, баьцовгIаш, гаьнаш (Белицкий, 2000, с. 220-224).

Деша хьалхара дакъа *эн-*, нийса яздича, *-ан* «сигале»

да. Цу деша таржамо а дуккхача шумерий йоазонашкар-ча контексто а гойт из иштта долга. ШоллагІдола дешдакъа -лил(ь) да. «Лиль «ветер, воздух, дыхание, дух»; наиболее существенные его свойства – движение и расширение, поэтому оно примерно соответствует нашему понятию атмосфера», – язду шумерий мотт тохкача Илманхош (Крамер, 1991, с. 91). А. И. Немировскийс кхетам болаш гойт цу цѐра чулоацам: *Энлиль* (досл.: «господин воздушного пространства, атмосферы») – имя, в котором, как считают исследователи, заложен в соответствии со значением слова *lil* («воздух», «пространство», «буря») двойной смысл – дыхание, дух, с одной стороны, ветер, циклон, с другой, и первоначально он прежде всего был связан с бурными проявлениями природы (ураганом, дождем). *Энлиль* – владыка всего находящегося между небом и мировым океаном, по которому плавают земля...» (Немировский, 2001, 9, 13-14; цул совгІа хъжа: Мифы народов мира. Т. II. 2000, с. 662-663).

Шумерий -лил гІалгІай «лел» яхача дешаца дІанийс-луш да. Вай меттала *Энлиль* яха дош дашха этгача, «ана лел», «сигала гІюлла лел» яхилга да (сигаленней лаьттани юкъе лел фо, мух). Иштта шумерий *Энлил* яхача дешах гІалгІай *Ан(а)-лел* яха дош хул. Цунна геттара тІех текъам беш дола элгац Ниппур-гІалахъ (хІанзарча Неффере) хиннад.

Ниппуре хинна Ан(а)-лела элгац *Экур* «дом горы», «дом-гора» яхаш дар. Деша хьалхара дакъа вай лакхе даьшхад (шум. э = гІалгІ. Іе(л)).

ШоллагІдола дакъа -кур шумерий меттала «лоам, лоаман мохк» яхилга да (Канева, 2006, с. 9, 26). Из маІан да эггара хьалха цу деша хиннар. Хан йоахалца чулоацам хувцалу деша, «наъха мохк», «Іел дуне» яха маІанаш ІатІадетталу цун (Крамер, 1991, с. 159).

ГалгIай меттала кур яха дош массехк маIан долаш да. «Массаболча вайнаьха меттала кур «юрта чулаьца къаьстта цхьан тайпах нах баха моттиг» я. *Тха кура тIара саг*, цу юртара саг хинна ца Iеш, хоам бечун тайпах саг ва. «Кур яха вайнаьха дош цу деша оазашка диллача а, цун чулоацамга диллача а шумерий кур «мохк» яхача деша гарга да», – яздаьд проф. Д. Д. Мальсаговс (*Мальсагов, 1959, с. 150*).

Цул совгIа, вай меттала кхоачам болаш да цу тайпа лексика йола дешаш, масала: *лоаман кур* «гребень горы», *керта кур* «вихор, хохол, чуб»; *кур-кий* «баьччан кий»; *кур-харс* «кхалсага кий»; *саь кур, ворда кур* (*Куркиев, 2004*).

Поэта Хьоашалнаькъан Iаьлас цу деша маIанаш тохкаш, яздаь илли да:

*... Кур (саь кур),
кур (ворда кур),
кур (тайпан кур),
кура, куржам, курс,
курхарс, кортали, кера
яхараш мо дола дешаш.
Цар хьахьокх
лоамах а (мехках)
кур оолаш хинналга.
Вай дицдаьд из дош...*

«Вай ювцача замалахь (XVII–XIX-гIча бIаьшерашка) вайнаьха кхалнаха керта тIа туллабеча гIирса юкье къаьстта белгала я галгIай сувнаша лелаяь муIаш ягIа курхарс. XIаьта из ший тайпа бола керта тIа туллабу гIирс, дукха ха ца эшаш эзар шу хьалха лелабе болабаьб», – язду Б. Абдулвахабоваси З. Мадаеваси (Абдулвахабова, Мадаева, 1989, с. 109).

Вай беча тохкама хьакъехьа я Хьоашалнакъан
Габлий стихотворени:

*Кортамукъача кхалнаьха
керта гIирс хиннаб
курхарс.*

*Фурача мехкараша,
эздийча сувнаша
лелаяьй уж.*

*Седкъий бIаргаиш долаш,
хьажаяукъе малх латташ
хиннаб уж.*

Курхарс - кура тIа багIа малх¹⁹.

Ан-лела сув *Нинлиль* лоархIаш хиннай. Укх термина хьалхара дакъа *Нин*- вай метгала «нана» яхача деша лексика а маIан а долаш да. Вай яхар нийса хилар бакъду цхьадолча селий метташка из дош шумерийчох тара хиларо, масала: гIаз-гIумкхий. *нину*, рутульск. *нин* «нана» (Бернард Комри, Халилов, 2010, с. 81). Шумерий метгала *нин* «паччахь» («царица») яха цхьаькха маIан долаш да, хIаьта загала йоазоношка аьлан сувна цIера хьалхашка оттаду из дош.

ТIаккха шоллагIдола дакъа *-лель* вай даьшха да: из гIалгIай «лел» яхача дешаца дIанийсдаьд вай. Шумерий *Нинлиль* = гIалгIай *Нан(а)-лел* да.

¹⁹ Кавказовед проф. Е. И. Крупнов писал: «...Образцы Ингушской материальной культуры особый тип изящных боевых башен со ступенчатой пирамидальной крышей, женский парадный головной убор («кур-харс»), особые женские серебряные и медные височные кольца и другие, являются выражением сугубо индивидуальных особенностей ингушской культуры» (Крупнов, 2008, с. 70).

Нинлила шоллагЙола цИи *Нинту* «госпожа рождающая», «дающая рождение жена» хиннай (Немировский, 2001, с. 28, 127-128). (Немировский, 2001, с. 27). Укх термина шоллагЙодола дакъа *-ту* вайнаьха сту//ту//су «благородная женщина, княгиня» да (шумерий Нинту = вайнаьха Нан-сту, Нан-ту, Нан-су).

Шумерий «Энлилас саг йоалаяр» яхача мифа тIа белгалдаьккха да, *Нинлелас* маьра духь гош дийлачул тIехьагIа, шоллагЙола цИи цунна енналга (маьрел даьча мехкарашта из цИи телаш хинналга) (Немировский, 2001, с. 27).

Нинту нана-цIув лоархIаш хиннай, истий бахкар Iалашдар цун доалахьа хиннад. Ший аргIанца Нинту кхы а цIераш (эпитеташ) йолаш яр: *Мами* (*Мама*, *Мамиту*), *Нинмах* (*Мах*) «превозносимая жена», «благородная госпожа», *Нинхурсаг* «владычица лесистой горы». *Баба* (*Бау*) яха нана-цIув а цу тоабанца я (Дьяконов, 1990, с. 122; Немировский, 2001, с. 17-18, 44-45).

Мами яха эпитет бера хьувкхача накхах боца йоаккхача *мами*, *мамиг* яхача вай метта дешашца бувзам болаш я. Шеко йоаццаш, таханара «*мама*» яха дош а цу тIара доагIаш да. Цул совгIа, латински меттала «*мамма*» яхача деша укх тайпара маIанаш да: 1) грудь (преимущественно женская); 2) грудь (вообще); 3) сосок; вымя; 4) мама (на языке детей) (Дворецкий, 1976). Латински *мамма* вай ювчача *Мами* яхача шумерий терминаца а, гIалгIай *мами*, *мамиг* яхача дешашца а бувзам болаш да.

Нинмах «превозносимая жена», «госпожа величайшее божество», «госпожа могучая», «знатная госпожа», «благородная госпожа» (Немировский, 2001, с. 17-18) яхача деша маIанга диллача, вай меттала *маьхе йола Нана* (*Нан(а)-мах*) аьнна, кхетаде мегаргдолаш да. Шумерий *мах* эрсий меттала «величественный (-ая)» яха маIан долаш да (Канева, 2006, с. 21, 23, 182). Белгалде:

гІалгІ. *мах* 1) торговля; 2) цена, стоимость; 3) оценить кого-либо, что-либо; 4) *перен.* дать оценку чему-либо; иштта *маьха//маьхе* «торговый, ценный».

Нинхурсага дукха эпитеташ хиннай: «масса цІувний нана», «масса берий нана» оалар цунах. *Нинхурсаг* «госпожа // хозяйка лесистой горы»(она не только богиня-мать, но и владычица зверей) (вариант: *Хурсаг* «лесистая гора») (Немировский, 2001, с. 20-23, 44-45; Дьяконов, 1990, с. 228) яха цІи укх тайпара яшха мегаргІолаш я: шумерий «*Нин-* = гІалгІай «нана»; шумерий *-саг* укхазы «лоаман корта» – гІалгІай *саг* «человек»; шумерий *-хур-* «лесистая» = гІалгІай хьу «лес». Укхазы *-р* суффикс хила тарлуш я.

Баба яха цІи вай меттаца йолаш я. ГІалгІаша нагахьа мара алац наьн-нанах *баба*, бакьда, нохчий *баба* яха дош цу меттаца шерра даьржа да.

Энки «небо-земля», *Эа*, *Эйя* шумерий керттерча цІувнех цаІ ва. Из къаьстта белгалваьккха лоархІаш йола гІала *Эриду(г)* хиннай. Энки лаьттан кІалха латтача тезача хих болча дунен фортан (Абзу) да (аьла) е, лоатца аьлча, «хин цІув» хиннав. Иштта лаьттан тІара хиш а цун доалахьа лоархІаш хиннад. Зиракал, бІарловцал, адама мел йола масса говзал Энкегара я. «Зиракий тхьамада», «зиракан Аьла» («владыка мудрости»), «масса цІувний дог-ше довзар» хиннав из. Маьхе мел дола хІама кхеллар из лоархІар шумераша.

Ан-ки яхача термина цхьа маІан Айлам [«Вселенная» (небо+земля)] да, вешта аьлча, «сигале-лаьтта». ХІаьта *Ан-ки*, *Энки* цхьа цІи я, хьалхара алап транскрипце толхадаь да цу деша. Вай ма аллара *Ан-*, *Эн-* шумерий *ан-а*, «сигале» я.

ШоллагІдола *-ки* яха дешдакьа «лаьтта» яхилга да. С. Крамера деча таржамах, шумерий *Ки* «Нана-Лаьтта» яха маІан долаш да. Цул совгІа, «кІийле, кІалхе, лохера

мортиг» (эрсий «низ») яха маІан долаш да из дош. Лексикага диллача, вай *кІал* «вниз, внизу»; *кІал* «под», *кІалхе* «основание, подножие»; *кІийле* «дно, пол глиняный» яхача дешаца дІанийслуш я из цІи. Бацой *кІикІел* «под» а да шумерий *кІи* яхача деша гарга. Вай дувцар бакъдале, шумерий *ки* яхача деша транскрипци нийса язъязъц таржамхоша, из дош *кІи* аьнна язде дезаш да.

Б. Далгата дІаяздарах *Маълхеи Беттеи* ноаной хиннаб. *Маълха* нана *Аза* хиннай, хІаьта *Бетта* нана *КІинча* хиннай. *КІинча* тІехъара дакъа *-ча(е)* «кер», «че» яха маІан долаш да. Укх термина хьалхара дешдакъа *КІиншумерий ки(кІи)* яхача дешаца цхьа овла болаш да.

Эа яха *Энки* цІи, хетаргахьа, хица бувзам болаш я. *Эа*, *Эйя* яхача цІерий этимологи тохкаргъя вай. Шумерий э- гІалгІай *Іе(л)* да (Канева, 2006, с. 32). ШоллагІдола дешдакъа *-а* шумерий меттала хий да: из духхьал цхьан алапаца яз деш да (Канева, 2006, с. 36, 41-42, 110, 186; Дьяконов, 1967, с. 51-52). Хетаргахьа, нийса из дош кхетадича а, яз дича а «Іа» да. Из верси нийса хилар тешал да гІалгІай меттала дола *Іи* «пар», *Іам* «озеро, пруд, лужа», *Іим* «омут, водоворот, горный поток» яха дешаш (Куркиев, 2004).

ГІалгІай меттаца цІи нийсйича, шумерий *Эа* хул *Іе-Іа(м)*. Шумерий мифологех *Эа* («тот, чей дом вода») Іеш вола фусам *Аб-зу* яха лаьттан кІал латта дунен форд лоархІаш хиннаб. Цул совгІа, цу цІувна беш хинна текъам хица бувзабенна хиннаб. Энкий элгацашка хий леладеш доккхий борза яьш хиннад, иштта хий чудола бассейнаш а хиннай коаш тІа (Емельянов, 2001, с. 143).

Энки зІамагІволча виІий цІи *Нингизидда* [Nin-gish-zidda] «Владыка дерева жизни» хиннай. Шумерий *Nin-вай нана* да; *gish-* вай *га (е гаьнаш)* хила тарлуш я; *-zidda* «жизнь», нохчий *зуда* хила тарлу. Цу хьакъехьа къаьстта тохкам бе боагІа.

Нанна сигаларча бетга цІув лоархІ. Ан-лела (Энли-ла) воІ лоархІ *Нанна*. Ури, Хьарррани яхача шахьарашка кертера цІув хиннав из. Цхьайолча шумерий шахьарашка кхалсага хьисапе цІув лоархІаш хиннай цунах. Цу хьакъехьа И. Т. Каневас хоам бу Нанайа яха цІув шумерий мифашка ювцаш хиларах (Канева, 1964, с. 195). В. И. Авдиевс, Ю. А. Карпенкос а хьехаю Нана яха шумерий цІув (Авдиев, 1948, с. 35; Карпенко, 1981, с. 15). Вай меттала *Нанна* яха шумерий дош, маІан де ца дезаш, массане а кхетадергдолаш да. Кавказерча дуккхача къамий меттала да «нана» яха дош, масала: абхаз. *нан* «мать, бабушка», гІаьбарт. *нанэ* «бабушка», гурж., мегр., чан., *нана* «мама, колыбельная песня», нохчий *нана* «мать», лакск. *нанна*, арчин. *нене* «дитя, младенец»; рутульск. *нин*, удиний *нана*, лакс. *нину* «мать» (Климов, Халилов, 2003, с. 54, 58-59; Бернارد Комри, Халилов, 2010, с. 81, 92).

«Нана», «нанилг» ала тарлу кхалсаго кІаьнках е хана шийла зІамагІволча маІача сагах. «Нана» къаьста сага цІера когаметта латташ хила тарлу; иштта сага цІеран тІехьа оттаде а тарлу из дош. Яхача замалахь *Нана*, *Нанаш* яхаш маІача наьха цІераш хиннай гІалгІай. Вай дувцачо гойт ширача хана из дош массехк маІан долаш хинналга.

Нанна символ ах-бутт (хьахулаш боагІа бутт) хиннаб; гІирс (атрибуташ) бугІеи кемеи хиннаб. Кема (ах-бутт) *Ма-гур* цІи йолаш хиннад, шумерий мифашка дувцарах цу тІа вагІаш, лаьттан го боахаш хиннаб Наннас (Когда Ану..., с. 443).

Нанна шоллагІйола цІи *Син* хиннай. Из дош аккадий меттала да, тІаккха шумерий *СУ.ЭН* (нийса вариант ЗУ.ЭН.) яхача деша тІара хьахинна лоархІаш да. Шумерий грамматико бокьо лу шин дешдаькъах латтача деша

доакъош тЕхъеи хьалхеи даха. Иштта моттиг хилча, цу деша маІан хувцалац. ТІаккха Зу-эн, Эн-зу (Зу-ан, Ан-зу) цхьа лексика а цхьа маІан а дола дешаш да. Иштта Зу-ан > Су.Эн > Син яха цІераш Ан-зу, Анзу, Анзу(д) «тот, который знает небеса», «господин Зу» (вай метгала «сигале зувш вар» хул цунах) яхача терминаца дІатарлу. Лохе бергба вай цу хьакъехьа бола тохкам.

Анзу, Анзу(д) яха термин цхьаькха чулоацам болаш а я. Шумерий мифашка Анзу Іалаьмата доккха, ломан корта бола аьрзе(л) да. Гудеа паччахьа дайна гІа дувцаш йоазув тІадолча топпара улга тІа укх тайпа дувц из оалхазар:

ГІанахьа цхьа саг духьала вера.

Воккха вар из сигале миссел, лаьтта миссел воккха вар.

Керте тулар цІувний кур-кий, Аьрзел Анзуд

кулга тІа дагІар.

ДуІа лохе, коге хьерчар,

Аьттеи аьрдеи лоамаш дадар. Іамал йир цо шийна цІа де.

(Таржам даьр – Х. Б.)

Наннай сув лоархашІ хиннай *Нингаль* «великая госпожа». Цар бераш лоархІаш хиннаб *Инаннеи* маьлха цІув *Утуи* (*Уту*).

Шумерий мифологех маьлха цІув *Уту* («тот, кто освещает Небо и Землю») кхелан а нийсхон а патрон лоархІаш хиннав. Баббар «сиятельный» яхаш эпитет йолаш хиннав *Уту*. Бетта цІувна *Наннара* воІ лоархІаш хиннав из. *Уту* деррига а бІаргагуш вола цІув хиннав, цудухьа накъахой цІув лоархІаш а хиннав цунах. Іуйранна, лакхача лоаман тЕхьашкара араваьле, сигала да мейлуш хиннав из, хІаьта сайранна, байначар синошта сердал, кхача, хий ийце, Іел дунен тІа кхоачаш хиннав. Цхьаболчар *Утувс*

никъ гIаш бу оалаш хиннад, вокхар дой доахкача хьоркхувна гIа вагIаш бу яха кхетам хиннаб.

ЦIувна (Утуна) товр хьалхадоахаш хьехам ба «Зиракан улга гIа» («Таблица мудрости») язбаб:

Зулам ма де хьай моастагIчоа;
Iа диканца бекхам бе хьайна во даьчоа.
МоастагIчунна еш йола кхел дег тIара хилийта...
Зулам де уйла хьай дег чу ма йоссийта...
СагIа дийхачоа – моцал, хьогал дIаяккха -
кхача, чхьагIар кховдаде...
Пайда беш хила; дикадар совдаккха...

(Таржам даьр – Х.Б.)

Уту яхача термина этимологи лерттIа тахка аьттув бац вай. Хьалхеи тIехьеи ваьнна даиман цхьан лелача шин сагах вай меттала оалаш да «Улийи, Утийи санна». Цу дешай бокьонца дола маIан вайна дицденнад, цьабакьда тохкам бе эттача, духтIавала тарлу. Шира астрологически терминаш хила тарлуш я уж. ГIалгIай *уллув*, нохчий *уллий* яха дешаш вай дика кхетаду. Хетаргахьа, *Уту* яхача шумерий термина тIара да вай *отта* яха дош. Вайна хетар бакьдале, *Уту* (*Отта*) цхьан метте латта планета, хIаьта *Уллув*, (нохч. *Уллий*) цунна гонахьа кхеста спутник хила тарлуш я. Цхьаькха а да: хIара дийнахьа малх *иже отт*, из вайна ма харра, делкъа хана юкъ я. Бутт *иже* отташ а ха йоагIа. Амма вай деш дола тешал кхоачам болаш дац, цу хьакьехьа къаьстга тохкам бе боагIа.

Инанна, *Иннин*, *Нинанна* («владычица небес»; возможно, народная этимология) хьувкъамеи, безамеи, тIемийи, довнийи цIув лоархIаш хиннай. *Ана* йоI лоархIаш хиннай *Инанна* (кхьыча дувцарах беттан цIувна *Нанний*

йоI). Къабстга белгалдаккха деза, *Инанна* кхелахо хилар. *Инаннай* символ Сахула Седкъа (Венера яха планета) хиннаб²⁰.

Иел дунен наIарга латгача хабхочо «Хъо малий?», – аьнна, хаттар дича, жоп лу Инаннас: «[Со] Сахула седкъа [ба]» («Я звезда рассветная», е «Я Звезда Восхода»). Вайна ма харра, гIалгIай меттала планета Венера «Сахула седкъа» ба. Цул совгIа, вай меттала кхы а эпитет я вай бувгача седкъан: «бетга хьалха лела лир доага седкъа» оал цунах. Инанна яха цIи *Нин-ана* (вай меттала «нана-ана») яхача деша овлан тIара йоагIаш я. ТIаккха из шумерий метта «ана сув» е «ана паччахъ» («повелительница неба») яха маIан долаш а я, аьнна, язду С. Крамера (Крамер, 1991, с. 161). Из цIи иштга овла а маIан а долаш хилар бакъдеш, майрра тешал де мегаргда.

Ф. Л. Мендельсона язdechо, Инаннах Иштар оалаш хиннад akkaдaшa. ХIаьта Иштар яха цIи гIехьатIаенача замалахъ хувцаеннай, Астарта оалаш хиннад цунах. Вай метта цу ширача дешашца дувзаденна цхьацца дешаш дисад: 1) *Эштр* яха цIи йоаккхаш хиннав *Иелда* (Мифы народов мира, Т.I, с. 430); 2) *аштарха* котам оал cesарка яхача оалхазарах, хетаргахъа, из оалхазар вай ювгача цIувна хетадаь хиннад; 3) Аштарха яхаш сага цIи хиннай.

Иштара шоллагIйола цIи *Нанайя* хиннай. Цунца ювзаенна лоархI эрмалой мифологех цIув лоархIаш йолча *Нанэ* (*Нанэа*) цIи (Эмин, 1896, с. 7-8).

²⁰ Римлянаша Венера, янаша Афродита, кханана (ханааней) къамах болча наха Астарта, ассирийгача, Бабилоне баьхачар, хетташа, кхыча цу замалахьарча къамаша Иштар, е Эшдар, хурриташа Шаушка, е Сауска (зем бе: гIалгIай Сеска), akkaдaшa, шумераша Инанна, е Нинни оалаш хиннад цунах. Цу дерригача къамаша ТIеман цIув, Безаман цIув лоархIаш хиннай цунах.

Инанна яха цИ вай меттала «нана» яхача деша овлан тIара я²¹.

XIара саго ше мел йоккxача хана Далла ячa Iамалга хьежжа Iел дуненахъ цун маъл а бекхам а хургхиларах тешаш хиннаб шумераш. Мифашка дувцарах лаьттан кIалха, Iел дунен чухъа, байначарна кхел еш яьгIай къахетаме йола *Гешти-нанна*. Венначо ше дийна волаш дика деш баьккxа маъл, цо даь къинош, деррига а дIа-яздаь лаьттад *Гешти-нанна* тептар тIа. «Иллиалархо», «кабла», «йоазон къайле йовзаш яр», «хургдар ховш яр», «гIанаш доашхаш яр» – иштта хиннай *Гешти-нанна* эпитеташ.

БаьцовгIах боаллача тамашийнача низаца (дарбан низ), къаьстта комсий хетолга низаца ювзаенна я *Гешти-наннай* цИ.

Шумерий *Гештинаннеи* вай меттала *гешт*, *нана* яхача дешай лексика а этимологи а цаI я. Уж дешаш геттара шира дале а, массехк эзар шера цхъаккxа оаз хувцаеннаяц цар. Тахан а, саг веннача кодам беш хилча, «Дала гешт долда, Дала къахетам болба», – оал вай. Таьзета водачо: «Гешт де вода, гешт дувца воалл», – оалаш нийслу (нохчий метта итумкxалара диалект). Цу дешай маIанца дувзаденна да «гешт даь ваьлча» яхаш дола дешаш.

Шумерий Гешти-наьнах йоакxача оамалаша а бакъйу цун цИ. Шумерий «*Инанна Iел IокIалxаялар*» яхача мифа тIа дика гойт *Гешти-наннай* оамалаш. Iел цЮлаша дIалаьцача *Инаннас* тийшача белхах ший мар *Думуз* шийна хьалxара даиман Iел Iазапе хургволаш мах а бий, ше кIалхарйоал. *Думуз* («истинный сын») ше шу-

²¹ Ср.: *Анана-Гунда*, *Анан*, *Анана* «мать», в абхазской мифологии богиня плодородия, охоты и пчеловодства, покровительница деторождения (Мифология народов мира. Т. 1, с. 75).

мерий мифологех хъайбай Iу ва. «Хий тIадалале ханаши-кара Iу», «сигален сармак нана яр» – иштта я Думуза эпитеташ. Думуз лаца а лаьца, из Iел IокIалхаваккха Iелара къиза оарц доагIа.

Къахетаме, дог-кIаьда я шумерий *Гешти-нанна*. Къиза оарц тIехъа долча ший вешах *Думузех* (*Ду`уз, Дузу*) доглазаш, цун гIайгIанна Iаьрж ду цу:

Ва са воша! КIанат! Се йоацаши, тIехъе ва йоацаши!

Ва са воша! КIанат! Уллув новкъост –

доттагIа ва воацаши!

Ва са воша! КIанат! Нана гIайгIане ва йигаьр!

(Таржам даьр – X. Б.)

Iел а яха, цига Iазап озаш волча ший веший когаметта Iе гIерт из:

Ва са воша! Хьона хьалхара

Доккха Iазап тIаэца, даькъазаяла,

Яла кийча я со!

(Таржам даьр – X. Б.)

Ший вешийна гешт дар дехаш *Гешти-наннас* даьча дуIанна жоп а дале, вешийи йишийи цхьатарра къиза кхел ю *Инаннас*: «Ах-шера Iел Iазапе хъа воша, ах-шера цун когаметта хьо», – аьле. Раьза хул *Гешти-нана* ший вешийна хьалхара Iазап тIаэца.

Думуз маьлха ваьлча, деррига Iалам хозлу. Iай малх цIарабоала денош да уж. Гадбахе, доккха цIей а дий, дездеш хиннад шумераша уж денош. Цу мехка йIовхал йижа, Iалам сомадоала ханаш я уж. Ахкан малх цIарабаллалца йIовхал а шелал а боарамах хургья, ялаташ, сом хьувкъаргба. TIаккха аьрки малх цIарабоалаш боарамах йоаца йIовхал совьяргья, Iалам тхьовсаргда.

Ахкан малх цIарабоала денош Iаърж дуллаш белгал-
доахаш хиннад шумераша. Тяхьабелхаш ший аргIанца
Iел вода *Думуз* накъавоаккхаш хиннав цар.

Цул совгIа, вайна ма харра, «нана» яха термин яхача
замалахь гIалгIаша леладаьча динаца хиннача цхьаболча
цIувний цIерашта тIехьа латт. Цу тайпара «ноаной»
тоьал хиннаб гIалгIай ширача динца: *Ун-нана, Хи-нана*
(*е Хи-Мих-нана*), *Дарза-нана, Чачха-нана, Мехка-нана,*
ТIур-нана. Таханарча денна ширденна метта юкьера
дIадаьннад «*Дунен Нана*», «*Дунен Да*» яхаш дола дешаш.
«*Дунен нана ергья хьох*», – оалаш хиннад хьалха. Тахан
уж цIераш вай меттаца йоацаш я, наг-нагахьа "ун-
нанилг", аьле, тIехтохам бе-м хьож вай. ХIаьта а вай та-
хан бувцача метта юкьераяккха йиш йоацаш цхьа
«нана» я – из я берий нана, цIен-нана.

Вай мел доаладаьча масало гойт *Геитинанна* яха
шумерий цIувна цIи геттара а гаргайолга гIалгIай хин-
нача цIувний цIерашта. Духхьал уж шумерий метта
хинна ши дош мара гIалгIай метта юкье деце а, чIоаггIа
лоархIам болаш, теркам бе боагIаш хIама да из.

Ниназу, Нин-а-зу (шумер., «господин врач»), шумерий
мифологех Iел дунен цIувнех цаI ва. *Ниназу* дарба
деш вола цIув ва. Хий тIакхерза, дегI цIендар (ритуаль-
ное омовение) *Ниназу* цIераца дувзаденна хиннад. Бел-
галде деза, шумераша деш дола дарба дукхагIча даькье
хица дувзаденна хилар. Цхьаццайолча моттигашка Нин-
ту лоархIар дарба дар ший доалахьа долаш (покрови-
тельница). [*Баба е Ба-У* («великая целительница черно-
головых») (Белицкий, 2000, с. 367), цкъаза Гула (Гула?)
(«мать милосердия») аьле, цIи йоаккхаш хиннай цунах. -
У (Ба-У) вай меттала дIа-юха доала лазар, цамгар да.
Баби хиннача эпитетах цаI я «байнараш дийнбу сув»
(«госпожа, воскрешающая мертвых»)].

Лорах шумераша *а-зу (ia-zu)* («знающий воду»,

«наблюдающий воду»; «тот, кто знает воду», «тот, кто знает масло») оалаш хиннад (Емельянов, 2001, с. 160-161). Белгалдаккха деза, шумераш молаш йола молха *хица, е йийца* кийчъеш, хІаьта дегІа хьокхаш яр *даьт-таца* кийчъеш хинналга.

Шумерий *a (Ia)* яха дош хин цІи я. Лакхе вай техкад из дош. ШоллагІдола дешдакъя -зу, таржамга диллача («знающий, наблюдающий»), вай метгала дош да [zu «знать» (Канева, 2006, с. 89)]. Шумерий *gal-zu* «много знать» (букв. «большой знать») яха чулоацам болаш да, хІаьта А. С. Куркиева дошлорга тІа зе «наблюдать, замечать, выследить, надзирать, подметить» яха маІанаш долаш да (Куркиев, 2004)²².

Хетаргахьа, хІанзарча гІалгІай метгала *лазар* яха дош укх даькъяех латт: *ла-* «вытерпеть, превозмочь, выдержать, перенести, пережить, переживать»; *-азз-, -аззу-* вай лакхе хьоахадаь урартийи, хурритийи метгала дешаш; *-р* суффикс я («ла-азз-а-р»).

ХІаьта шумерий *Ниназу* (тахан йола транскрипци), нийсса яздича, гІалгІай *Нан(a)-Ia-зу* да.

Историкаша дувцачох, пхи эзар шу хьалха лорий дарба (практика) хиннад шумерий мехка. Топпара улгаш тІа къаьстга белгалбаьха ба лораш-терапевташ, хирургаш, бІаргий лораш, акушераш. ХІаьта хьайбашта дарба деш бола лораш а хиннаб тайп-тайпара: дукъя доахкача шерчашта дарба дераш, варашта дарба дераш, иштта кхыбараш а (Конелес, 2000, с. 310).

Археологически оахкамаш деш корадаь да медицински справочникаш, пособеш (царех цаІ 40 улгах латташ

²² Ср. : хуррит-урарт. *azz-*, хуррит. *azz-и* «табуированный, больной, греховный» или подобное < ПВК *IazzuV: ас'і «болезнь», дарг. *izz-es* «болеть», бацб. *l-ac'*- чеч. *l-az-* «болеть». ПАА *zV (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 182, ст. 89). Мы дополним приведенный список инг. *l-aza-r* «болезнь, боль».

да), рецептий гуллам. Царна юкъера эггара ширагIа лорхI «Ниппурский справочник врача» (ширача замалахь XXIV бIаьшере – дий эзареи дий бIаьи шу хьалха) (Крамер, 1991, с. 68-73).

ЛагIаш яхаш шумерий хинна шахьар оахкаш (раскоп) корабаьча када огIон тIа гIаджа гонахьа хьаьрча бIехалий сурт латташ хиннад (анси Гудеа доалахьа хиннаб из кад). ГIаджа гонахьа хьаьрча бIехал *Ниназу* (могашала цIувна) символ хиннай. ТIаккха таханарча медицине вайна йовзаш йола эмблема шумерашкара хьайоагIаш я²³.

ДукхагIча дакъе довнаштей тIемаштей тIера доацаш, машаре къам хиннад шумераш. Оамалах кIаьда бале а, шоех бIубенна хиннаб шумераш, тIема гIирс а

²³ В ингушской мифологии достаточно сюжетов об исцелительных способностях змея. Как и в шумерской мифологии, змей обладает «травой жизни», его рисунок изображен меж лопаток у одного прославленного лекаря.

Так, в ингушских преданиях об Оршамар Эрш и Орзми («Рассказ Орзми») одним из основных персонажей является змея. Змея в них – мудрый тотем, образ жизни и поведение которого представляется загадочным. Змея, владеющая чудесным средством оживлять мертвых, приходит им на помощь (Танкиев, 1997, с. 39)

В ингушской сказке «Именитый (знаменитый) врач», или «Прославленный лекарь» говорится о человеке с рисунком змеи меж лопаток на спине, искусном врачевателе, обладающем даром оживлять людей. Искусству врачевания его научил царь драконов в подземном мире. (Ингушский фольклор, 2002, с. 50).

В этой связи интересен рассказ врача Ахмеда Сосиевича Куштова, записанный И. А. Дахкильговым: «Человек, стремившийся стать хорошим врачевателем, раньше, весною, в первую среду после новолуния, брал в руки змеиную шкуру и тер ее в ладонях. При этом он приговаривал: «Великий Даьла, пусть мои руки будут целебными». Все это повторялось дважды в последующие две пятницы. Все народные врачеватели проводили такой обряд ежегодно. Мой отец был лекарем и еще мальчиком заставлял меня тереть в руках змеиную шкуру» (Дахкильгов, 1991, с. 303).

говзал а лакха лоаттайора цар. Темаш-м хиннад царна юкъе, хІана аьлча хІара шахъар къаьстта паччахьалкхе хиннай. ХІаьта уж тІемаш дукхагІча даькъе адама дукха Іаткъаш а доккхий а хиннадац. Цъадола довнаш, *буьІаш* вІашагІ а летий, кхы кІоарг ца луш дІадоалар. Бакъда, мохк баккха тІавенача мостагІчунцара тІом лира хулаш хиннаб.

Дикача хъале болаш шумераш бахаш бІаьш шераш дІаихад. Мотташ хиннад царна даиман хургба машар, латтаргда дунен беркат. Бакъда, хъал хувцалуш хул.

Шумерий мохк баьккхар *кути* (кутии) яхача къамо (ширача заман XXII бІаьшере). Ширача хана Ирана ло-амашка даьха къам да из. БІаь шера гаргга доал дир цар Месопотаме, къаьстта къулбаседе. Дукха нах боабир, дукханех лай а бир. Дуккхане де доацаш мехкара лар яйра. Шоай рузкъах баьннараш а кІезига бацар. Хинна Іадат дехар, воча оамал тІа даьлар къам. Низ, хъал долчо эсалагІвар (гІад дайнар) хІалаквора, Іаьдала болхлой, кхелахой кхааш тІа баьннабар, венна саг дІаволлаш, бо-аца мах баьккхе, хийла дезал бутар яа сискал йоацаш. Ансийна телаш йола йоал адамашта доккха дукъ дар (Авдиев, 1970, с. 59-61; Белицкий, 2000, с. 151-153).

Исторен цІихеза ва *ЛагІаш* яхача шахъар-паччахьалкхенна оалал даь анси Гудеа (ширача заман XXII бІаьшере ваьхав). Дувчачох, маькара, хъаькъал до-лаш саг хиннав анси Гудеа. Мехка доал деш *кути* вале, телача йоалаца, е кхыйолча говзалца моастагІа те а веш, ший мохк ца хаддаш бовхарах кІалхарбаккха вІаштІехь-доал цун. Гудеас оалал деча замалахь геттара хъал то-аделар цу мехка баьхача наьха.

ТІехьален лаьрхІа даьча загала йоазоношка Гудеас къаьстта курал ю ше кхыча мехкашца баьча машарех. Эцар-дохкар геттара а гаьнарча мехкашца юха хоттаде-лар. «Нингирсу элгац де эламит Эламера венавар, –

яздаьд цхьан топпара улга тIа, – Сузера адам денадар, Маганеи Мелуххеи лоамашкара хьу ера; Нингирсу элгац де Гирсу яхача ший гIалахь уж берригаш гулбир Гудеас».

Вай дувчача хьале ше-шегIа оттанзар ЛагIаш-гIала. Деррига адам оарцагIдаьнна, дукхача шерашка хьийгача кьин гIехьале яр из (Белицкий, 2000, с. 126). Исторически экскурс е хьожаргда вай уж хувцамаш мишта хиннад дувца. Цул совгIа, Гудеа цIера этимологи тахка а хьожаргда вай.

Лакхе вай ма аллара, *кути* Шумер яьккхача хана, мехка эттар хала хьал хиннад. Даьй Iадаташ деха дIадаьнна хиннад, адамашта юкьера хоарцо совьяьнна хиннай. Хьакхувш йола гIехье иман долаш ца хиларах, наха юкьера хоарцонаш совьяьнна хиннай. ХIаьта а деррига дехад оалилга хиннадац, хIана аьлча кIезига хиннабац яха сийлен зама дагаухараш, из каст-каста хьехаераш.

Кьизал, вол совьялара бахьанаш тахка баьлар мехка даьй. Адам кьиза, гIожа хиларца бий-хьогI е бала? Е Iаьса даьнна адамаш, цIувнашта боагIача боарамах Iамал ца еш сацар да?

«Даьй Iадаташ, гIулакхаш диценнад адамашта, цIувнашта еш йола Iамалаш дег тIара яц, кьахетам, наха юкьера дIабаьннаб. Тесса дита даьй Iадаташ, гIулакхаш юха хьаэца деза, хоарцо кьаман юкьера дIаяккха еза. ЦIувнашта еш йола Iамал цIена хила еза. Кьам Iазапах даккха деза, из моастагIчунна хьадда кара ца дахийта», – иштта хиннаб мехка баь кхайкам. Из сакхетам адамий кера чу бесса хиннаб.

«Сий долаш волча сигален даьлан Ана бераш, цун тIехье, ана-наькьий, деций вай?»

ДуIа де вай цунга – дийхачоа лургда лакха волча Ана.

ДуIа де вай Эн-лелага – ший беркат доассадегда цо мехка.

ДуІа де вай Эн-кІи-цІувнага – нийсача новкѣа довла кхетам лургба цо вайна.

ДуІа де вай Гешти-нанага – гешт дергда цо вай кѣиношта, кѣахетаме хургѣа из вайца.

Деха вай Бабегара – вайх доглазаш еций из? Нанас агара бер хѣсташи санна хѣлха вай хѣйстар еций хѣамсара Баба? Маса а адамий нана еций из?"

(Гаржам даѣр – Х. Б.)

Кѣаман дагардар кхоачашде анси вийзар. Из а белгалваѣлар, ЛагІаш яхаш йолча шахѣара анси вар из.

«ГЮ де Іа тхона», – яхаш, кхайкар ансега кѣам. «ГЮ де Іа», – яхаш, ший аргІагІа Ана-цІувнага кхайкар керда хинна анси. «ГЮ де Іа тхона, нийсача новкѣа даха Іа тхо! ГЮ де Іа, Ана, мецавар вузаве, кѣоаношка, бошка хѣжа, ГЮжа кхел яѣ мехках ваѣккхар цѣнах тоха, хоарцонца лоал оттаваѣр кортамукѣа ваккха!» – кѣахетамах диза дар Гудеа дог, цѣна дар цун дог-уйла. «ГЮ де Іа», – яхаш, юха а, юха а дуІаш дора аѣлас.

«Сий долча Ана гІана-кхелахѣ хоам баѣб сога, хѣхам беннаб сона», – аѣнна, мехка Іадат кердаѣккхар Гудеас. «Хѣал долчо кѣе-миска волчун вас ергїоацаш, низ болчо жерал ягІача кхалсага вас ергїоацаш», – иштта дІадолалора керда ѣккхача Іадата хѣлхара мугІа-раш.

Мехкахоша кѣоабалѣаѣ тІаийцар из Іадат. Кѣам тохаделар. Тамашийна хувцадала ѣаѣлар адамаш. ЦІувнашта еш йола Іамал цѣна е баѣлар нах. Кхел нийса е баѣлар кхелахой. Кхааш, хоарцонаш адамашта юкѣера хѣѣдда дІаѣаѣлар. Ший мел дола онк ураоттадир цу кѣамо, тохаделар из. Кастталуш мехкара вахара хѣал а хувцаделар. Ялата элаш совѣаѣлар, хѣайбаш дийбар. Дѣаѣтахи маларахи йизар йоккхий топпара пхѣегІаш; тхах еттар кхоаленаш, гаѣнарча мехкашка дІа-хѣа аха

ьялар кираш, гила кемаш – хувцамаш доккхий дар мехка.

ГПоздаьннача къамо *зами* иллеш доахар шоай аьлах (Белицкий, 2000, с. 157-170; цул совгIа хъажа: Дьяконов, 1983, с. 70-71). Шумерий меттала да «зами» яха дош, саг хоаставеш доаккхача иллен жанр хиннай из. Из цIи йолаш хиннай *лира* яха шумерий музыкальни инструмент а (Боровская, 1997, с. 10; Емельянов, 2003, с. 75; Тенгиз Гудава. Электронный-ресурс: <http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary2.html>; Афанасьева, 1973, с. 120, 666).

Вайна ма харра, гIалгIай меттала да *зами* яха дош. Цу деша ши маIан да: 1) нускал цIадоаладе болхараш замеш (зами) ба; 2) хIаьта зами мехкараша зIамига саг, фусам-даьша нускал хоастадеш, даьхача иллек зами или оалаш хиннад (Ингушко-русский словарь, 2009). Сел гаьнарча ханашкара хувца ца луш хьадоагIаш да *зами* яха дош а, или жанр а.

[Шумерий илле жанраш тоьал дукха яр, царех цаI Гоза или «аллари» яр. ГIалгIай ала «сказать, произнести, молвить, вымолвить, выразить» (Ингушко-русский словарь, 2009) яха дош цу овла тIара хила тарлуш да. Вай меттала *иллиалархо* (или+алар-хо) яха дош шин компонентах латт. ШоллагIайола компонент *-алар* шумерий «аллари» яхача терминах тара я.]

*Ансес Гудеас (Гю де Iа) оалал деча хана,
Нанас бера еттацар,
Бер нанна духьал дацар.
ГIалат ваьннача лайна
Цендас таIазар дуцар...
Анси волча Гудеага (Гюдега, Гудега)
Латкъа саг ма вагIацар...*

(Таржам даьр – Х. Б.)

Иштта яхаш дар аьлах даьккхача зами-иллех цаI.
Цхьаькха зами-илли укх тайпара дар.

*Бой делхар,
Мискачун е жерал ягIача кхалсага
Кадар дацар хозаи.
ГIоза, беркате денош даькхар.*

(Таржам даьр – Х. Б.)

ТIаккха вай вийцача аьлах фу хилар? Аьлан ший хинна цIи йицьелар адамашта. Исторен а йовзац из. «ГIо-де-Iа» яха цIи дIаяхар аьлах. Тахан шумерий мотт тохкаш болча Илманхоша Гудеа, «Призванный» яхилга да, аьнна, таржам даь латт из дош. Вай тIатохаргда «Призванный на помощь» аьнна, хIана аьлча шойла дувзадenna да уж дешаш. Цул совгIа, цхьаькха таржам а да Гудеа яхача цIера: *Gu-de-a* «просьба», вай меттала аьлча «дехар» хул цунах (Канева, 2006, с. 184); *gu-de-a* «призванный» (Дьяконов, 1967, с. 81, 433; Белицкий, 2000, 158).

Iаьржача, оарша оалача кхерах (эрсий «базальт») анси Гудеа сурт-сибатах бIалгIаш а яь, уж дуккхача шахьарашка дIаяхьийтар. ХIара бIалгIан хьалхашка, накхийгара Iодоладenna, когашка Iокхоачаш загала йоазув дар. Из дар Гудеас кердадаьккхача Iадат. «Скульптура царя Лагаша» яха цIи йолаш йовзаш я уж бIалгIаш историкашта. ТIаккха Iадатах «Таблицы, законы Гудеа» оал цу историкаша. Вай *ГIоде*, е *ГIуде Iадат* аргда Гудеа законех, хIана аьлча «*glo de*» яхача гIалгIай дешаех латт из цIи. *Du* (*du*) яха дош шумерий метта «де, хьаде, хьалде» («делание», «строить») яха маIан долаш да (Канева, 2006, с. 65, 105; 41, 46, 125, 140; Дьяконов, 1967, с. 40), вай метта сана. «ГIо» яха дош шумерий меттаца хиннад аьнна бакъ оалилга дац вай, контексте долча маIанах из

хиларах дегабуам ца бича. ТПаккха цу деша тIехъара -а
яха оаз вай меттала «Iа» яхача дешаца дIанийсье
хьожаргда вай. Пуди (Пюде) яха цIи гIалгIай меттаца
хинна дукха ха яц, цу цIера тIара хъайоагIаш тайпан цIи
а я.

Эсарра «дом множества», Энкена (Энки, Эа) хетадаь
элгац (ерд) хиннад. Цкъаза кхыдолча ердах а из цIи йо-
аккхаш хиннай шумераша, цу ерда дозал белгалдаккхар
духъа. Термин ше шин дешдаькъах латт. (Э- яха дош вай
техка да). Шумераша *sarr* яхача дешах 3600 яха таьрахь
лоархIаш хиннад. Цу таьрахъаца бувзам болаш да шуме-
рий динца, эпитеташ а йолаш, 3300 цIувний цIераш хи-
лар. Вешта аьлча, 3300 *ерд* хиннав шумерий динца.
ГIалгIай лоамашкара *Ткъо бIаь ерди* («Храм двух тысяч
святых») яха цIи йолча элгацо гойт гIалгIай ширача
динца ткъо бIаь ерд (цIув) хилар.

Историкаша дувцачох, урартий а, хетгий а дин хин-
нав ткъо бIаь ерд (цIув).

Цул совгIа, шоллагIдола дешдакъа «-*sarr*» (текстах
эрсий «множество») вай меттала «дуккха» («дуккхале») яха
маIан долаш да. Вайна ма харра, гIалгIай меттаца
дукха идиомаш я. Ширача замалахь «*са даьсара*», «*са
наьнсара*» яха дешаш моллагIчо ший берригача даьх-
ноаноех буаш бола дув хиннаб. Тахан уж дешаш дук-
хагIча даькъе деша тоама оалаш нийслу. Укхаза шол-
лагIдола -*sar* яха дешдакъа шумерий «*sarr*» яха дош
санна «дуккха» («дуккхале»), «берригаш» яхача маIане
да.

Шумерашта ноль йовзаш хиннай, цхъабакъда из бел-
галъеш дола хъарак 2500 шу хьалха мара дагадехадац, –
хоам бу Илманхоша. Цар хъехабу *гом* шумерий *sar* ба,
тахан вайна йовзача хьисапе йола *ноль* яц. Шумерий *са-
рах* (*гомах*) хъахиннай таханара ноль яхаш, тешал ду вай
вувчача авторо (Веселовский, 1955, с. 252–253, 263; Ко-

нелес, 2000, с. 318-320; Къера, 1984, с. 83-84; Вайман, 1961, с. 12, 14). Хетаргахъа, *зеро* («ноль») яха термин шумерий *сар* яхача деша овла тIара йоагIаш я.

Ю. Д. Дешериева тешал ду гIалгIайи, нохчийи, бацойи метгаш дIа-юха къасталехъа, къам цаI хиннача замалахъ, *шар* (эрсий «год») яха дош тахан долча *шуо* (бацой *шо*) яхача деша маIан долаш хинналга. Укхазара *шар=сар*. (Дешериев, 1963, с. 352). Бакъда, сога хайттача, из тешал шеко йолаш да.

60, 360, 3600, 36 000 яха таърахъаш шумераша къабстта белгалдаъха да. Царех хIара таърахъ ше-ший тайпара маIан а чулоацам а болаш хиннад (цхъа хоадам болаш). Эрсий метгала «круглые числа» оал царех. ХIара волча *цIувна* ше-ший таърахъ хиннад, даржал лакхагIа волчун доккхагIа а долаш²⁴.

²⁴ А. Вайман пишет: «Шумерская система счисления называется шестидесятиричной, т.е. с основанием шестьдесят – в противоположность числу сто в метрической системе (в которой один метр равен 100 сантиметрам). Среди преимуществ шестидесятиричной системы была делимость ее основания на двенадцать. Шестидесятиричная система основана на попеременном умножении шестерки и десятки: сначала шесть умножаем на десять (6x10=60), затем опять на шесть, чтобы получить число 360 – число градусов в круге, которым до сих пор пользуется и геометрия, и астрономия. Умножая 360 на 10, получим *сар* («правитель, господин»), или число 3600, которое записывалось в виде большого круга, и т.д. (Вайман, 1961, с. 3, 7-18)

Сар, или 3600 земных лет – это период обращения Нибиру вокруг Солнца, а для обитателей Нибиру – один год. Шумеры считали, что на Нибиру обитают боги ануннаки. Древние тексты постоянно повторяют, что ануннаки пришли на Землю с Нибиру и что они измеряли время не земными годами, а периодами вращения своей планеты. Таким образом, единицей божественного времени, т.е. времени богов, был *сар*» (Конелес, 2000, с. 16-18; 33-36).

В аккадских текстах *сар* пишется как *шар* (с>ш). Ср.: чеч., инг. *шуо*, бацб. *шо* (общенахская основа *шар*) «год» (Дешериев, 1963, с. 348).

Иштта этимологи йолаш я *Ансар, Кисар* («сигален гом», «лаьттан гом») яхача аккадий мифашка вувцаш волча шин цІувний цІераш. Цу шин деша хьалхардола хІара дешдакъя вай лакхе техка да.

Уж цІераш, хетаргахъя, шумерий я. Анаюхе, сигален лаьттеи вІашкаотгачара, уж шиъ шоайла вІашкаувзаш а кьоастош а бола ши гом ба уж. Вай меттала цу дешай маІан, хетаргахъя, «деррига Лаьтта», «еррига сигале (наш)» да.

Шумерий меттала лу яха дош «саг» яха маІан долаш да. Бакъяда бокъонца долча цу деша маІанга диллача, из «саг, адам» яхилга дац; «Іу, лай» яха маІан долаш из дош. Хъайба доагІаш хилча, лу «кара Јомадаъ, дукъ деш дола хъайба» белгалдоаккхаш да. Вай меттала *лоал* «рабство, неволя, услужение» (Куркиев, 2004); нохчий меттала *лолла* (*лул*) «рабство» (Мациев, 2000); вайнаьха меттала деша керттера овла *ло-* ба²⁵.

Саг кхоллара бахъанаш укх тайпара дувц шумерий «*Адам кхоллар*» яхача мифа тІа. «Дахача деношка, сигаленаш лаьттацара къяьстача хана; яхача бийсашка лаьтта сигаленашцара къяьстача хана цІувний фу дийбар. Из бахъан долаш кхача кІезигбенна, моцал ера царга. ТІаккха боккхагІболча *ануннакаша* зІамагІбола *игигаши* овтабир къахъега (лоал де аргда вай), кхача Іалашбе.

Шумерий Эсарра («дом множества») яхача деша гІалгІай меттала хаьдда таржам де хало да. Гучахъя, «дуккхаш Іеш бола мотт», «дуккхане Іе(л)» яха маІан долаш да из дош. «Массаре Іе(л)» гаргагІа хила а тарлу вай тохкача термина.

²⁵ *Лоалахо* «сосед, соседка»; *лоалах* «по соседству»; *лоалахал* 1) соседство; 2) нормы поведения, соблюдаемые в отношениях между соседями (Куркиев, 2004).

Чеч. *лулахо* «сосед, соседка»; *лула* «по соседству» (Мациев, 2000).

Лулахи – слово хурритского происхождения, связанное с восточнокавказским обозначением мужа, невольника (Мифы народов мира, Т. II, 2000).

Игигаши сангараш йоахар, лаьтта чудола деза тускараш текхадора, кхашка хий дуллар, ялаташ дIадувра. СалоIам хиннабац царна, болх ца хаддаш бе безача хьале хиннаб уж. Шоай кхела раьза боацаш, цIувнашта духьале е дагадеха хиннад *игигашта*. Токхаш (мотьги) цIералла кхайсай, шоай хьал лоткъаде Энкина тIабаха лаьрхIад цар. ХIаьта *ануннакаш* корзагIбаьннаб, хIана аьлча *игигаши* лоаттош болча кхачах хаьда хиннаб уж.

Юххера шоашта лоал де дийнат кхолла барт бу цIувнаша. Кхоллаш дола дийнат сурт-сибатах шоашта тара хилийта раьза хиннаб уж. Массадолча хIаманна шоашта нийса из хургдоацаш, Iоажал йиллар цар цунна. *Энкисеи Нинмахеи* хица хьийнача лоабатах хьакхеллад дийна хIама. Иштта дувц *адам* кхоллар мифа тIа. Кхеллача *адама* кхел елар цар. ЦIувнаша йиллача кхелах царна ца хаддаш Iамал е, гIулакх де дезача хьале хиннав хьакхелла саг, вешта аьлча, лоал де. ХIара денна цIувнашта мел дезар лоатаде дезаш яр сага кхел. Ше кхеллача хана денз цIувнашта хьалхара балха дукъ деш, лоал деш хьавоагIа саг лоархIар шумераша. Адама кхел яр из. Иштта бар шумерий кхетам (Афанасьева, 1997, с. 21-22, 362; Шумерский миф «От начала начал, от дней сотворения мира...», с. 42-47).

Ала деза, шумерий вахара керттара оамал къахьегам хинналга. Цар динца дувзаденна дар, лоал-даржал ца къоастадеш, хIаране хьаьнала къахьегар. ЦIувнашта саг мутIахьа хилар белгало хиннай из. Иштта хIара Iуйранна вирий ворда тIа а вагIаш, кхай тIа болх бе аравоалаш хиннав анси а цун дезал а. Iарша Iеш болча цIувний лаьттан букъ тIара викал лоархIаш хиннав анси.

Шоаш хьегаш дола къа цIувний духьа лоархIаш хиннад шумераша, хIаьта Iалашбеш бола кхача а цIувний долахьа лоархIаш хиннаб. Саг цIувнашта Iунал а Iамал а е кхелла хиларах, шеко хиннаяц цар (Белицкий, 2000, 224-226).

Лулу, лу яхача деша дукхален таьрахь да. Белгалдак-

кха деза, шумерий меттала цхьоален таьрахье латта дош шолхара даьккхача из дукхален таьрахье доалилга, ма-сала, лу «саг, Iу» – лулу «нах, Iуй» (Канева, 2006, с. 33).

Диста: шумерий *кур* «лаьтта, мохк», *кур-курра* «лаьт-таш, мехкаш»; *гин* «водаш [вар]», *гин-гин* «вах-хиннав», «вахавар» (белгалде гIалгIай *gIa>gIaw>gIawilo* яха дешаш). Цхьадолча даькье из белгало йолаш ба вай мотт а²⁶.

Шумерий тексташка *лу*, *лулу* яхача дешашта уллув латт «амелу» яха дош. *Амелу* яхача деша маIан атта кьоасталургдоацаш, *лу* яхача дешаца дувзаденна да. *Лоал* яхача деша гарга да цу деша маIан.

ГIалгIай меттала *Iамал* яхача деша маIан Далла деш долча гIулакхаца дувзаденна да. Цу овла гIара хила тар-

²⁶ Схожая закономерность словообразования наблюдается в ингушском языке. Так И. А. Оздоев отмечает, что «сложные слова в ингушском языке создаются и путем сложения двух повторяющихся основ масдара или самостоятельным причастием, при этом первая основа усекается, например: *voagl-voagIar* «каждый приходящий», *вод-водар* «каждый уходящий... Сложением двух повторяющихся основ субстантивированных качественных прилагательных создаются также новые слова, при этом первая основа усекается, например: *дик-дикагIдар* «каждый лучший», *хоз-хозагIдар* – каждый красивый...» (Оздоев, 1983, с. 43).

Признак парных словосочетаний в кавказских языках отмечает и В. Вс. Иванов: «На протяжении многих лет я собирал материалы, касающиеся распространенных в многих языках парных сочетаний слов, где второе слово отличается от первого только начальным губным носовым *m-*, заменяющим любой первый согласный или добавляемый к следующему за ним гласному: тип русск. *гоголь-моголь*. В многочисленных поездках по Кавказу я давно обратил внимание на то, что из разных языков кавказского ареала этот распространенный в них прием попадает в тот вариант русского языка, который был распространен на Кавказе. Он обычно используется в живой речи для образования оборотов с сильно выраженной эмоциональной (иногда негативной) или иронической окраской: *сумки-мумки* (в смысле: эти бесконечные сумки – от водителя такси); *деньги-меньги...*» (Иванов, 2004, с. 142-143).

лу вай *Iamar* «привыкание; привычка, свойство»; *Iama* «научиться, привыкнуть, освоить»; *Iamor* – «обучение» яха дешаш.

Шумерий *a* яха дош «*vol*» яха маІан долаш да. Хетаргахъа, цу деша бокъонца йола транскрипци «*Ia*» яха лексема хила езаш я. ГІалГай меттала *vol*, *yoI* яхача дешай этимологически тохкам бе эттача, вайна гучадоал укх тайпара сурт: укхаза *v-*(*vo-*), *й-* (*yo-*) классни гойтамаш я (Дешериев, 1989, с. 12-13, 15-16, 18; Дешериев, Дешериева, 2001, с. 189; Тимаев, 1989, с. 76-77).

Амма хаьдда къоастае йиш йоацаш лард-дешаца цхъана дувзаденна да уж классни гойтамаш. Эрсий меттала «окаменевшие классные показатели» оал царех. Цу шин термина вай белгалдаьха классни гойтамаш хъакъоастадича, шоллагІдола дешдакъа *-I* (*Ia*) цхъатара хилар гучадоал. Цхъан замалахъ къаьстта цхъа дош хиннад из, маІачеи кхалчеи тІехъенах йоаккхаш йола цІи цаІ хиннай. ЛоархІам болаш да *-I* (*Ia*) яхача деша маІан «*mIexъe*» яхача деша маІанца дувзаденна хилар. Из тІехъе маІа я е кхал я къоастадар духхъал классни гойтама функци я. *Va Ia > vol(a)*, *ya Ia > yoI(a)* – иштта хъахиннад уж дешаш²⁷.

Вай меттала *mala*, *mala sag*, е *malcag* яхача дешай шоллагІа дешдакъа *-Ia* цу тІара да. Хьалхарча *ma-* яхача дешдакъа этимологи, хетаргахъа, маьлха цІераца ювзаенна хила тарлуш я. Вайна хетар нийса дале, *ma Ia* «маьлха тІехъе» яха маІан хул вай тохкача деша.

²⁷ Термины родства в нахских языках содержат окаменелые классные показатели, например: инг. *voша*, *yiша* «брат, сестра»; чеч. *вашо* «брат», бац. *йашо* «сестра», где *v-*, *й-* – классные показатели мужского и женского родов. Второй слог *-ша* един для обоих слов; при закономерности перехода фонемы *c > ш*, мы предполагаем, что *-са* изначально могло быть местоимением. В этом случае термин приобретает следующее смысловое значение: *ва-са* «есть мой», *йа-са* «есть моя».

Шумерий *adda* «тхъамада», *воккхий* «старейшина», *ad-e* «цѐн-да» (укхаза *ad* гІалгІай «да»; *-e Ie(l)* яхилга да). Вайнаьха меттала цу дешашта гарга я бацой *дад*, гІалгІай *дада*, нохчий *дада* – даьх дезала йоаккхаш йола цѐи²⁸.

Цхъайола шумерий цѐраш гІалгІай ширььянна, къаьна цѐраш санна я, вІалла а башхало йоацаш, вожаш гетгара тара я (Лу-Баба, Ур-Баба):

Шумерий	гІалгІай
Мами	МІами (нохч. Мами)
Куди	Къуди
Нанна, Нанна-сиг, Ку-Нана	Нана, Нанаш, Нани,
Нин-дада	цѐ.-бацой нандад «да-нана»
Дуду	Дуда
Дада	Дада
Удуг	нохч. Удуг
Гула	нохч. ГІула (маІсага цѐи); гІалгІ. ГІула (топоним)
Ил/Иль (il)	Ил(а)
Бурсаг	Бурсаг(кх)
Акка	Акка
Атаб	Атаби, Атби
Тити (Убар-Туту)	Тута (гІалгІ. <i>убар, цѐала, тарам,</i> багахбувцамцара жиний хъисапера хІамаш)
Лулу	Лули?
Кали	Кали
Наг[у]	Наги
Муне	Муни

²⁸ Ср.: В некоторых дагестанских языках (лезгинская группа), например: рутульск. *дад* «отец», *адад* «дядя»; будухск. *Ада* «отец» лексически соответствуют шумерскому термину *ad* «отец» (Бернард Комри, Халилов, 2010).

(Струве, 1982, с. 12-25)²⁹

Шумерийи гІалгІайи вІаший тара йола массехк термин тохкаргья вай лохе. Шумерий *mesheam* «куда?» (*Mesheam iduden* «Куда ходил ты?») –гІалгІай *мича?* «куда?», *мича?//мичахья?* «где? в каком месте?», *мичара?* «откуда?»; нохчий *мича?* «куда?», *мичхья* «где?», *миччарра* «откуда-нибудь»; бацб. *мичме* «где-нибудь»; *миче, мичре(н)* «где? откуда?» (Ингушско-русский словарь, 2009; Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984; Мациев, 2000). Шумерий *mesheam* яхача деша геттара гарга да вай лакхе доладаь вайнаьха дешаш.

²⁹ Шумерские имена взяты из списка военнопленных женщин. Акад. В. В. Струве отмечает, что «...вопрос об этнической принадлежности этих военнопленных женщин заслуживает внимания...

Наряду с семитическими именами здесь имеется ряд имен несомненно шумерийского происхождения, а также некоторое количество имен, которые прежде считались «митанийскими», а в настоящее время «хуррийскими» (Струве, 1982, с. 13).

В списке военнопленные женщины перечислены поименно. Некоторые из этих имен сохранились в нахских языках, в частности, в чеченском. Для наглядности мы их сравниваем с устаревшими чеченскими именами.

Шумерские имена	Чеченские имена (женск.)
Ану	Ану
Амма	Ама
Амман	Амани
Аштура	Ашту
Зиббазу	Зазу, Зази
Баба	Бабу(муж.)
Нана	Нана
Медауе	Меди
Таббау	Таба

(Струве, 1982, с. 12-25; Джаракян, 1994, с. 3-15; Бибулатов, 1991)

И. М. Дьяконов и С. А. Старостин отмечают, что акад. В. В. Струве «...ошибочно счел эти имена хурритскими» (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 205).

Шумерий *шу* (*šū*) «кулг» да (Канева, 2006, с. 31, 33), гІалгІай *шу* «нанеи цІазеи пІелгашта юкЪера юкЪ» я.

Шумерий *sikaru* хурмаех (финиках) даьккха мерза малар да (Козырева, 1988, с. 143); цу деша тІара доагІаш хила тарлу дуккхача а метташца дола *шекар*. Эрсий *saxar* (*уст. захар, захарен, цукер*) полякашкара (*zுகೀர்*) хъаййца дош да. Цар шоай аргІанца немцашкара хъаййцад из дош. Янаша *сакхар, сакхаров* пали (*sakkharī*) яхача къамангара хъаййцад яхаш, язду А. Преображенскийс (Преображенский, 1910-1914).

ХІаьта А. Д. Вейсмана яхачох, яний *стикера* «корта бохош дола малар» да, дош ше жугтий меттацара Инджила тІара хъаййца а да (Вейсман, 1899). Фасмера язdechох, эрсаша *saxar* янашкара хъаййцад: *sJkaron* (Диоскорид, Перипл Красного моря), цар шоай аргІанца пали яхача къамангара (*sakkharī*) хъаййцай из термин (Фасмер, 1987). Латиний *saccharum* янашкара хъаййца лоархІаш да (Дворецкий, 1976). Цул совгІа – франц. *suc-re*, итальян. *zucchero*, араб. *sukkar*, ср.-инд. *sakkara*, румын. *zahar* (Хубшмид, 1990, с. 32-33).

Из термин ерригача хІана яц аьнна къулбаседа-малхбоален-кавказерча къамий меттала башхало йоацаш цаІ я: нохчий *шекар*, бацой *шакар*; джІайхой (аварски метташ, итт-цхъайгта мотт) *чакар, чикар, шакар*; Іандий (кхойгта мотт) *чакори, чакар, чака*; даргІой (даргински, барайгта мотт) *чакар, шекер, чикар*; лаьзгой *шекер*, иштта дІахо а (Бернард Комри, Халилов, 2010, с. 313). Вайна ма гарра шерра йаьржа культурни термин я из.

Вай ювцаш йола термин духхьал лаьтта леладеш хиннача къаман метта дІатІаяхъа йоагІаш я, хІана аьлча шекар е, вешта аьлча, кхоачам болаш морзо йоалла моллагІа а сом е хаьссом дІабувш, доал деш лелабе беа. Масала: шекар-эрз, шекар-хорсам, хурма (финик), комс; кхыметтел Канаде муттах шекар доаккха гІаьн а кара лелаш я.

Вай баъча тохкамах майрра оалилга да *шекар* яха термин шумерашкара хъайоагIаш хилар. ХIаьта шумераша шоай аргIанца кIалха даьхача къамий меттацара хъаййца хила тарлу из термин. Лакхе вай ма аллара, Лео Оппенхейма а могабу цу тайпара тохкам³⁰.

Шумерий *dúg* (*хандош*) яхача деша чулоацам ер ба: «безаме хилар, дика хилар, маьрша хилар»; «дика», «маьрша», «дог-дика» (Канева, 2006, с. 108, 185, 187, 190; цул совгIа хъажа Дьяконов, 1967, с. 50). В. К. Афанасьевас язdechох – «дикавар» (Афанасьева, 1979, с. 120). Шумерий *дику* «профессионални судхо, кхелахо хиннав» (Крамер, 2002, с. 339). Цу деша гарга да гIалгIай меттала *дика* «хороший, добрый», *дикал* «доброта, порядочность»; иштта ширьяьнна цIераш Дика саг (Диксаг), Дика (Дици); Дика Села (Диксел) «тайпан цIув» (Ингушко-русский словарь, 2009; Куркиев, 2004); иштта чулоацам болаш да цIой-бацой *дакин*. ХIаьта Ю. Дешериева тешал дечох цIой-бацой дош ширагIа а да (Дешериев, 2006, с. 354)³¹.

Шумерий *e-gal* «дворец, святилище» (букв. «дом

³⁰ Тахан дуккхача автораша *шекар* яха термин тюркий я аьнна, дIачIоагIдаьд, хIаьта тюркий мотт лебеш дола къамаш маьлхадаьнна цхьа эзареи ах эзареи шу мара дац. Цул совгIа, вайна ма харра, кхуврч боацаш, даьнна лийнна къамаш хиннад уж. Цар гIишло духхьал цхьалха чьатар хиннад, даар, деррига а хIана дац аьнна, маша, дулх хиннад. Шахьарашкара вахар довзаш, из къоабалдаьтIаэцаш, массехк бIаь шу доадаьд цар (V-IX-гIа бIаьшераш). Цхьан метте баха ховшарцеи лаятта леладе болабаларцеи цар метта алсама керда терминаш юкъеяхай. Цу исторически процесса теркам бе боагIа Илманхоша.

³¹ В древнегреческой мифологии *Дике* – богиня Справедливости. В древнегреческом языке *дике*: 1) первонач. обычай; 2) право, справедливость, правосудие; 3) об. судопроизводство, процесс, тяжба, суд; 4) решение суда, наказание, штраф (Козаржевский, 1993, с. 229-230).

большой») – укзаа *e-* гІалгІ. *Ia, Ie(л)* да; хІаѳта шоллагІдола дош *-gal* «большой, великий» яха маІан долаш да (Канева, 2006, с. 32, 22, 27, 37, 41). Из термин (*-gal*), хетаргахъа, шумераша субариташкара (хурриташкара) хъаййчаа дешаех хила тарлуш я: цкъа-дале, цу деша хъалхара компонент *e-* гІалгІай *Ie(л)* я; шозлагІа-дале, шумераш Месопотаме кхачалехъа, цу мехка йоккхий гІишлош йолаш хиннай. Царна юкъе зиккураташ шеший цѳераш йолаш хиннад, хІаѳта уж цѳераш, вай лакхе ма аллара, гІалгІай метгала я.

Цул совгІа, историкаша язdech, Ирана лоамашка а Юкъерча Азе къулбехъа а лаятта леладеш нах баъхача шахъарашка ширача замалахъ IV–III эзар шерашка дуккхача дезалашта лаърхІа дукхача дакъбах дийкъа доккхий цѳенош хиннад. ХІаѳта Ирана лоамашка малхбузехъа оагІув дІалоацаш баъхача хурриташа боккхийча дезалла лаърхІа гІаппа хъисапе, чоагІъя гІалаш еш хиннай (*История древнего мира, 1983. Кн. 1, с. 178*)³².

Далее «следов шумерской фонемы /h/ в шумерско-аккадских словарях нет. Однако шумерский знак *E* использовался еще в староаккадском и эблаитском для семитских фонем /h/ и /h/ (под h точка) перед /a/ , ср.: *e-gal* «большой дом», «дворец», «храм» > др.-евр.> *hekal*, арамейское *haikela* «храм» (не через аккадское посредничество, потому что в аккадском II–I тыс., во-первых, не было фонемы /h/, во-вторых, слово *ekallu* означало только «дворец», но не «храм»). По-видимому, шумерский знак *E* читался /hai/».

Исходя из данного материала, мы можем сделать

³² И. Т. Канева пишет, что шумерская фонетика нуждается в уточнении. Что же касается некоторых согласных, которые нас могут здесь заинтересовать, то «можно предположить, что в шумерском существовали фонемы *b1* и *b2* (инг. *b* и *b1?* – Х. Б.), *h1* и *h2*, *l1* и *l2...*» (Канева, 2006, с. 21-24).

следующие выводы: 1) шумерский знак *E* должен читаться с арабским «'айном» (с ингушской фонемой **I** впереди), т. к. в ингушском *Ie* «обитель, жилище» соответствует шумерскому «дом, дворец, храм»; 2) шумерская фонема /h/ предположительно должна читаться как «г'айн» арабское, или как *gI* ингушское, и тогда шумерское *-gala* («большой, великий») может быть прочитано как *-gIala*. Данный термин предположительно протигритский и был заимствован шумерами, как и часто приводимый в данной работе термин *Ie* (шум. *E*). Допустимо утверждать, что этимология современного ингушского слова *gIala* восходит через шумерское *-gala* («большой, великий») к прототигритскому языку.

Попутно у нас появились доказательства о заимствовании арабского (или семитского) термина *кала* «крепость» из другого языка. Ср.: шум. *e-gal* > аккад. *ekallu* > др.-евр. > *hekal* (где *he=e=* инг. *Ie*; *gal=kal*) > арамейское *hai-kela* (*hai=e= Ie*) > арабское *кала*. В печати часто встречаются утверждения, что данный термин тюркского или арабского происхождения, что далеко не соответствует истине. Что же касается наличия данного термина в тюркском языке, то в Среднюю Азию он мог быть занесен хурритами во II тыс. до н. э., основавшими здесь хорезмийскую культуру, и через их посредство он впоследствии попал в тюркские языки.

Цу совга, хІанзарча гІалгай меттала дегІа тенна долча оакхарий цІераш цу деша тара: *gIal* «лось»; *gIal* «ланка» (се сай).

Шумерий *barag* («часовня», «внутреннее святилище, огороженное место» (Канева, 2006, с. 46, 105; Дьяконов, 1967, с. 59) элгаца чухья дІакъоастая, геттара еза а, бо-ча а лоархІаш хинна моттиг я. ХІаьта аккадий меттала *Baragu* // *Baraxu* // *Paraxu* «внутренне святилище, святая

святых» шумерашкара хъаййцача Іадатаца дувзаденна хинна дош да.

Вай хъееш йола моттиг къайлаяккха ула пордув а хиннад из ціи йолаш. ГІалгІай мехка *БІар*ах яхаш топоним я, хетаргахъа, из ціи шумерий а аккадий а *Бар*аху яхача терминаца моллагІа бале а, цхъа бувзам болаш я. *БІар(г)*, *бІа*, *бІар (сом)*, *бІар (кхача; нохчий бІар герга хул)* – укх дешай этимологи цар керттерча белгалонца, кеп герга хиларца ювзаенна я (б=бІ). Ала деза, Месопотаме эггара хъалха деш хинна цІенош герга кеп (круглоплановые) йолаш хинналга.

Шумерий *gina* «хождение», *gin* «идуший», *tu-gin-gin* «ходил» – гІалгІ. *гІа* «шаг»; *гІаш* «пешком» (*g=гІ*). Деша лард шинна а меттала цаІ хила езаш я.

Шумерий *du* «строить», «делать», *dua* «постройка», *du* «строящий, построивший», *duud* «решающий построить; тот который должен построить, строящий», *du-da* «имеющее быть построенным», или «(чтобы) строить», *DU-du-a* «строитель» (Дьяконов, 1967, с. 40, 80; Канева, 2006, с. 12, 28-29, 50, 182) – гІалгІ. *ду* «делающий, творящий, обслуживающий», *доа* «сапетка» (гІишло), *даь-д* «сделал (построил)». Деша лард шинна меттала цаІ хила тарлу. Лакхе вай ма аллара шумерий дош *DU-du-a* «ГІишлошьер» яха чулоацам болаш да, цу деша тІара йоагІаш я шумерий а вай а йола Дуда яха ціи.

«Инанна Іел кІальяр» яхача шумерий мифа тІа дувц Инанна Іел йодаш къоарзача оагІатах дола *кхера-кІагаш* («камни-глазочки») а эхка, кечъялар. Іел наІарах чуйоалаш, хъяхочо уж Іодахийтача, бозбуачал дох Инанний. Уж санна дола *кхера-кІагаш* корадаьд Месопотаме археологен оахкамаш деш.

Эрсий «камни-глазочки» яха таржамхоша яьккха термин кхыча меттара калька йолга гуш да. ГІалгІай меттала *бІаргакІуг* «хрусталик глаза» яхача деша тІара

хьадоагIаш да алмаз-кIуг, хьера-кIуг, кхера-кIуг, тух-кIуг. Тух-кIуг яхача деша хьалхара маIан кIезига тух яхаш дале тамаш я, из аьтача туха герго буртилг хила безаш ба из.

Шумерий *dam-gar* // *dam-kar* «купец» (Канева, 2006, с. 136, 147) (*аккад. tamkaru* «странствующий торговец, торговый агент») яхача деша хьалхара дешдакъа *tam-vainaxa* дешаца бувзам болаш да. Нохчий: *там* 1) *уст.* калым (выкуп, вносимый женихом за невесту); 2) *уст.* Выкуп (вносимый кровниками при примирении); 3) почет, уважение; 4) удовлетворить, доставить удовольствие; 5) *уст.* выкупить невесту, дать согласие на чей-либо брак (Мацев, 2000). ГIалгIай: *тоам* «удовлетворение, мир, примирение, перемирие» (Куркиев, 2004).

ШоллагIа дешдакъа *-kar* гIалгIай *ка* «рука, хватка»; *кара* «на руки, на руках, вручную»; *уст.* «рука»; *нохчий ка* «удача»; *уст.* «рука» яхача деша гарга да (Куркиев, 2004; Мацев, 2000).

Шумерий *sang/sag* «корта» яхилга да. Цу дешаца нийслуш да гIалгIай *саг* (белгалдел: шумерий *саг-аш-саг-ана* («за голову, голову»)).

Месопотаме керда шу дIадолалора бIаьстан юхье дии бийсеи шоайла дIанийслуча дийнахьа (март бетта 21-гIа, е 22-гIа ди). Хьалхарча бетта *Nisannu* (*нисан*) хьалхара ди лоархIар цунах. Деша этимологи тахка этгача, вайна гучадоал: дии бийсеи вIаший *нийслу* ха я из, циггара доагIаш да шумерий а семитий *нисан* яха дош. Диста: гIалгIай *нийсал* 1) прямизна, ровность; 2) правильность, верность, точность, меткость; 3) равенство (Куркиев, 2004).

Ишкола доал деш хиннача сагах *уммиа* «знающий человек, учитель» оалаш хиннад шумераша, из а йоацаш, кхы а «ишколан да» яха цIи а хиннай цу сага. Белгалдел: гIалгIай меттала *Iама* «научиться, привык-

нуть»; *Тами уст.* ученик, ученица; *Тамар* «учеба, учение»; *Тамал* «богослужение» (Ингушско-русский словарь, 2009).

Шумерий *ba-ngar* («положено, положили»; префикс *ba-* выражал безличность), иштта да ГалГай *боа-Гар, доа-Гар* «положенное», укхаза *б-, д-* классни гойтамаш я.

Шум. *gaba* «накха», нохчий *Габли, Габали* «кхалсага дувхар» (накхах доалла дотуви тЕхкари шийца дола кхалнаьха чокхи).

Шумерий тексташ тIа хьехадеш да *удуг* цIи йола тЕхдика герз – *udug mah...* – [превосходное оружие «удуг»]. Цун этимологи оттаелга дац, цхьабакьда, нохчий къаман ширьяьннача маIача сага цIераца вай заманга кхаьчад из дош.

Шумерий *укур* «къе саг» [*ukur* «бедняк»] яха дош цу хьисапе да: ГалГай хиннай Укур яхаш маIача сага цIи.

Иштта да шумерий суккал *sukkal* «визирь, помощник» [*sukkal-mah-ensi* «великий визирь правителя»] яха термин. Из дош юкъе долаш Лу-суккал яха цIи а хиннай шумерий. ГалГай хиннай цу терминах гетгара тара йола Саккхал яха цIи. Хетаргахьа, ГалГай меттала *саькха* «настороженный, наблюдательный, чуткий» яхача деша тIара йоагIа шумерий *суккал* яха термин. Аьлан (паччахьа) гIонча оамалца хила доагIаш да из ше фийла, хIама зувш, саькха хилар.

Шумерий хандош *hul* «быть злым, скверным»; *hul-ti* «плохо расти» (букв. «быть скверным расти»), хIаьта вай меттала *хулла уст.* «рассыльный, человек на побегушках; лакей»; во оамалаш йоакха саг.

И. М. Дьяконовси С.А. Старостиней техкад хурритий *zilumba* «финик» (вай хурма оал цу сомах) яха дош. Цу хьакьехьа цар язду: «Хурритий *zilumba* «финик» я; даргIой (дарг.) *zunab*; гIаьзгIумкий (лакс.) *zunaw*; жIайхой (авар.) *zulam* «дутьэсти»; цIезий (цез.), гунз. *sumal*

«кагий kЮтарг, пицха»; нохчий zolam (жЮолам) «кагий котарг, пицха». Тахан дукхагІча Илманхоша укх тайпара бувзам болаш лоархІ из термин: хурритий zilumba < шумерий *zulum(m)a* (аккадий *suluppu*)» – яхаш язду автораша. «Цхьабакъда, – дІахо язду цар, – кавказерча къамаша геттара ширача замалахь денз шоаш бахача мехка тІадоалача дуьэстен цІи экзотически сома тІайихъай аьнна хетачул нийсагІа хургдар, дикка тІехъа Месопотаме баьхкача шумераша (ширача замалахь IV эзар- шерашка) шоай кердача мехка доацача дуьэстен цІи хурмах (финиках) [сом геттара тара хиларах] дІатІайихъай аьнна, лаьрхІача.

Цудухъа, шумерий *zulum(m)a*, хетаргахъа, *anse*, *hashur* (Іаж) санна, къулбаседера тІаййца дош да» (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 182).

Вай укхаза дувцачунца бувзаденна а из чІоагІьдеш а ба С. А. Старостина бу хоам: «...Белгалдоаккхаргда вай, шумерий *has-hur* «яблоня, яблоко (Іаж, Іажий га)» а, малхбоален-кавказера дух долаш хилар...» (Старостин, 1988, с. 126, ст. 3.22).

Шумерий *alam/alan* бІалгІа «статуя» яхилга да (Канева, 2006, с. 235); хІаьта гІалгІай меттала *аламбекъа* // *алам-бекъа* «надмогильный шест в честь павшего в бою»; шоллагІа дешдакъа *-бекъа* «жердь, шест»; (масала: турпалхочун боарза тІа аламбекъа багІа) (Куркиев, 2004; Саидов, 1968, с. 205). ГІалгІай меттала *аламкхадж* // *алам-кхадж*: а) бІунбаьччо качьулаеш хинна тхьамагІа тІалатта дошо Іаькъа (пектораль); б) бІунбаьчча даржалла тешал; б) маІача сага цІи.

Шерра йаьржа Хьалхашкарча Азера культурни термин я (Март , 1970, с. 351-352, 360; Ногаидели, Ломтагидзе, , 2010, с. 508; Гиоргадзе, 2010, с. 401; Макс Фасмер, 1986; Срезневский, 1989, с. 14).

Шумерий *ag* (агІ) «мерить, измерять»; цу деша овла

тIара я боахама тIавиллача хьакима цIи (agrig) (Канева, 2006, с. 235). Вайнаьха АгIа (АгI) яха шира цIи а цу овла тIара хила тарлуш я.

Шумерий dagal (дагIал) «быть обширным»; гIалгIай даьгIе «нива, пастбище, выгон» (там же, с. 235).

Шумерий gurus (гIуруш) «молодец» (там же, с. 235), хIаьта гIалгIай ГIураж – шира цIи.

Шумерий метгала *tus* (*туш*) «вагIа» хандош да; *ki* «моттиг» яхача цIердеша из IотIатехача, керда дош хьахул: *ki-tus* «фусам» (моттиг+ваха) [эрсий «жилище» (место+ жить)] (Канева, 2006, с. 22, 32).

Кхы цхьаькха маIан долаш да шумерий *tus* яха дош: *tus* «Iе» (эрсий «обитать»), *tus*-а «Iел, Iеш вола моттиг» (эрсий «обиталище», т. е. место, где обитают) (там же, с.185).

Гуржий исторе тIа *туши* аьнна цIи йоаккхаш ба бацой (цIой, цIой-бацой). Хьалха Тушете баьхаб хIанзара цIой-бацой, хIаьта XIX бIаьшу долалуш шоай лоаман мохк а бита, Гуржий мехка шаьрача баха хайшаб уж. Хьалхарча хана фьаьпашцара дIакъаьста, дIахийрабаьнна ба цIой-бацой яхаш хоамаш ду цхьаболча Илманхоша. Уж хоамаш бакъхила дезаш а да, хIана аьлча цIой-бацошта уллув бахача кисташа (ГуржегIа баха вайнах) хIанза а кераста гIалгIай оал царех³³.

³³ В частности, М. Б. Долгиева пишет: «...исследовал Гюльденштедт и языки народов, живших на Северном Кавказе, в том числе и ингушский язык. Пишет он, что ингуши говорят на одном языке с тушинами. Под тушинами имеются в виду цова-тушины или бацбийцы – этническая группа ингушского происхождения, переселившаяся не позднее XVI века в горный район Восточной Грузии – Тушетию. Однако Гюльденштедт, называя бацбийцев тушинами, все-таки различает тушин, говоривших диалектом грузинского языка, и бацбийцев, родной язык которых кистинский. Он в 70-е гг. XVIII века отмечал значительную грузинизацию языка и культуры бацбийцев. Населенные пункты этого народа: Етельта, Сагирта, Индурта, Цоя (Цовата), по сведениям исследователя, располагались

Туши яхаш йола къаман цИи а (Чрелашвили, 2000, с. 196) (эрсий меттала «насельники» аьлча геттара тарлуш да), цу деша овла тIара йола Тушети яха мехка цИи а лакхе вай техкача шумерий tus «Ie» (эрсий «обитать»), tus-а «Iел, Iеш вола моттиг» (эрсий «обиталище», т. е. место, где обитают) яхача деша тIара хила тарлуш я.

Цу тайпара хьахинна я вайнаха гарга хиннача хурри-таша хьакхеллача паччахьалкхен цИи: мотт > моттиг («стан, место, ложе, бивак») > мате («родина») > Майттане = Миттани.

Вай ювчача tus яхача шумерий терминаца ювзаенна я яхача замалахь гIалгIаша лоархIаш хиннача Тушоли-цIувна цИи. Тушоли яхача термина деша овла *туш* ба.

«Даьла юхь Тушол», «дошо цIув», «адамий нана» – иштта товш эпитеташ хиннай цу цIувна. Тушоле а цунах тарйолча фригийски Кибела (гIалгI. – Къоабала е Къоабала-Нана) сурт-сибаташ геттара шира лаьрхIад археолога Л. Н. Семеновс а³⁴.

1895-ча шера Далгат Башира Бейни дIаяздаьча ширача дуIан тIа иштта хьехаю из цIув: «...Дошо Маьтсела, хьай дика лиелахь тхона, лолара Бейна Села, хьай дика лиелахь тхона, *даьла юхь Тушол*, хьай дика лиелахь тхона, са мел доаллача хIаман даьхка а даьца а хьога да йоах, *даьла юхь Тушол*, хьай даьхках а хьай даьцах а сов

в верховьях р. Алазани» (Долгиева, 2005, с. 8).

³⁴ Затрагивая вопрос близости фригийской и ингушской культур, Л. Н. Семенов писал: «Совершенно очевидно, что образы как Кибелы, так и Тушоли зародились в отдаленную эпоху матриархата. Они являются божеством плодородия, символизируют неиссякаемые силы природы. Особенно почитали богинь женщины, к которым они являлись с мольбами о даровании им детей. Их чтили вместе с тем и за мужество. Кибела укротила льва, он охраняет ее у трона, он покорно несет ее на спине; пара львов везет ее в колеснице; лев – ее постоянный атрибут, характерно, что и на маске богини Тушоли – изображение головы льва» (Семенов, 1959, с. 197-219).

а кот а даха тхо, кастача кога гЮйя, шаьрача баталийа? даьга гЮйя, даьлагара диеха тхона, *даьла юхь Тушол*, вежарга гЮйя, цІувнашкара диеха тхона...» (Яковлев, 1990, с. 54).

Урартий Тушпа (хетаргахьа, Туш-пхьа) хІанзара Ван яхаш хиннача керттерча гІалий цІи а вай дувцача шумерий деша тІара я.

Иштта цу деша овлах латташ я моцагІа хурритий Майтанне паччахьал даьча Тушратта цІи а. Из цІи латт вай вувцача паччахьа Мисар-мехка пирІов хиннача Аменхотепага IV (ширача заман 1365–1348 шераш) яздаьча каьхата тІа (Эль-Амарнера архив) (Георгадзе, 1988, с. 257). Цу мугІарара я Туша яха шира вайнаьха цІи а³⁵.

Хьайбаех йола кЮанолгий жанр кхеллар ЗІамигача Ази ваьха Эзоп (ширача заман VI бІаьшере) лоархІаш хиннав янашеи римлянашеи. Амма таханарча ден вайна ховш да, Эзопа кхеллад яхача кЮнолгех алссама дакьа адамашта дуккха хьалха довзаш хинналга. Мичча тайпара дале а, «Эзопа кЮанолгаш» оолаш дола, хьайбаш дувцаш дола кЮанолгаш цу ханал массехка эзар шу хьалха довзаш хиннад Шумере. Цу хьакьехьа С. Крамера хоам бу: «Укх тІехьарча шерашка Э. Гордона хьагулдаь таржам даьд шумерий 295 кицаннеи кЮанолгаи. Цу тІа дувц 64 тайп-тайпара хьайбеи, оалхазари, кхьдола дийнати» (Крамер, 1991, с. 133-140).

Тха даь-нанас дувца кЮанолгаш, ишколе а вахале,

³⁵ Во фрагменте текста летописи урартского царя Менуа (конец IX – начало XVIII в. до н. э.), обнаруженного в кладке стены в церкви Сурб Погос в Ване, упоминается *«город Хулмеруни, страны племени Тушури(ехи), (который находился) с той стороны страны Мармани»*.

Столицей древнего Урарту был город Тушпа (арм. Тосп). Ныне город Ван (Арутюнян, 1988, с. 307-318).

хазъ вар со. Деша а Юмавенна, И. А. Крылова кЮанолгаш дайзача, сона гучадаьлар царех цхьадараш йоккхача нане дийцачарех долга. Уйла йора аз: «Деша а е И. А. Крылов малав ца ховча йоккхача нанена мичара дайзад-те ер кЮанолгаш?», яхаш. Воккха хилча, гучадаьлар сона И. А. Крыловс яздаь цхьадола кЮанолгаш француза Лафонтена произведенешкара хилар, хІаьта Лафонтена ший аргІанца Эзопа кЮанолгашта таржам даь хилар а. Сона И. А. Крыловс яздаь дайзадар уж кЮанолгаш, хІаьта йоккхача нанега даьшкара кхаьча тІехьале хиннаяр из.

Яний мехка ваьха, цар мотт ховш хиннавале а, Эзоп ше яни къамах хиннавац яхаш хоамаш да. Хьаховш, из малагІча къамах ва аьнна белгалдаьккхадац антични автораша. Шумерий, хурритий, урартий, иштта Хьалхарча Азе Іеш хиннача кхьдолча къамий кхолламах хиннад Эзопа дувцаш хинна кицаши кЮанолгаши. Иззал гаьна-ра хьадоагІа уж.

Эзоп лай хиннав. Дувцачох, дегІа теІа, астагІа, геттара хьатара бос болаш, сибата дала теа ийрча саг хиннав из. Цъабакъда, Дала хьаькъал алсама денна саг хиннав. Эзоп яха цІи геттара тара я вай меттацара Іазап яхача деша: Іазап «наказание, мучение, пытка» (Ингушско-русский словарь, 2009).

Вахар а, валар а Іазапе хинна саг ва Эзоп.

Вай лакхе доаладаь шумерий меттацара гучадаьнна вай дешаш гІалгІай мотт мел лебеча ханашка хувца ца луш хьадоагІача дешаех да. Вайна гуча ма даллара, дукхагІча даькъе хІанз шоай йола лексика а маІан а хиннад цар ялх эзар шу сов хьалха а.

Цу геттара ширача замалахь вай даьша лебаьча меттаца хиннад уж дешаш, хІанзарча вай меттаца а долаш да.

Иштта ба шумерийи гІалгІайи метташца цхьатара дола дешаш лохаш а, уж шоайла дусташ а, вай баь тохкам. Ший

долча дакъгах цу тохкамо гучадоаккх, цкъа-дале, Месопотаме шумераш бахкалехъа, цу мехка даъхача къамо лебеш хинна мотт вай къаман мотт хилар. ШозлаГa-дале, шеко йоацаш, вайна гучадоал шумерий дуккхача а дакъе йола терминаш цу меттацара дАийца хилар.

Пайда ийца литература

1. Абдулвахабова Б., Мадаева З. Женская одежда горной Чечено-Ингушетии XVII-XVIII вв. // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.
2. Авдиев В. И. История Древнего Востока. ОГИЗ, 1948.
3. Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1970.
4. Алироев И. Ю., Чапанов О.В. Отражение дифференциации чечено-ингушского дореволюционного общества в социальной терминологии вайнахов // Словообразование и словоизменение в нахских языках. Сборник научных статей. Грозный, 1986.
5. Амиров Ш. Н. Топография археологических памятников хабурских степей Северной Месопотамии V-II тыс. до н. э. // ВДИ, 2000, № 2 (233).
6. Арутюнян Н. В. К чтению и интерпретации фрагмента летописи Менуа // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
7. Архипов И. С. Топоним «Субир // Субарту» в Месопотамии III – первой половины II тыс. до н. э. // ВДИ, 2002, №4 (243).
8. Афанасьева В. К. Литература Шумера и Вавилонии // Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
9. Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979.

10. Афанасьева В. К. От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб., 1997.
11. Белицкий М. Шумеры. Забытый мир. М., 2000.
12. Бибулатов Н. С. Чеченские имена. Грозный, 1991.
13. Боровская Н. Ф. Лиры из «царских гробниц» Ура как памятники шумерской культуры раннединастического периода // ВДИ, №4(223), 1997.
14. Вагапова Т. М. Словообразование отчислительных слов и словосочетаний в чеченском языке // Словообразование и словоизменение в нахских языках. Грозный, 1986.
15. Вайман А. А. О протошумерской письменности // Тайны древних письмен. Проблема дешифровки. Сборник статей. М., 1976.
16. Вайман А. А. Шумеро-вавилонская математика III-I тысячелетия до н. э. М., 1961.
17. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. СПб., 1899.
18. Веселовский И. Н. Вавилонская математика // Труды института истории естествознания и техники. Т. 5. М., 1955.
19. Виноградов В. Б. Тайны минувших времен. М., 1966.
20. Виноградов В. Б. Время, годы, люди. Грозный, 1980.
21. Всемирная история. Каменный век. Мн., 2000.
22. Вулли Леонард. Ур халдеев. М., 1961.
23. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В.Вс. Миграции восточноиранских племен и раннеиранские заимствования в финноугорских языках // Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч.2. Тбилиси, 1984.
24. Гельб И. Е. Опыт изучения письма. (Основы грамматиологии). М., 1982.

25. Георгадзе Г. Г. Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988.
26. Гиоргадзе Д. Об одном традиционном обычае в горной Восточной Грузии // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика», 2009. Тбилиси, 2010.
27. Дахкильгов И. А. Мифы и легенды вайнахов. Грозный, 1991.
28. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
29. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. Грозный, 1963.
30. Дешериев Ю. К вопросу о генезисе категории грамматических классов и тенденции ее развития // Категория грамматических классов в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1989.
31. Дешериев Ю. Д., Дешериева Т. И. Ингушский язык // Языки мира. Кавказские языки. М., 2001.
32. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. М., 2006.
33. Дирингер Д. Алфавит. М., 1963.
34. Джаракян Р. В. Этнический состав населения к северу от долины реки Диалы (Ирак) в III тысячелетии до н. э. // ВДИ, 1994, №2(209).
35. Долгиева М. Б. Немецкие исследователи об ингушах и Ингушетии // Вопросы истории Ингушетии. Исследования и материалы. Выпуск 3. Магас, 2005.

36. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
37. Дьяконов И. М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
38. Дьяконов И. М. Народы древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. I. М., 1958.
39. Дьяконов И. М., Старостин А. С. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
40. Дьяконов И. М. Этнический и социальный факторы в истории древнего мира (на материале Шумера). К результатам IX Международной встречи ассириологов // ВДИ, №2 (84), 1963.
41. Дьяконов И. М. Протошумерские иероглифы // Тайны древних письмен. Проблема дешифровки. Сборник статей. М., 1976.
42. Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
43. Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.
44. Емельянов В. В. Древний Шумер. Очерки культуры. СПб., 2001.
45. Емельянов В. В. Категория МЕ в старошумерских и саргоновских текстах // ВДИ, №1, 2003.
46. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М., 2004.
47. Ингушский фольклор. Сост. А. Мальсагов, Магас, 2002.
48. Ингушко-русский словарь. Нальчик, 2009.
49. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовла-

- дельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. М., 1983.
50. История древнего Востока. М., 2001.
 51. Кадагидзе Д., Кадагидзе Н. Цова-тушинско-грузинско-русский словарь. Тбилиси, 1984.
 52. Канева И. Т. Шумерский язык. СПб., 2006.
 53. Канева И. Т. Шумерский героический эпос // ВДИ, № 3, 1964.
 54. Карпенко Ю. А. Названия звездного неба. М., 1981.
 55. Климов Г. А., Халилов М. Ш. Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М., 2003.
 56. Козаржевский А. Ч. Учебник древнегореческого языка. М., 1993.
 57. Конелес В. Ю. Сошедшие с небес и сотворившие людей. М., 2000.
 58. Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991.
 59. Крамер Самюэль. Шумеры. Первая цивилизация на Земле. М., 2002.
 60. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. Магас, 2008.
 61. Куркиев А. С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. Грозный, 1979.
 62. Куркиев А. С. ГалгГай-эрсий дошлорг. Магас, 2004.
 63. Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии. Перевод с аккад. Сост. В. К. Афанасьевой и И. М. Дьяконова. М., 2000.
 64. Козырева Н. В. Древняя Ларса. Очерки хозяйственной жизни. М., 1988.
 65. Къера Э. Они писали на глине. М., 1984.

66. Ладынин И. А. и др. История древнего мира: Восток, Греция, Рим. М., 2004.
67. Липин Л. А. Аккадский язык. М., 1964.
68. Мальсагов Д. Д. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» // Известия ЧИНИ-ИИЯЛ, вып. 2. Языкознание. Грозный, 1959.
69. Марр Н. Я. Избранные работы. Т. I. Этапы развития яфетической теории. Л., 1933.
70. Марр С. М. Мохаррам (Шиитские мистерии как пережиток древних переднеазиатских культов) // Сборник музея антропологии и этнографии, XXVI. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – Л., 1970.
71. Массон В. М. Первые земледельцы Месопотамии (К проблеме происхождения) // ВДИ №3 (117), 1971.
72. Мациев А. Г. Чеченско-русский словарь. М., 2000.
73. Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии // СА, 1971, №3.
74. Мифы народов мира. М., 2000.
75. Немировский А.И. Мифы древности: Ближний Восток. М., 2001.
76. Ногаидели Н., Ломтатидзе Т. Отражение древнейших верований в народных играх и забавах (по этнографическим материалам Аджары) // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика», 2009. Тбилиси, 2010.
77. Оздоев И. А. О словообразовании имен существительных в ингушском языке // Вопросы вайнахской морфологии. Грозный, 1983.

78. Оппенгейм А. Лео. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1990.
79. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Том второй. М., 1910-1914.
80. Саидов И. М. Мехк Кхел (Совет Страны) у нахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. II. Очерки по этнографии Горной Ингушетии. Тбилиси, 1968.
81. Семенов Л. Н. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Т.1. Вып. 1. История. Грозный, 1959.
82. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Том первый. Часть I. Репринтное издание. М., 1989.
83. Старостин С. А. Индоевропейские и северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
84. Струве В. В. Лагерь военнопленных женщин в Шумере конца III-го тыс. до н. э. // ВДИ, 1962, №3.
85. Струве В. В. Предисловие // Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1965.
86. Танкиев А. Х. Духовные башни ингушского народа. Сборник статей и материалов о народной культуре. Саратов, 1997.
87. Тенгиз Гудава. Электронный-ресурс: <http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary2.html>
88. Тимаев А. Основные принципы распределения имен существительных по грамматическим классам и пути исторического развития современной системы грамматических классов в нахских язы-

- ках // Категория грамматических классов в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1989.
89. Традиционное искусство Востока. Терминологический словарь. Под общей ред. Т. Х. Стародуб. М., 1997.
 90. Тураев Б. История Древнего Востока. Мн., 2002.
 91. Фалькенштейн А. Архаические тексты из Урука // Тайны древних письмен. Проблема дешифровки. Сборник статей. М., 1976.
 92. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1986.
 93. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1987.
 94. Хайров Б. А., Евлоев Я. И. Нахи: предки и наследники шумеров. Смоленск, 2005.
 95. Хубшмид И. Два румынско-славянско-тюркских этимологических гнезда и названия повозок в алтайских языках // ВЯ, 1990, №6.
 96. Чайлд Гордон. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
 97. Чикобава А. С., Церетели Г. В., Беридзе В. М. Языковедческая работа в Советской Грузии // Вопросы языкознания. 1952, №2.
 98. Чрелашвили К. Т. Бацбийский язык // Языки мира. Кавказские языки. М., 2001.
 99. Шюре Эдуард. Великие посвященные. Калуга, 1914.
 100. Учение. Пятикнижие Моисеево. Пер., введение и комментарии И.Ш. Шифмана. М., 1993.
 101. Эмин Н. О. Исследования и статьи по армянской мифологии, археологии, истории и истории литературы (за 1858-1884 гг.). М., 1896.

102. Юсифов Ю. Б. Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона) // ВДИ, 1987, №1 (180).
103. Яковлев Н. Ингуши. Популярный очерк. Книга – 2. М.–Л., 1925. Назрань, 1990.

Важнейшие даты

Датировка исторических событий до конца III тысячелетия до н. э. предположительная, со времени правления вавилонского царя Хаммурапи некоторые события могут быть датированы по годам. Все даты до нашей эры.

VII–V тысячелетия – неолитические культуры Северной Месопотамии: Джармо, Хассуна, Халаф.

Середина V – начало IV тысячелетия – «убейдское тысячелетие», начало разложения родовых отношений.

Середина – вторая половина IV тысячелетия – Культура Урука. Формирование основ шумерской цивилизации. Социальная дифференциация и возникновение первых государств.

Появление пиктографического письма.

Конец IV – начало III тысячелетия – Культура Джемдет-Наср.

Первая половина XXVIII – XXIV вв. – Раннединастический период. Образование шумерских городов-государств. Создание клинописи.

XXIV – XXII вв. – Месопотамия под властью Аккада. Правление династии Саргонидов.

XXII – XXI вв. – Объединение Шумера и Аккада под властью III династии Ура.

1894 – 1595 гг. – Возвышение Вавилона в эпоху Старовавилонского царства.

1792 – 1750 гг. – Правление царя Хаммурапи.

Принятая периодизация шумерского языка

(по Каневой, 2006)

2900–2500 гг. до н. э. – архаический период: много идеограмм в письме, не все грамматические форманты и звуки записываются; учебные и хозяйственные тексты, строительные надписи, юридические документы.

2500–2300 гг. до н. э. – старый период: хозяйственные тексты, строительные, юридические и исторические надписи.

2300–2200 гг. до н. э. – переходный период: малое количество памятников письменности, что объясняется шумеро-аккадским двуязычием.

2200–2000 гг. до н. э. – новый период: много строительных надписей, длинные стихотворения, тексты религиозного содержания, архивы.

2000–1800 гг. до н. э. – поздний период: эпические песни, гимны; явное влияние аккадского языка (семитическая группа афразийской языковой семьи).

С 18 века до н. э. – послешумерский период, когда язык перестал быть живым и оставался лишь одним из официальных; от этого времени остались билингвы.

Научное издание

ХАЙРОВ Байали Абукарович

Шумеро-ингушские лексические связи

(К постановке проблемы)

Сборник статей

Статьи печатаются в авторской редакции

Компьютерная верстка

Кодзоев М.Я.

Сдано в набор 10.09.2020 г.

Подписано в печать 18.09.2020 г.

Формат 30х42/4. Бумага офсетная – 65 г/м².

Гарнитура «Times». Печать трафаретная.

Физ. печ. л. 38,5. Усл.-печ. л. 19,25.

Тираж – 500 экз. Заказ № 694

Издательство ООО «КЕП»

386120, Республика Ингушетия,

с. Кантышево, ул. Джабагиева, 97.

Отпечатано в типографии ООО «КЕП»

386102, Республика Ингушетия,

г. Назрань, ул. Чеченская, 5.

E-mail: piligrim-K@list.ru